

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ
&
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ**

Epistemology & Philosophy of Science

Т. XXXVI • № 2

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

МОСКВА
Альфа-М
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакционная статья

- Принцип милосердия: заслуживает ли доверия субъект познания? 5**

И.Т. Касавин

Академия

- Дефляционистский подход к групповому сообщению 16**

Дженнифер Лэкки (США)

- Композициональность и ее прагматика. 42**

И.Б. Микиртумов

Панельная дискуссия

- Что такое «постнеклассическая наука»? 59**

А.Л. Никифоров

- Давайте уточним: а есть ли основания для спора? 65**

Е.А. Мамчур

- Размышления о концепции «постнеклассической науки» 71**

В.Г. Горохов

- Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности 78**

В.С. Стёпин

- Чем для меня является постнеклассическая наука. . . . 92**

В.И. Аршинов

- Когда ждать новой научно-технической революции? . . . 96**

В.А. Шупер

- Оживить Галатею 100**

В.Н. Порус

- Вынужден согласиться. 106**

А.Л. Никифоров

Иной взгляд

- Может ли зомби мечтать? 108**

С.С. Мерзляков

Панорама

- К критике репрезентационализма 123**

К.Г. Фролов

Кафедра

- Диалог поколений в век интернет-коммуникаций . . . 133**

Case-studies – Science studies

- Психологизм – парадигма non grata:
от философии сознания Д. Юма к критике
в работах М. Хайдеггера 148**
А.С. Позднякова

Междисциплинарные исследования

- Совместимы ли натурализованная эпистемология
и эволюционизм? 161**
А.В. Храмов

Контекст

- Толковая Палая о мироздании и познании 178**
И.А. Герасимова, В.В. Мильков

Историко-эпистемологические исследования

- Анатомия лабиринта: Юм о тождестве личности 195**
Е.Н. Блинов

Архив

- Рассел vs Майнонг: смысл диалога 210**
В.В. Селивёрстов, О.Ю. Попик
**Переписка Алексиуса Майнонга
и Бертрана Рассела 219**

Симпозиум

- Истина и ценности как ориентиры
социального познания 224**
Р.Э. Бараш

Новые книги

- От классической к неклассической
картине познания 230**
В.А. Бажанов
**Из истории логико-гносеологической
мысли в России 236**
Л.Г. Тоноян
**Проблема смысла в современных
философских и лингвистических
исследованиях 240**
П.С. Куслий
**Новые книги по философии языка
на английском языке 246**
Е.В. Вострикова

Наши юбиляры

Владимиру Натановичу Порусу 70 лет 250

Contents 251

Наши авторы 253

Памятка для авторов 254

Подписка 255

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

Журнал включен в новый перечень периодических изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ для публикации материалов кандидатских и докторских диссертационных исследований в области философии, социологии и культурологии (с 1 января 2007 г.)

Редколлегия журнала

Чл.-корр. РАН Касавин И.Т. (главный редактор), канд. филос. наук Антоновский А.Ю., д-р филос. наук Аршинов В.И., канд. филос. наук Вострикова Е.В. (зав. редакцией), д-р филос. наук Герасимова И.А. (зам. главного редактора), д-р филос. наук Горохов В.Г., д-р филос. наук Колпаков В.А., д-р филос. наук Кузнецова Н.И. (Российский государственный гуманитарный университет), канд. филос. наук Куслий П.С. (ответственный секретарь), д-р филос. наук Лисеев И.К., д-р филос. наук Микешина Л.А. (Московский педагогический государственный университет), д-р филос. наук Никифоров А.Л., д-р филос. наук Огурцов А.П., д-р филос. наук Порус В.Н. (Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики), д-р филос. наук Смирнова Н.М., д-р филос. наук Рабинович В.Л. (Институт культурологии Министерства культуры), Соколова Т.Д. (технический редактор), д-р филос. наук Филатов В.П. (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филос. наук Шрамко Я.В. (Криворожский государственный педагогический университет – Украина), канд. филос. наук Секундант С.Г. (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова – Украина)

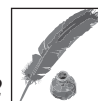
Международный редакционно-издательский совет

В.С. Стёпин (председатель), П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, И.Т. Касавин (зам. председателя), В.А. Лекторский, Х. Ленк (Германия), В.В. Миронов, Х. Позер (Германия), Е. Рада Гарсия (Испания), Т. Рокмор (США), Г. Фоллмер (Германия), С. Фуллер (Великобритания), Р. Харре (Великобритания), Я. Хинтикка (Финляндия–США), К. Хюбнер (Германия), Д.С. Чернавский

Региональный редакционный совет

В.А. Бажанов (Ульяновск), Н.В. Брянник (Екатеринбург), А.Г. Егоров (Смоленск), Т.Г. Лешкевич (Ростов-на-Дону), Н.И. Мартишина (Новосибирск), С.П. Щавелёв (Курск), И.В. Черникова (Томск)

© Институт философии РАН. Все права защищены, 2013
© «Альфа-М», 2013

Принцип милосердия: заслуживает ли доверия субъект познания?

И.Т. КАСАВИН

К постановке проблемы

Л. Витгенштейн как-то записал: «Если язык призван быть средством коммуникации, то должно иметь место согласие не только в дефинициях, но и (как бы странно это ни звучало) в суждениях»¹. Ему вторит Д. Дэвидсон: «Если мы хотим понять других, нам следует признавать их правоту во многих вопросах»². Это лишь две формулировки того, что в аналитической философии языка и сознания принято называть «principle of charity» и что на русский язык переводится как «принцип милосердия» или «принцип согласия»³. И хотя свое название он получил изначально от

¹ Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Oxford, 1978. P. 242.

² Davidson D. *On the Very Idea of Conceptual Scheme* // *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1984. P. 197.

³ См., например: Ладов В.А. Ограничения на 'charity' и возможность концептуальных различий в коммуникации // *Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2009. № 4 (8); Борисов Е.В. О теории интерпретации и эпистемологии Д. Дэвидсона // Там же. 2012. № 2 (18).

Н.Л. Уилсона⁴, две его наиболее содержательные интерпретации связываются с именами У. Куайна и Д. Дэвидсона. В чем же основной смысл принципа?

Этот вопрос упирается в более фундаментальный вопрос о природе языка, его функциях и основаниях, что является средоточием интереса многих современных участников «лингвистического поворота». Витгенштейн любил иллюстрировать свои размышления примерами языковых игр, в которых отдаются и выполняются приказы. Сегодня далеко не все согласны с тем, что именно приказ является основным речевым актом или главной функцией языка. Дж. Остин, Дж. Сёрл и др. выделяют множество разных актов такого рода – обозначение, именованье, выражение, описание, утверждение, побуждение к действию, сообщение и др.⁵ Коуди считает, что основным из них является именно сообщение (reporting)⁶ и что это даже не противоречит взглядам Витгенштейна. Если согласиться с этой точкой зрения, то коммуникация окажется сущностью языка, а философия языка, говоря словами И. Канта, – учением об условиях возможности коммуникации. Ссылка на Канта здесь не случайна: Дэвидсон формулирует именно трансцендентальный⁷ вариант принципа милосердия: если не допустить, что коммуникативный партнер является рациональным существом, т.е. использует слова в обычном значении и намерен сообщить истинное знание, то понимание оказывается невозможным. Поскольку же понимание *de facto* имеет место, то оно и возможно, т.е. принцип милосердия является его неизбежной предпосылкой.

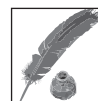
Можно подойти к пониманию природы языка иначе и увидеть в нем в первую очередь не коммуникативную функцию, а поведенческую реакцию на перцептивные стимулы. Куайн часто использует воображаемую этнографическую ситуацию для иллюстрации понимания языка как обозначения поведенческих реакций, например во время дождя. «Если аборигены не готовы прибегнуть (*assent*) к определенному предложению во время дождя, то аналогичным образом у нас есть основа-

⁴ См.: *Wilson N.L.* Substances without Substrata // *The Review of Metaphysics*. 1959. Vol. 12 (4). P. 521–539.

⁵ См., например: *Сёрл Дж. Р.* Что такое речевой акт // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1986. Вып. 17. С. 151–169.

⁶ См.: *Coady C.A.J.* *Testimony: A Philosophical Study*. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 154.

⁷ См., например: *Hernández Borges M.R.* The Principle of Charity, Transcendentalism and Relativism // *The Proceedings of the Twenty-First World Congress of Philosophy*. Istanbul, 2007. P. 69–75.

ние не переводить данное предложение как “Идет дождь”. Естественно, неготовность аборигенов прибегнуть к определенному предложению дает нам основание не конструировать это предложение как выражающее нечто, истинное для аборигенов в данный момент. Факты такого рода – это все, из чего мы можем исходить в попытках декодировать язык на основе вербального поведения в наблюдаемых обстоятельствах»⁸, – заключает Куайн. Он полагает, что основой понимания языка являются одинаковые способности восприятия и наблюдаемые факты, аналогичная логика рассуждения, а также идентичные значения слов, обозначающих одни и те же объекты. Это и есть принцип милосердия, по Куайну. Остается ответить на вопрос, имеет ли он онтологический или эпистемологический смысл. Если учитывать идею онтологической относительности Куайна, то есть основания согласиться с интерпретацией Г. Джекмена: «Милосердие становится не столько частью философского подхода, определяющего семантическое значение наших терминов, сколько эвристической максимой здравого смысла, который в целом направляет интерпретатора. Максима Куайна есть полезное руководство для исследования независимых фактов, касающихся значения, а не характеристика принципа, который частично его конституирует»⁹.

Итак, и у Куайна и у Дэвидсона собственно философское¹⁰ содержание принципа милосердия (в литературе он фигурирует также под другими названиями – principle of rational accommodation, principle of humanity) состоит в тезисе *идентичности субъекта* коммуникации и познания в стиле знаменитого картезианского «разум един у всех людей». Все люди примерно одинаковы по своим когнитивным способностям, существуют в сходных обстоятельствах, и это положение дел остается относительно стабильным в течение времени. Впрочем, данный тезис выдвигается не как наивный онтологический постулат, но скорее как методологическая максима, позволяющая наиболее удобно и экономно осуществлять философский дискурс в согласии с требованиями здравого смысла.

⁸ Quine W. Philosophy of Logic. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1970. P. 82.

⁹ Jackman H. Charity, Self Interpretation, and Belief // Journal of Philosophical Research. 2003. Vol. 28. P. 148.

¹⁰ Здесь мы не касаемся его логико-семантического содержания в узком смысле, следуя Коуди, который полагал, что принцип милосердия можно рассматривать и независимо от теоретико-истинностной семантики (Coady C.A.J. Op. cit. P. 155).

Нетрудно показать возможность расширения принципа милосердия на культурные объекты и артефакты вообще¹¹. Всякое творение разума и рук человеческих подчиняется одним и тем же условиям понимания. Произведение – это не просто бессмысленная авангардистская мазня, тупая религиозная догма, завиральная научная идея, умозрительные философские бредни, дурацкие хеппенинги, перформансы и инсталляции. Оно изначально рассматривается как имеющее смысл, ибо содержит глубокий замысел автора, опирается на какие-то отношения в объективной реальности, а также обоснованно вызывает признание компетентной публики. Мы, конечно, знаем, что на деле это далеко не всегда так. Однако если не допустить позитивного сценария, то нет никакого шанса оценить по достоинству даже выдающееся произведение (сделать его таковым, придать ему смысл). В образе принципа милосердия выступает, таким образом, *идея эпистемологического оптимизма*, требующая все нового обоснования перед лицом философского скептицизма – вечного оппонента сторонников реализма в аналитической традиции.

Милосердие и доверие: ответ философскому скептицизму

Итак, ключевой вопрос о познаваемости мира относится не только к свойствам этого мира, но и к природе познающего индивида, его структуре и познавательным способностям. Для более глубокого понимания истоков и предпосылок эпистемологического оптимизма необходимо осмыслить его неизменную альтернативу – скептическую оценку субъекта познания, имеющую давнюю традицию. Напомним, что философия Нового времени, начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта и даже, быть может, еще ранее, исходила как раз из *принципа недоверия субъекту познания*. Последний виделся как обремененный многообразными заблуждениями («идолами разума»), указывавшими на сенсорную, мыслительную и коммуникативную ущербность. И хотя определенные надежды возлагались на изобретение универсального метода открытия,

¹¹ Вероятно, с этим согласился бы В. Дильтей, который «допускает, что существует определенное подобие между субъектом, который являлся источником выражения, и субъектом, который пытается понять это выражение. В конечном счете это подобие проистекает из общей человеческой природы, каковая является неизменной всегда и везде» (Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. М., 2003. С. 488).

«ключа к истине» (Clavis Universalis), но все-таки основной акцент делался на ликвидации заблуждений, очищении разума. Это выступало условием последующего доверия субъекту и возможности поиска абсолютных оснований знания, будь то в чувственности или в рассудке. Данная принципиальная установка объединяла большую часть приверженцев и эмпиризма и рационализма при всей условности такого разграничения. В философии Канта она обрела свое логическое продолжение и кульминацию. Критическая философия требует от познающего субъекта серьезной дополнительной работы, чтобы знание, с которым он имеет дело, и в самом деле могло считаться знанием. Только наука дает, по Канту, образцы подлинно рационального знания, обладающего всеобщностью и необходимостью.

Понимание рациональности познания, связанное с неопозитивизмом и К. Поппером, наследует просвещенческий идеал и включает сильный акцент на роли критики в теоретическом знании. Приближение к истине, если вообще и возможно, обеспечивается не столько ростом истинного знания (ибо метода открытия не существует), сколько элиминацией заблуждений (в чем важнейшая функция всего процесса обоснования и проверки).

В ряде течений аналитической философии (поздний Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Г. Райл, Д. Дэвидсон) основным выражением человеческого познания выступает обыденный естественный язык. Неправильное употребление слов, синонимии и омонимии, неопределенность и субъективность смысла рекомендуются преодолевать путем «лингвистической терапии», создания совершенной семантической теории, обеспечивающей беспроблемную коммуникацию.

Характерно, что философия обыденного языка своими корнями восходит к идеям Т. Рида, ставившего во главу угла понятие здравого смысла. Его известный спор с Д. Юмом (тоже не чуравшимся апелляции к здравому смыслу) имеет своим предметом пределы обоснования знания. Юм полагал, что наука (включая и философию) и практика находятся в сложном взаимодействии, проявляющемся в колебании человека между скептицизмом и натурализмом. Бескомпромиссность теоретического анализа приводит к скептическим выводам, к пониманию несовершенства человека и границ его когнитивных (чувственных и рациональных) способностей. И напротив, потребности повседневной практики («жизни») и природные склонности накладывают ограничения на философский скептицизм, подгоняют его под исторически изменчивые

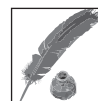
рамки обычаев и привычек, экономики, нравственности и языка. В отличие от Юма Рид был убежден, что необходимым и достаточным фундаментом знания является обыденный здравый смысл, т.е. второй компонент юмовской концепции, а скептицизм в принципе враждебен знанию. Более того, центральные моральные понятия объявляются первичными и не подлежащими дальнейшему анализу как по теоретическим, так и по моральным основаниям.

Так, обсуждение Ридом «природы и обязательности договора» в его «Опытах касательно активных сил человеческого ума» (1788) ведется в характерном духе: «Обязательность (obligation) договора и обещаний есть предмет столь священный и таких последствий для человеческого общества, что размышления, имеющие склонность ослабить эту обязательность и смутить (perplex) человеческие понятия о предмете, столь простые и важные, должны встречать порицание всех честных людей»¹². Рид вполне определенно указывает на метафизические и теологические аргументы в пользу своей позиции. Люди обладают природным моральным чувством различения добра и зла, которое производно от аналогичной божественной способности, пусть и не отличающимся такой безусловностью и совершенством: «Если понятие долга полагать простым, своего собственного рода и иной природы, чем понятия пользы и приемлемости (agreeableness), интереса или репутации; если эта моральная способность призвана быть прерогативой человека и ни крупинки ее не найдешь в диком животном... если руководствоваться ею достойно славы человека и образа Бога в его душе... я скажу, что если все обстоит именно так, то искать оснований моральности в аффектах, которые мы разделяем с животными, есть то же, что искать живых среди мертвых»¹³.

Эти пафосные и обнаруживающие сильную идеологическую нагрузку тезисы последовательно развенчиваются Юмом, для которого приемлемы только те аргументы, которые опираются на опыт. Именно к Юму восходит знаменитая «гильотина Юма» (термин введен М. Блэком), согласно которой нет логической связи между фактами и ценностями. Факты – производные от природы, а ценности – продукт общества. «Абсурдно воображать, что в каждом отдельном случае эти чувства (sentiments) продуцируются в исходном качестве и первичной конституции, – пишет он. – Ибо поскольку количество наших обязанно-

¹² Reid T. Essays on the Intellectual Powers of Man. L. : Tomas Tegg, 1843. P. 435.

¹³ Ibid. P. 404.

стей является в некотором смысле бесконечным, невозможно, чтобы наши исходные инстинкты распространялись на каждую из них и с самого нашего раннего детства впечатывали в человеческий разум все многообразие правил (precepts), содержащихся в наисложнейшей системе этики»¹⁴.

Противостояние Юма и Рида в сфере обоснования этики базируется на их несогласии по фундаментальным эпистемологическим вопросам: Рид защищает позицию фундаментализма, Юм – точку зрения последовательного эмпирико-аналитического скептицизма, позволяющего видеть в основании моральных правил интересы и социальные практики.

Социологический коллективизм против индивидуалистического реализма: Блур и Мак-Гинн

Примечательно, что аргументы Юма и Рида отчасти воспроизводятся в известном современном споре Д. Блура и К. Мак-Гинна¹⁵. Первый рассматривает факты, устанавливаемые социальными и гуманитарными науками, в качестве эмпирического базиса эпистемологии и социологии знания. Ясно, что всякие научные факты относительны, т.е. зависят от принимаемых теорий и могут быть пересмотрены с течением времени. В этом смысле наиболее адекватная эпистемология с необходимостью включает принцип релятивизма, т.е. зависимости знания от социокультурного контекста и достигнутого уровня научного знания. Мак-Гинн же усматривает пределы эпистемологического анализа в интуициях, свойственных обыденному сознанию и естественному языку. При этом статус данных интуиций объявляется intersubjectивным, но не подверженным влиянию социума и течению времени. В этом смысле они даже не нуждаются в анализе и тем более в критике, ибо сами задают рамки эпистемологии реализма. Тем самым последняя возводит в принцип доверие субъекту познания с его природными когнитивными способностями, в структуру которого изначально и навсегда встроено убеждение в существовании объективного мира и возможности его адекватного познания. Что же касается конкретно-

¹⁴ *Hume D.* A Treatise of Human Nature. Oxford : Clarendon, 1960. P. 125–126.

¹⁵ *Bloor D.* Wittgenstein on Rules and Institutions. L. : Routledge, 1997. P. 79–111; *McGinn C.* Wittgenstein on Meaning. Oxford : Basil Blackwell, 1984. P. 187.

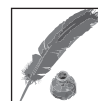
исторического содержания и формы этих убеждений, на деле обязанных условиям существования субъекта и определенным идейным (научным и вненаучным) течениям, то они неявно полагаются несущественными и присущими, напротив, здравому смыслу как таковому.

Противостояние Блур и Мак-Гинна проявляется и в вопросе об индивидуальном и коллективном субъекте познания. У Блур (как и у Канта) доверия не заслуживает как раз индивидуальный, эмпирический субъект, а если его кто-то и заслуживает, то лишь субъект коллективный, социальный (в кантовской терминологии трансцендентальный). Для Мак-Гинна же единственным реальным познающим субъектом выступает именно индивидуальный субъект, а коллективный – не более чем абстракция, подлежащая редукции.

«Как еще до них утверждал Рид, Мак-Гинн и другие индивидуалисты говорят, что индивидуальный разум реально содержит релевантный факт, т.е. факт необходимости или обязательности, и он имеет нередуцируемый характер. Уникальная природа этого факта отличает его от всяких иных кандидатов в факты, которые уже рассмотрены и отброшены. Единственное отличие этой позиции от точки зрения Рида состоит в том, что современные философы иногда менее чистосердечны или менее ясно осознают то отрицание натурализма, что имплицитно присутствует в их взглядах. И уж конечно, им далеко до высот риторики Рида»¹⁶, – иронизирует Блур.

Блур обнаруживает, что Юм, Витгенштейн и Крипке, являющиеся сторонниками коллективистского подхода, практикуют то, что современные социологи называют «методом кризисного эксперимента» (breaching experiment). Он состоит в демонстративном нарушении социальных правил в целях их выявления, и на него Рид, Мак-Гинн и другие индивидуалисты реагируют, как и положено в данном случае, с негодованием и злостью. Так, Юм развенчивает сакральность моральных норм, основанием которых не может служить безусловный факт в сознании или внешней реальности, и показывает их вторичный, производный от общества характер. Витгенштейн, ставя себя в позицию теолога, доказывает, что теологическая концепция блага должна бы опираться на волевой акт Бога, который не подлежит рациональной оценке с точки зрения соотношения добра и зла. Крипке обнаруживает, что значение математической операции сложения не опирается на какой-то факт, относящийся к объективной реальности, и

¹⁶ Bloor D. Op. cit. P. 125.

казалось бы, повисает в воздухе. Все они, таким образом, выявляют беззащитность реалистической позиции перед скептической критикой, поскольку реалист стремится напрямую связать наши понятия с некоторыми фактами объективной реальности. Подлинный же ответ скептику состоит в отнесении слов, понятий и норм к сфере социальных конвенций, сложившихся в процессе обучения и практики.

«В обеих версиях спора, как в XVIII, так и в XX в., те, кто проводит кризисный эксперимент, делают это, чтобы выявить социальный, а не психологический или индивидуальный феномен. В обоих случаях оппозиция социологическому подходу выражается в тезисе нередуцируемости (*irreducibility thesis*) и соответствующей приверженности принципу детерминации значения (*meaning determinism*). В XVIII в. обещание рассматривается как то, что мы в состоянии сделать, и принудительная обязательность выводится из интуитивного усмотрения значения принятого обязательства. В современном варианте провозглашается, что мы просто знаем, что означает понятие или правило, и соответствующая необходимость вытекает из его значения. Причины и следствия, которые коллективистская теория распределяет по совокупности социальных интеракций, индивидуалистский подход концентрирует в таинственном акте разума, обладающего квазимагическими или божественными качествами»¹⁷, – заключает Блур. Индивидуалистический реализм, таким образом, мистифицирует познавательный процесс, настаивая на том, что философская эпистемология должна ограничивать описание и объяснение знания метафизическими категориями объективности значения, последнего и нередуцируемого факта, реальности как она есть. Обвиняя социологический подход в релятивизме и скептицизме, реализм противопоставляет ему не более глубокое и богатое понимание познания и сознания, а лишь мнимо рационалистическое стремление основать их на произвольно отобранном и затем возвеличенном акте того же разума.

Итоги

Куайн и Дэвидсон, формулируя принцип милосердия, стремились смягчить радикальные выводы из своих тезисов «недодетерминации теории фактами», «радикальной интер-

¹⁷ Bloor D. Op. cit. P. 125–126.

претации». В частности, задача радикальной интерпретации состоит в конструировании утверждений иноговорящих коммуникативных партнеров «from scratch»¹⁸, т.е. путем импровизации, наброска и без помощи какой-либо семантической информации о чужом языке. Понимать чужой язык без предпосылок – что и говорить, задача амбициозная. Семантика-де должна «нарастать» по мере коммуникации, употребления и интерпретации языковых знаков. Однако в этом тезисе видится чисто логическое понимание формы языка в отрыве от культурных практик, образующих его содержание. Как можно допустить, что люди, с которыми у наблюдателя много общего, говорят на радикально ином языке, понимание которого предварительные семантические гипотезы могут только затруднить? Как достичь состояния «чистого сознания»? Как провести столь радикальную редукцию, тайны которой не разгласил и Э. Гуссерль?

И Дэвидсон, и Куайн исходят из идей Витгенштейна, который писал: «Предположим, ты приезжаешь как исследователь в неизвестную страну, где говорят на совсем чужом тебе языке. В каких обстоятельствах ты бы сказал, что люди там отдают приказы, понимают их, восстают против них и т.д.? Обыденное поведение людей есть система референции, с помощью которой мы интерпретируем неизвестный язык»¹⁹. Однако откуда происходит уверенность, что поведение (обычаи, ритуалы, традиции) понять легче, чем язык? Ведь у разных народов даже элементарные жесты (кивок головы) выражают иной раз противоположное содержание. Опереться при этом на разделяемые всеми людьми «элементарные факты» и «естественные типы» не получается, если продолжать числить среди людей аборигенов бассейна Амазонки, африканских бушменов и болгар, детей, инвалидов, душевнобольных, неграмотных и всех прочих, менталитет и обычаи которых отклоняются от менталитета и обычаев белых, здоровых, образованных, вменяемых жителей развитых стран Запада.

То, что Куайн или Дэвидсон выражает с множеством оговорок и ссылок на условный, методологический характер их положений, современные аналитики типа Мак-Гинна, П. Богосьяна²⁰ или Дж. Смарта²¹ утверждают с изрядным напором и

¹⁸ См.: Davidson D. *Belief and the Basis of Meaning* // *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1984. P. 144.

¹⁹ Wittgenstein L. *Op. cit.* P. 206.

²⁰ См.: Boghossian P.A. *The Rule Following Considerations* // *Mind*. Vol. 98. P. 507–549.

²¹ См.: Smart J.J. Wittgenstein, Following a Rule, and Scientific Psychology // *The Scientific Enterprise*; E. Ullmann-Margalit (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1992. P. 123–137.

простодушием. В основании принципа милосердия обнаруживается «реалистическая» эпистемология, которая соединяет в разных пропорциях натуралистическую тенденцию, приверженность здравому смыслу с рационалистическим реализмом в средневековом духе как поиском объективной реальности наших понятий. Как известно, она выражается классическим определением знания как обоснованного истинного убеждения. При этом под знанием понимается лишь «знание что», предметное знание, опирающееся на прозрачность сознания для его субъекта и факты, которые безусловно удостоверяют соответствующую им реальность. Все остальное, что не укладывается в это определение, фактически выводится за пределы эпистемологического исследования. Напомним, что к остальному относится понимание языка и другого человека вообще, созерцание природы, восприятие культурных артефактов, практические умения, социальная компетенция. Ведь они далеко не всегда могут быть выражены в убеждениях и соответствующих суждениях, имеющих истинностную оценку. Так, милосердие и доверие, провозглашаемые реализмом, оборачиваются своей противоположностью – совсем не благодушным эпистемологическим ригоризмом и демаркационизмом, запрещающим анализ и понимание большей части когнитивно-культурного универсума.

Однако можно (и нужно) пойти иным путем, который предлагают сторонники социальной эпистемологии. В этом случае значения терминов языка и факты сознания проясняются и объясняются через ряд дискурсивно-социальных практик, среди которых и следование правилу. Они задают нормы действия и коммуникации, а основание самой нормативности усматривается в самореферентности общества, которое продуцирует нормы и одновременно следует им. В этом контексте решается проблема доверия субъекту и принцип милосердия обретает свое подлинное основание. Если люди обнаруживают знание нормы тем, что следуют ей, то они вызывают взаимное доверие. И это позволяет встроить внутренние мотивы действий человека в его коммуникацию с другими, установить его принадлежность к общему социальному целому. Тогда в рамках коммуникации решается проблема референции, возникает понимание, а процесс познания обеспечивается сферой непроблематичных смыслов (повседневностью) и единой картиной мира. Идентичность познающего субъекта, заслуживающего доверия, в таком случае оказывается не статичной данностью, а *историческим и культурным проектом*, выстраивание которого составляет важнейшую задачу философии.

Дефляционистский подход к групповому сообщению

ДЖЕННИФЕР ЛЭККИ (США)¹

В статье исследуется вопрос о том, как мы должны понимать сообщение, транслируемое группой и выступающее в качестве источника знания. Согласно редукционистскому подходу к этой проблеме, сообщение группы, что *p*, эпистемологически сводимо к сообщению некоторого числа индивидов. Нередукционистский подход к объяснению подобных феноменов, напротив, утверждает, что в некотором очень важном смысле группа сама по себе является носителем того, что сообщается. Автор поднимает проблемы, касающиеся обеих точек зрения, и затем развивает собственное дефляционное описание, в соответствии с которым эпистемологический статус сообщения группы сводится к эпистемологическому статусу сообщения одного или более индивидов, хотя не обязательно являющихся ее членами.

Ключевые слова: эпистемологический редукционизм, носитель сообщения, дефляционизм, неклассическая эпистемология.

¹ Дженнифер Лэкки (Jennifer Lackey) – профессор философского факультета Северо-Западного университета (США) и выпускница Чикагского университета, специалист в области эпистемологии, философии сознания, феминистской философии. В настоящее время занимается проблематикой социальной, а также коллективной эпистемологии и эпистемологическим анализом сообщения как источника знания. Редактор-составитель (совместно с Р. Соусой) коллективной монографии «The Epistemology of Testimony» (Oxford University Press, 2006), автор монографии «Learning from Words: Testimony as a Source of Knowledge» (Oxford University Press, 2008). В круг исследуемых проф. Лэкки вопросов также входят: эпистемологическое значение несовпадения мнений, роль случайных факторов в процессе получения знания, проблема требований, предъявляемых к утверждению.

Предметом настоящей статьи является сообщение группы как *источник знания*, а вопрос, который будет стоять в центре моего исследования, заключается в следующем: когда мы получаем знание из сообщения группы, кто является источником этого знания? Будет ли источником отдельный индивид, или множество индивидов, или некоторым образом сама группа в целом? На этот вопрос даются как положительные, так и отрицательные ответы. Согласно редукционистскому подходу, групповое сообщение, что *p*, эпистемологически сводимо к сообщению некоторого числа индивидов. Стандартная редукционистская теория представляет собой суммативную точку зрения, в соответствии с которой свидетельство группы, что *p*, может быть понято так, что если бы представилась соответствующая возможность, все или некоторые члены группы свидетельствовали бы, что *p*. Различие между суммативным и несуммативным описанием обязано своим возникновением Энтони Куинтону², хотя он концентрирует внимание на таких описаниях скорее применительно к группам как таковым, чем к их сообщениям. Он пишет: «Конечно, мы действительно свободно говорим о ментальных качествах и действиях группы таким же образом, как если бы речь шла об отдельных людях. О группах говорят, что они обладают убеждениями, эмоциями и установками и принимают решения, и дают обещания. Но эти словесные обороты очевидно являются метафорическими. Приписывание ментальных предикатов группе всегда представляет собой косвенный способ приписывания этих предикатов участникам группы. Приписывание таких ментальных состояний, как убеждения или установки, принадлежит к тому типу, который я назвал суммативным. Сказать, что рабочий класс вынужден противостоять законам антипрофсоюзного лобби, значит сказать, что все или большая часть рабочих настроены подобным образом»³.

² Quinton A. Social Objects // Proceedings of the Aristotelian Society. 1975/1976. Vol. 75. P. 1–27.

³ Ibid. P. 17. Сравним то, что говорит Куинтон, с тем, что пишет Маргарет Гилберт о суммативных взглядах на групповые убеждения: «Что значит для нас верить в то-то и то-то в соответствии с нашим повседневным пониманием? Принято отвечать на этот вопрос при помощи некоторой разновидности “суммативного” описания. Когда мы полагаем, что *p*, это значит, что все или большинство из нас полагают, что *p*. Или возможно дополнить ответ условием “общего знания”: когда мы полагаем, что *p*, это значит, что все или большинство из нас полагают, что *p*, в то время как мы обладаем общим знанием. Каким бы точным ни было описание, главное в нем – некоторое число индивидов, лично убежденных, что *p*» (Gilbert M. Remarks on Collective Belief // Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge ; F.F. Schmitt (ed.). Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers, 1994. P. 235); Goldman A.I. Social Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; E.N. Zalta (ed.). – <http://plato.stanford.edu/archives/fall2009/entries/epistemology-social/>

Используя замечания Куинтона⁴ применительно к нашей теме, мы можем сказать, что с эпистемологической точки зрения нет ничего особенного в сообщении группы, понимаемом в суммативном ключе, – общую теорию сообщения как познавательного ресурса можно свободно распространить на отдельных членов, сообщения которых и составляют сообщение, транслируемое группой⁵.

Суммативные описания групповых суждений также проистекают из разнообразных процедур, объединяющих индивидуальные суждения, принадлежащие членам группы, в коллективное. «Процедуры соединения являются механизмом, который группа, состоящая из множества участников, может использовать, чтобы объединить (“собрать”) индивидуальные убеждения или суждения, имеющиеся у членов группы, в коллективные убеждения или суждения, одобряемые группой в целом»⁶.

Если полученные групповые суждения могут быть сообщены или переданы иным образом, тогда подобное описание можно легко истолковать как редукционистский или суммативный взгляд на сообщение, транслируемое группой. Например, процедура повеления, «в соответствии с которой коллективные суждения всегда являются суждениями некоего заранее определенного члена группы (диктатора)»⁷,

⁴ Эта цитата из Куинтона отсылает нас к двум различным представлениям о сообщении, транслируемом группой. С одной стороны, к *элиминативистскому*, согласно которому в действительности неверно, что группы свидетельствуют о чем-либо, и, следовательно, случаи приписывания группе неких сообщений носят исключительно метафорический характер. С другой стороны, здесь говорится о редукционистском представлении, в соответствии с которым действительно верно, что группы свидетельствуют о чем-то, но такие заявления становятся истинными благодаря свидетельствам отдельных членов группы. Суммативное описание, как я понимаю его в этой статье, является редукционистским, а не элиминативистским.

⁵ Согласно Деборе Толлефсен, суммативное представление о транслируемом сообщении или свидетельстве может быть понято следующим образом: «Когда группа делает какое-то сообщение, оно на самом деле понимается как сообщение, идущее ото всех или некоторых членов – то, о чем бы они свидетельствовали, представься им такая возможность. Другим способом истолкования этого суммативного подхода было бы сказать, что сообщение группы, что *p*, выражает мнения всех или некоторых ее членов» (Tollefsen D. Group Testimony // *Social Epistemology*. 2007. Vol. 21. P. 300). По причинам, о которых будет сказано в этой статье позднее, я не думаю, что эти две характеристики эквивалентны.

⁶ List C. Group Knowledge and Group Rationality: A Judgment Aggregation Perspective // *Episteme*. 2005. Vol. 2. P. 25. Подробнее об этом см.: List C., Pettit P. Aggregating Sets of Judgments: An Impossibility Result // *Economics and Philosophy*. 2002. Vol. 18. P. 89–110; *Idem*. Aggregating Sets of Judgments: Two Impossibility Results Compared // *Synthese*. 2004. Vol. 140. P. 207–235; Dietrich F. Judgment Aggregation: (Im)possibility Theorems // *Journal of Economic Theory*. 2005. Vol. 126. P. 286–298; Pauly M., Heese M. van. Logical Constraints on Judgement Aggregation // *Journal of Philosophical Logic*. 2006. Vol. 35. P. 569–585.

⁷ List C. Op. cit. P. 28.

сводит суждение группы к суждению одного-единственного ее члена – диктатора. Мажоритарная процедура, «согласно которой группа считает данное высказывание истинным всякий раз, когда большинство членов группы считают его истинным», сводит суждение группы к суждениям большинства ее членов⁸. Супермажоритарная процедура, в соответствии с которой группа считает данное высказывание истинным всякий раз, когда подавляющее большинство ее членов считают его истинным, сводит суждение группы к суждениям подавляющего большинства ее членов. А процедура единодушия, «в соответствии с которой группа выносит суждение о высказывании, если и только если ее члены единогласно одобряют это суждение»⁹, сводит суждение группы к суждению всех ее членов при условии, что между ними имеет место полное согласие. Хотя между основаниями редукции у таких представлений существуют очевидные различия, все они одновременно являются и редукционистскими, и суммативными: суждения группы сводимы к суждениям всех или некоторых членов, входящих в ее состав.

В рамках нередукционистского описания, напротив, утверждается, что сообщение, транслируемое группой, несводимо к сообщениям всех или некоторых ее членов¹⁰. В частности, такое представление подразумевает, что в некотором очень важном смысле группа сама по себе является источником знания, поскольку по своим эпистемологическим характеристикам ее сообщение существует помимо и сверх или иным образом отличается от сообщения любого из ее членов. Что касается несуммативной точки зрения, согласно ей, свидетельство группы, что *p*, не может быть понято в том смысле, что все или некоторые члены группы свидетельствовали бы, что *p*, если бы представилась подходящая возможность. Таким образом, более точную формулировку рассматриваемого в данной статье вопроса можно выразить следующим об-

⁸ Ibid. P. 27.

⁹ Ibid. P. 30.

¹⁰ Использование понятий «редукционизм» и «нередукционизм» в данном контексте не должно смешиваться с тем, как используются редукционизм и нередукционизм применительно к точкам зрения на обоснованность индивидуальных убеждений, приобретенных на основании сообщений и свидетельств со стороны других людей. По поводу дискуссии относительно последнего см.: *Coady C.A.J. Testimony: A Philosophical Study*. Oxford : Clarendon Press, 1992; *Fricker E. Against Gullibility // Knowing from Words* ; B.K. Matilal and A. Chakrabarti (eds.). Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 125–161; *Idem. Telling and Trusting: Reductionism and Anti-Reductionism in the Epistemology of Testimony // Mind*. 1995. Vol. 104. P. 393–411; *Lackey J. Learning from Words*. Oxford : Oxford University Press, 2008.

разом: существует ли какое-то эпистемологически значимое основание, позволяющее утверждать, что группы выступают источниками сообщенного знания, т.е. такого, которое получено на основании сообщения?

В настоящей работе я буду отстаивать отрицательный ответ на поставленный вопрос. Начну с обсуждения наиболее сильных аргументов, выдвигаемых с позиций нередукционистского, несуммативного описания сообщений, транслируемых группой. Хотя я доказываю несостоятельность таких аргументов, по крайней мере одно из приводимых далее соображений подрывает основы суммативизма. Неудача этих работ в области коллективной эпистемологии призвана обратить внимание на то, что отказ от суммативного описания групповых сообщений тем не менее с неизбежностью не влечет за собой принятие нередукционистской или «инфляционной» точки зрения на этот феномен. Далее я изложу *дефляционное описание*, согласно которому сообщение группы *редуцируется* к сообщению одного или нескольких индивидов, хотя необязательно тех, которые являются членами данной группы. Соответственно моя точка зрения отлична от любого из ныне существующих в литературе описаний сообщений, транслируемых группой, так как она по самой своей сути одновременно является и редукционистской, и несуммативной.

1. Нередукционистский взгляд на сообщение группы – некоторые соображения

Существует несколько причин, почему нередукционистское и несуммативное представление о групповых сообщениях считается необходимым в эпистемологии. Первое и явно наиболее часто упоминаемое соображение мы можем назвать «недостаток убежденности»: никто из членов данной группы может не верить, что p , однако слушатели, несмотря на это, способны получить знание, что p , на основании утверждения группы, что p . Доводы Филиппа Петти в поддержку коллективных суждений и намерений вполне вписываются в эти рамки. Например, он обсуждает ситуацию, касающуюся служащих компании, решающих вопрос о том, стоит ли отказаться от повышения заработной платы с тем, чтобы потратить эти деньги на обеспечение рабочих помещений мерами безопасности, или же нет. Предположим, сотрудники принимают решение, опираясь на рассмотрение трех отдельных вопросов: «во-первых, насколько велик риск, во-вторых, насколько эффективными являются меры безопасности, которые можно установить на прибавляемые к заработной плате

деньги; в-третьих, приемлема ли потеря надбавки для самих сотрудников. Если служащий считает риск вполне серьезным, меры безопасности вполне эффективными, а потерю в заработной плате вполне приемлемой, он или она проголосует за то, чтобы пожертвовать надбавкой; в противном случае он или она будет голосовать против»¹¹. Представим теперь, что трое служащих компании голосуют следующим образом:

Служащий	Велик ли риск?	Эффективны ли меры?	Приемлем ли убыток?	Пожертвовать ли надбавкой?
А	Да	Нет	Да	Нет
В	Нет	Да	Да	Нет
С	Да	Да	Нет	Нет

Если суждение группы определяется тем, как голосуют ее члены по упомянутым выше вопросам, тогда нужно согласиться пожертвовать надбавкой, поскольку в каждом из приведенных столбцов «да» встречается чаще, чем «нет». В таком случае «группа вырабатывает суждение по вопросу перераспределения надбавки к заработной плате, прямо противоречащее единогласному голосованию ее членов. Она образует суждение в полном, наибольшем из возможных отрыве от соответствующих суждений своих членов»¹². На основании случаев, подобных этому, вкпе с убедительным заявлением, что данные размышления о суждениях могут быть легко распространены на намерения, Петти делает вывод, согласно которому группы являются интенциональными субъектами, отличающимися и существующими «помимо» отдельных своих членов. Он пишет: «Эти разрывы между коллективными суждениями и намерениями, с одной стороны, и суждениями и намерениями членов – с другой, проясняют, в каком смысле социальное целое является интенциональным субъектом, отличающимся от своих членов»¹³. Если мы предполагаем, что группа может официально сообщать или каким-то иным способом передавать свои суждения и намерения, несуммативная оценка группового сообщения представляется естественно следующей из вывода Петти.

Похожий аргумент выдвигается Фредериком Шмиттом, который отвергает суммативный подход к оценке группового убеждения по следующим причинам: «Предположим, Библиотеч-

¹¹ *Pettit P. Groups with Minds of Their Own // Socializing Metaphysics; F. Schmitt (ed.). N.Y. : Rowman and Littlefield, 2003. P. 171.*

¹² *Ibid. P. 183.*

¹³ *Ibid. P. 184.*

ный комитет и Бюджетный комитет должны каждый в отдельности решить, подходит ли прошлогодний бюджет библиотеки для нынешнего года. Бюджетный комитет решает, что да, в то время как Библиотечный дает отрицательный ответ. До сих пор их члены – одни и те же (и допустим для упрощения дела, судят они одинаково). Отсюда следует, что один из двух комитетов убежден в высказывании, что p , в которое не верит никто из его членов. Этим особенностям достаточно, чтобы поставить под сомнение суммативное описание группового убеждения»¹⁴.

В приведенном отрывке Шмитт утверждает: поскольку группа в целом может полагать, что p , даже при отсутствии хотя бы одного ее члена, полагающего, что p , правдоподобность суммативного описания группового убеждения оказывается серьезно подорванной¹⁵. Повторимся, если группа может сообщать свои убеждения посредством, например, публикуемых документов, устных докладов ее официальных представителей и т.д., то отсюда следует необходимость принять несуммативное или иное инфляционное описание групповых сообщений.

Дебора Толлефсен приводит доводы непосредственно в поддержку несуммативного или нередукционистского видения группового сообщения, предлагая проанализировать доклад, выпущенный в 2002 г. Комиссией по народонаселению ООН и озаглавленный «Графики роста народонаселения», который представляет данные по 12 социально-экономическим показателям, характеризующим состояние населения. Согласно Толлефсен, «этот доклад является свидетельством Комиссии по народонаселению ООН», так как не может быть сведен к свидетельствам всех или некоторых из 47 ее членов. Она пишет: «Никто из членов не являлся автором доклада как отдельного свидетельства, поскольку ни один из них не располагал всеми мнениями или всей информацией, изложенной в этом документе. В самом деле, мы можем допустить, что никто из них не имел представления о положении с рождаемостью, скажем, в Южной Америке до тех пор, пока не прочел доклад. Также мы можем допустить, что каждый член остался скептически настроенным по отношению к нему. Они не доверяют содержанию доклада, пока он

¹⁴ Schmitt F.F. The Justification of Group Beliefs // *Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge*; F.F. Schmitt (ed.). Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 1994. P. 261.

¹⁵ По поводу других инфляционных описаний групповых убеждений см.: Gilbert M. *On Social Facts*. L. : Routledge, 1989; *Idem*. Remarks on Collective Belief // *Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge*; F.F. Schmitt (ed.). Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers, 1994. P. 235–256; Tuomela R. *Group Beliefs* // *Synthese*. 1992. Vol. 91. P. 285–318.

остаётся докладом Комитета – в силу тех организационных условий, в которых он был написан»¹⁶.

Принимая во внимание, что содержащаяся в докладе информация относительно ситуации с уровнем рождаемости в Южной Америке является сообщением, транслируемым Комиссией по народонаселению ООН, и помимо этого, возможно, ни один из ее членов не доверяет этой информации, последовательным шагом представляется поддержка несуммативного понимания группового сообщения. В противном случае придется задаться вопросом, как свидетельство, обнаруживаемое в докладе, может быть редуцировано к свидетельствам каждого или некоторых членов Комиссии по народонаселению ООН, если ни один из них даже не доверяет его содержанию?

Второй довод в поддержку сообщения как порожденного именно группой, который мы можем назвать «недостаток информации», также подсказан приведенными выше рассуждениями: никто из членов группы может не обладать всей полнотой информации, переданной посредством сообщения, что *p*, однако, несмотря на это, слушатели получают знание, что *p*, на основании сообщения группы, что *p*. Это не исключительное явление: группа сообща работает над проектом, каждому участнику вменено в обязанность заниматься каким-то одним его аспектом, а один человек – который может даже не быть членом группы – собирает всю существенную информацию в единственный публикуемый отчет. В подобном случае ни один член группы не имеет доступа к всей передаваемой информации, поэтому только группа сама по себе, понимаемая здесь в несуммативном ключе, вероятней всего служит источником полученного реципиентами знания.

Третье и непосредственно связанное со всем сказанным выше основание трактовать сообщение как порожденное именно группой мы можем назвать «недостаток достоверности»: возможно, ни один член группы не является надежным источником сообщения, что *p*, однако, несмотря на это, слушатели приобретают знание, что *p*, на основании сообщения группы, что *p*. Это следует из предыдущего момента: если нет ни одного члена данной группы, осведомленного обо всем содержании доклада, которое сообщается как отражение действительного положения дел, тогда, несомненно, не существует и такого члена, который был бы достоверным в эпистемологическом плане источником переданной таким образом информации. Как пишет Толлефсен, «каждый член может быть достоверным источником

¹⁶ Tollefsen D. Op. cit. P. 301.

той информации, которую он предоставляет сам, но ни один индивид не является достоверным источником всего отчета в целом, потому что не существует индивида, предоставляющего всю информацию»¹⁷. На этом основании группа сама по себе должна быть признана важным источником знания.

Последнее соображение в поддержку инфляционной точки зрения на групповое сообщение мы можем назвать «ссылка на группу»: мы регулярно указываем на группы как на источники знаний, которыми обладаем. Я могу сказать: «Я узнала от Американского клуба собаководства, что лабрадор-ретривер наиболее популярная из породистых собак в США» или «Я узнала от католической церкви, что Папа считается непогрешимым в своих официальных заявлениях». В подобных случаях я упоминаю группы как источники своего знания, и эти описания интуитивно кажутся правильными, так как не существует индивида, явно принимающего на себя эпистемологическое бремя обладания такой информацией. Также существуют примеры сообщений, отражающих точку зрения скорее коллективного, чем индивидуального субъекта. Кристиан Лист предлагает следующие примеры такого рода групповых сообщений: «экспертная группа или команда исследователей, которая публикует совместный отчет по какой-либо научной теме, комитет центрального банка по монетарной политике, составляющий экономический прогноз, или суд, оглашающий свою оценку относящихся к некоторому делу фактов»¹⁸. В каждом из перечисленных случаев сообщение передает позицию группы безотносительно к мнениям ее отдельных членов самих по себе. Из этого, кажется, следует, что мы должны поддержать нередукционистскую или инфляционную точку зрения.

Итак, мы увидели, что существуют различные соображения, претендующие на то, чтобы утвердить необходимость нередукционистского или несуммативного представления о сообщении, транслируемом группой. В следующих двух разделах я подробно рассмотрю соображение о недостатке убежденности и его варианты. Существуют две причины более пристального внимания именно к этому доводу. Во-первых, недостаток убежденности является наиболее часто упоминаемым аргументом в поддержку инфляционного описания группового сообщения и, следовательно, возникает впечатление, что сторонники такого описания считают его наиболее убедительным. Во-вторых, и это важнее, будет намного проще ответить на другие доводы после того, как

¹⁷ Ibid. P. 305.

¹⁸ List C. Op. cit. P. 26.

я приведу аргументы против недостатка убежденности и изложу собственную дефляционную точку зрения. Сделав это, в последующих разделах статьи я вернусь к недостатку информации, недостатку достоверности и ссылке на группу.

2. Недостаток убежденности

Для начала напомним, что рассуждение, которое мы назвали недостатком убежденности, завершается выводом о необходимости поддержать нередукционистский взгляд, поскольку, возможно, не существует ни одного члена группы, который придерживается соответствующего убеждения.

Аргумент 1

(1) Группа Gp может сообщать, что p , даже в тех случаях, когда ни один ее член не убежден, что p .

(2) Следовательно, Gp сама по себе является источником знания, что p .

Сразу же становится очевидным: для того чтобы (2) следовало из (1), необходимо добавить еще одно допущение:

(убежденность говорящего) говорящий G может свидетельствовать, что p , только если убежден, что p ¹⁹.

При наличии недостатка убежденности со стороны отдельных членов группы Gp , что p , требуется, чтобы Gp сама по себе была источником сообщения, что p . Так происходит вследствие представления: убеждение, что p , является необходимым условием для свидетельствования, что p . Однако, несомненно, (убеждение говорящего) является неправдоподобным допущением. Когда, например, человек лжесвидетельствует, находясь под присягой, из этого факта не следует, что он не способен что-либо сообщить, наоборот – он предлагает ложное или недостоверное сообщение, но все-таки это сообщение. Данная позиция подкрепляется и тем обстоятельством, что в существующей литературе нет ни одной точки зрения, которая принимала бы (убеждение говорящего). Так, Элизабет Фрикер характеризует сообщения как «рассказы вообще» без «ограничений, идущих как от предмета, так и от того, в каком эпистемологическом отношении к нему находится рассказчик»²⁰.

¹⁹ Строго говоря, к аргументу 1 требуется добавить еще одно допущение, которое можно сформулировать следующим образом: (убеждение группы) группа Gp сама по себе может придерживаться убеждения, что p , даже если ни один участник группы не разделяет этого убеждения. Поскольку (убеждение группы) не будет иметь заметного значения для наших рассуждений, я не стану освещать в тексте его роль в аргументе 1.

²⁰ Fricker E. Telling and Trusting: Reductionism and Anti-Reductionism in the Epistemology of Testimony // Mind. 1995. Vol. 104. P. 396–397.

Подобным образом Роберт Ауди заявляет, что мы должны понимать сообщение как «рассказ людей о событиях»²¹. Даже те варианты, которые являются более узкими, чем представления Фрикера и Ауди, не требуют наличия убежденности. Например, Катерина Эльгин описывает сообщение как «нечто произнесенное и написанное, назначение которого – передать информацию и обоснование той информации, которую оно передает»²². К.А.Дж. Коуди доказывает, что говорящий *G*, формулируя некоторое утверждение, свидетельствует, что *p*, если и только если: (i) утверждение *G*, что *p*, является очевидностью, что *p*, и предлагается в качестве очевидности, что *p*; (ii) *G* располагает релевантными компетентностью, авторитетом, полномочиями, позволяющими ему действительно утверждать, что *p*; и (iii) утверждение *G* является существенным в отношении спорного или нерешенного вопроса (который может быть или не быть вопросом о верности *p*) и направляющим тех, кто нуждается в очевидности по отношению к рассматриваемому вопросу²³. А в соответствии с моей точкой зрения «*G* свидетельствует, что *p*, посредством осуществления коммуникационного действия *a*, если и только если (отчасти) в силу передаваемого посредством *a* содержания (1) *G* имеет рациональное намерение передать информацию, что *p*, или²⁴ (2) *a* рационально рассматривать в качестве процесса передачи информации, что *p*»²⁵. Хотя между этими конкурирующими рассмотрениями имеются явные и существенные различия, очевидно: ни одно из них не

²¹ Audi R. The Place of Testimony in the Fabric of Knowledge and Justification // American Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 34. P. 406.

²² Elgin C.Z. Take It from Me: The Epistemological Status of Testimony // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 65. P. 292.

²³ Coady C.A.J. Op. cit. P. 42.

²⁴ Здесь, разумеется, не исключающее «или»; и (1), и (2) могут выполняться одновременно.

²⁵ Lackey J. Learning from Words. P. 30. В литературе существуют и другие точки зрения помимо упомянутых в тексте. Например, Питер Грэхем утверждает, что *G* свидетельствует, формулируя некоторое утверждение, что *p*, если и только если: (i) утверждение *G* предлагается в качестве очевидности, что *p*; (ii) *G* считает, что его аудитория уверена в том, что он обладает относящимися к делу компетентностью, авторитетом и полномочиями, необходимыми, чтобы действительно утверждать, что *p*; и (iii) утверждение *G*, что *p*, как он сам считает, является существенным для решения некоторого вопроса, который, по его мнению, обсуждается или остается неразрешенным (который может быть или не быть вопросом о верности *p*), и направляющим тех, кто, как он уверен, нуждается в очевидности (информации) по этому вопросу (Graham P.J. What is Testimony? // The Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 47. P. 227). И Джеймс Росс предлагает определение сообщения, которое в некоторых аспектах напоминает описание Грэхема. Согласно Россу, сообщение представляет собой «любой выраженный в языковой форме рассказ о предполагаемом состоянии дел, когда рассказчик считает, что слушатель (читатель, зритель и т.д.) положит его в основу собственного рассказа о том, что состояние дел является таким, как рассказывают» (Ross J. Testimonial Evidence // Analysis and Metaphysics: Essays in Honor of R.M. Chisholm; K. Lehrer (ed.). Dordrecht : Reidel, 1975. P. 3).

требует убежденности, что p , для того чтобы свидетельствовать, что p . Это дает неопровержимое доказательство против принятия тезиса (убеждение говорящего) и таким образом подрывает рассуждение о недостатке убежденности, защищающее нередукционистский подход к пониманию группового сообщения.

Несмотря на это, существует родственный аргумент, который является значительно более многообещающим. Его можно сформулировать следующим образом:

Аргумент 2

(3) Слушатель C может узнать, что p , на основании сообщения, что p , исходящего от группы Gp , однако возможна ситуация, когда ни один член Gp не убежден и, следовательно, ни один член не знает, что p .

(4) Поэтому сообщение Gp является источником приобретенного C знания.

Для того чтобы получить (4) из (3), требуется дополнительное допущение, которое можно выразить следующим образом: (знание говорящего) слушатель C может узнать, что p , на основании утверждения говорящего G , что p , только если G знает, что p ²⁶.

Согласно аргументу 2, слушатели способны получать от групп знание благодаря транслируемым ими сообщениям даже тогда, когда ни один из их членов не обладает данным знанием (по причине недостатка убежденности). Как только знание говорящего становится необходимым условием для приобретения знания, кто-то должен взять на себя груз ответственности за это знание. Допустим, что группы могут обладать знанием, что группа сама по себе является подходящим претендентом на исполнение этой роли. Следовательно, группы могут быть источником сообщенного знания.

В отличие от аргумента 1, зависящего от крайне неправдоподобного допущения (убеждение говорящего), аргумент 2 зависит от (знание говорящего) – тезиса, широко принимаемого в работах по эпистемологии сообщений. Например, Роберт Ауди пишет: «Я не могу как свидетель передать вам знание, что p , не зная (при этом), что p ... Знание, основанное на чьих-то сообщениях, приобретается посредством передачи и потому зависит от знания, что p , того, кто свидетельству-

²⁶ Аргумент 2 также зависит от: (знание группы) Gp сама по себе может знать, что p , даже если ни один член Gp не знает, что p . Как бы то ни было, принимая во внимание цели настоящей статьи, я просто признаю необходимость этого принципа для аргумента 2.

ет»²⁷. В подобном духе Тайлер Бёрдж замечает: «Если реципиент зависит от разговора, в процессе которого приобретает знание, то знание реципиента точно так же зависит от источника, который обладает этим знанием. Ведь если источник знания не верит данному высказыванию или если высказывание не является истинным, или если источник является неподтвержденным, реципиент не способен знать высказывание»²⁸. А Стивен Рейнолдс заявляет, что «если вы говорите мне, что *p*, я благодаря этому могу узнать, что *p*, только если вы уже знаете, что *p*»²⁹. Эти цитаты характеризуют (знание говорящего), и это – та точка зрения, которая превалирует в современных работах по эпистемологии³⁰.

Тезис (знание говорящего) получает подкрепление благодаря аналогии между транслируемым сообщением и памятью. Подобно памяти, являющейся мыслью, которая способна только *сохранять* эпистемологические свойства в течение некоторого времени и не может, следовательно, порождать новые, сообщение считается способным только *передавать* эпистемологические свойства от одного человека к другому. По-

²⁷ Audi R. Op. cit. P. 410.

²⁸ Burge T. Content Preservation // The Philosophical Review. 1993. Vol. 102. P. 486.

²⁹ См.: Reynolds S.L. Testimony, Knowledge, and Epistemic Goals // Philosophical Studies. 2002. Vol. 110. P. 142.

³⁰ Среди сторонников различных версий этого тезиса, сосредоточивающих свое внимание на оправдании или обосновании: М. Уэлборн (Welbourne M. The Transmission of Knowledge // The Philosophical Quarterly. 1979. Vol. 29. P. 1–9; *Idem*. The Community of Knowledge // The Philosophical Quarterly. 1981. Vol. 31. P. 302–314; *Idem*. The Community of Knowledge. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1986; *Idem*. Testimony, Knowledge and Belief // Knowing from Words ; B.K. Matilal, A. Chakrabarti (eds.). Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1994); Дж. Хардвиг (Hardwig J. Epistemic Dependence // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. P. 335–349; *Idem*. The Role of Trust in Knowledge // The Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. P. 693–708); Э. Росс (Ross A. Why Do We Believe What We Are Told? // Ratio. 1986. Vol. 28. P. 69–88); Т. Бёрдж (Burge T. Op. cit. P. 457–488; *Idem*. Interlocution, Perception, and Memory // Philosophical Studies. 1997. Vol. 86. P. 21–47); Э. Плэнтинга (Plantinga A. Warrant and Proper Function. Oxford : Oxford University Press, 1993); М. Дамметт (Dummett M. Testimony and Memory // Knowing from Words ; B.K. Matilal, A. Chakrabarti (eds.). Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 251–272); Дж. Макдоуэлл (McDowell J. Knowledge by Hearsay // Knowing from Words ; B.K. Matilal, A. Chakrabarti (eds.). Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 195–224); Т. Уильямсон (Williamson T. Knowledge and its Limits. Oxford : Oxford University Press, 2000); Р. Ауди (Audi R. Op. cit. P. 405–422; *Idem*. Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge. L. : Routledge, 1998; *Idem*. Testimony, Credulity, and Veracity // The Epistemology of Testimony ; J. Lackey, E. Sosa (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 25–49); Д. Оуэнс (Owens D. Reason without Freedom: The Problem of Epistemic Normativity. L. : Routledge, 2000); С. Рейнолдс (Reynolds S.L. Testimony, Knowledge, and Epistemic Goals // Philosophical Studies. 2002. Vol. 110. P. 139–161); Дж. Адлер (Adler J.E. Belief's Own Ethics. Cambridge, MA : The MIT Press, 2002); П. Фолкнер (Faulkner P. The Social Character of Testimonial Knowledge // The Journal of Philosophy. 2000. Vol. 97. P. 581–601); Ф. Шмитт (Schmitt F.F. Testimonial Justification and Transindividual Reasons // The Epistemology of Testimony ; J. Lackey and E. Sosa (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 193–224).

этому, например, точно так же, как я не могу знать, что p , опираясь на память, если ранее не знал, что p , из другого источника, идея, лежащая в основе данного представления о сообщенном знании, сводится к следующему: слушатель не может знать, что p , на основании сообщения, если тот, от кого оно получено, сам не знает, что p . Таким образом, если знание получено только посредством сообщения, то здесь всегда требуется *хорошо информированный источник*, который возьмет на себя бремя ответственности за информацию. Если ни один член группы не верит и, следовательно, ни один член группы не знает, что p , и, тем не менее, знание, что p , приобретает посредством сообщения, тогда сама группа должна быть источником, обладающим всей полнотой транслируемого знания.

В дополнение к широкому признанию и интуитивной правдоподобности принципа (знание говорящего) нередукционистская точка зрения получает благодаря этому принципу несколько преимуществ. Во-первых, он объясняет интуицию, лежащую в основе аргумента, который мы назвали недостатком убежденности: недостаток убежденности со стороны членов группы является существенным моментом, потому что влечет за собой недостаток их знания, который в свою очередь исключает возможность получить знание из сообщения какого-либо члена группы. Следовательно, искомым эпистемологическим источником должно быть сообщение, идущее от группы самой по себе. Кроме того, (знание говорящего) дает убедительное объяснение значимости недостатка как информации, так и достоверности для нередукционистской точки зрения. Для получения сообщенного знания требуется источник, обладающий достаточным объемом знаний. Чтобы быть таким источником относительно p , надо располагать информацией, что p , а также быть уверенным в надежности механизма передачи этой информации. Если ни одному отдельному представителю данной группы не нужно удовлетворять этим требованиям, чтобы знание было получено посредством сообщения, то сама группа должна быть источником знания.

Несмотря на это, я буду доказывать в дальнейшем, что принцип (знание говорящего) является ложным и, следовательно, не может оказать поддержку мнению, согласно которому групповое сообщение представляет собой несводимый к чему-либо иному источник знания.

3. Аргумент против принципа (знание говорящего)

Существует общий класс контрпримеров против тезиса, утверждающего, что знание говорящим того, что он сообща-

ет, есть необходимое условие знания, основанного на сообщениях. В подобных контрпримерах рассматриваются, например, такие адресанты, которые не способны верить и, следовательно, не способны знать высказывание, составляющее содержание их свидетельства, но, тем не менее, достоверно передающие информацию посредством своего сообщения. Так, рассмотрим следующую ситуацию.

Креационист-учитель. Стелла, учительница четвертого класса – набожная христианка. Ее религиозные убеждения опираются на глубокую веру, которую она обрела, будучи совсем маленьким ребенком. Часть этой веры включает убеждение в истинности креационизма и, следовательно, в ложности эволюционной теории. Несмотря на это, Стелла полностью осознает, что наука располагает огромной очевидностью, не согласующейся с ее убеждениями. Действительно, она охотно признает, что в своей приверженности креационизму опирается не на научную очевидность, а на личную веру во всемогущего Создателя. Поэтому Стелла не считает, что религия есть нечто такое, что она должна насаждать вокруг себя, и особенно это верно в отношении ее четвероклассников. Наоборот, ее обязанность как учителя знакомить учеников с материалом, лучше всего подкрепленным имеющимися фактами, к числу которых, очевидно, относится и истинность эволюционной теории. В результате, свершившись в библиотеке с достоверными источниками и написав не отступающий от их содержания конспект лекции, Стелла на сегодняшнем уроке биологии объявила своим ученикам: «Современный *Homo sapiens* произошел от *Homo erectus*». Хотя сама Стелла не убеждена в этом высказывании и не знает его, она никогда не делится своими личными, инспирированными ее верой взглядами с учениками, и поэтому исключительно на основании ее достоверного сообщения у них формируется соответствующее истинное убеждение.

Итак, ввиду своей приверженности креационизму Стелла не знает, что современный *Homo sapiens* произошел от *Homo erectus*, потому что она не верит в это утверждение, т.е. ей недостает убеждения как условия наличия знания. Но поскольку она достоверно передает информацию своим четвероклассникам и не сообщает им каких-либо противоречащих этой информации фактов, они приобретают знание на основе ее сообщения. Более того, мы можем конкретизировать приведенный пример в различных направлениях, после чего ученики, несомненно, будут удовлетворять таким условиям наличия знания, как его оправданность или обоснованность, независимо от того, как понимаются эти понятия в данном случае. Например, мы можем предположить, что дети росли в такой среде, где они не познакомились с какими-либо доводами, подерживающими эволюционную теорию, либо наоборот. Мы

также можем предположить, что ученики обладают однозначными положительными доводами в пользу принятия сообщения Стеллы, если то, что она рассказывает, в целом соотносится с их собственным перцептивным опытом, рассказами родителей, одноклассников и т.д. Следовательно, согласно как экстерналистскому, так и интерналистскому описанию оправданности или обоснованности, дети, несомненно, получают данное знание на основании сообщения Стеллы.

Приведенный пример показывает, что *ненадежный сторонник* может быть *надежным свидетелем* и поэтому достоверно передавать знание слушателю вопреки тому факту, что сам не способен обладать этим знанием³¹. Хотя Стелла не принимает во внимание очевидность, релевантную по отношению ко всей совокупности ее убеждений касательно эволюционной теории – что приводит ее к недостатку убежденности в том, что современный *Homo sapiens* произошел от *Homo erectus*, – она в своем сообщении по поводу этой темы опирается на такую очевидность. Это позволяет Стелле сообщать ученикам знание, которым сама она обладать не может, таким образом демонстрируя, что аргумент (знание говорящего) ложен³².

Итак, мы увидели, что принцип (знание говорящего) ложен и, следовательно, не может подкрепить точку зрения, согласно которой групповое сообщение является нередуцируемым источником знания. С учетом того, что аргумент 2 был наиболее многообещающей линией защиты нередукционистского представления о сообщении группы, вывод, согласно которому группы в некотором важном с эпистемологической точки зрения смысле являются источниками сообщенного знания, оказался под сомнением.

4. Надежность говорящего, пропозициональное понимание и дефляционное описание сообщения группы

Один из главных выводов, подкреплённых приведенными в предшествующем тексте аргументами, это заключение о

³¹ Нужно отметить, что пример «Креационист-учитель» подрывает и более слабые по сравнению с принципом (знание говорящего) утверждения. Например, Джон Хардвиг доказывает в своей работе (*Hardwig J. The Role of Trust in Knowledge // The Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. P. 693–708*), что говорящий должен *быть убежден*, что *p*, для того чтобы его сообщение давало слушателю достаточное основание верить, что *p*. Но очевидно, Стелла может дать своим ученикам достаточное основание верить, что *Homo sapiens* произошел от *Homo erectus*, несмотря на тот факт, что сама она не верит в это высказывание. Следовательно, даже намного более слабый тезис Хардвиг опровергается примером «Креационист-учитель».

³² Примеры аргументов этого типа можно найти в моих работах: *Lackey J. Learning from Words // Philosophy and Phenomenological Research. 2006. Vol. 73. P. 77–101; Idem. Learning from Words. Oxford : Oxford University Press, 2008.*

необходимости замены принципа (знание говорящего) тезисом, фокусирующим внимание больше на *утверждениях* тех, кто говорит, чем на присущих последним состояниях убежденности или знания. Пример «Креационист-учитель» демонстрирует, что если ненадежные сторонники являются надежными свидетелями, адресанты могут передавать слушателям знание, которым сами обладать не способны. Это побуждает заменить принцип (знание говорящего) следующим принципом:

(надежность говорящего) Слушатель *S* может получить знание, что *p*, на основании сообщения говорящего *G*, если только утверждение *G*, что *p*, является достоверным или имеющим иные свойства, обеспечивающие возможность передачи истины.

Необходимая достоверность рассматриваемого утверждения в свою очередь может пониматься по-разному. Так, можно потребовать, чтобы утверждение говорящего было надежным, основанным на чувственном восприятии, правильно или безусловно сформулированным и т.д.³³

Центральный момент принципа (надежность говорящего) в противоположность принципу (знание говорящего) заключается в том, что состояние убежденности или состояние знания, в котором пребывает адресант, является существенным с эпистемологической точки зрения только в той мере, в какой оно влияет на его способность быть компетентным свидетелем³⁴.

³³ См.: Nozick R. *Philosophical Explanations*. Cambridge, MA : The Belknap Press, 1981; Sosa E. *Postscript to «Proper Functionalism and Virtue Epistemology»* // *Warrant in Contemporary Epistemology*; J. L. Kvanvig (ed.). L., MD : Rowman & Littlefield, 1996. P. 271–281; *Idem*. *How Must Knowledge Be Modally Related to What Is Known?* // *Philosophical Topics*. 1999. Vol. 26. P. 373–384; *Idem*. *Contextualism and Skepticism* // *Philosophical Issues*. 2000. Vol. 34. P. 94–107; *Idem*. *Tracking, Competence, and Knowledge* // *The Oxford Handbook of Epistemology*; P. Moser (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 264–287; Williamson T. *Op. cit.*; Pritchard D. *Epistemic Luck*. Oxford : Oxford University Press, 2005; Plantinga A. *Op. cit.*; Sosa E. *Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

³⁴ Конечно, часто именно *потому*, что говорящий лицемерен или некомпетентен как сторонник какого-то мнения, он оказывается некомпетентным или ненадежным как свидетель. Например, если я часто лгу или часто формирую неправильные представления – намного чаще, чем говорю правду и составляю верные мнения, – это помешает вам получить знание на основании моего сообщения. Но причина последнего заключается в том, что присущие мне лицемерие и некомпетентность делают мое сообщение недостоверным. Более того, убеждения реципиента относительно лживости и некомпетентности говорящего могут иметь эпистемологическое значение. Так, если я уверена, что вы – маниакальный лжец или представляете собой недостоверный источник знаний, тогда, даже если вы не являетесь ни тем и ни другим, одного только факта моей уверенности, что являетесь, достаточно, чтобы снабдить меня убеждением, несовместимым с принятием вашего свидетельства. Следовательно, мои убеждения относительно вашей искренности и компетентности способны помешать мне приобрести знание на основе вашего сообщения.

Как и в случае с принципом (знание говорящего), принцип (надежность говорящего) представляет собой только необходимое условие получения знания посредством сообщения. Поэтому, чтобы эпистемологическое рассмотрение сообщения было исчерпывающим, необходимы дополнительные условия. Как минимум мы можем предложить то, что в другом месте было названо мною пропозициональным пониманием сообщения (ППС):

(ППС) Для каждого говорящего G и каждого слушающего S последний знает, что p , на основании сообщения G , что p , только если (1) утверждение G является достоверным или имеющим иные свойства, обеспечивающие возможность передачи истины; (2) S понимает p и действительно приобретает убеждение, что p , на основании содержания утверждения G ; (3) S не имеет непровержимых утверждений, несовместимых с принятием убеждения, что p ³⁵.

Условие (1) представляет собой просто принцип (надежность говорящего). Условие (2) требуется для того, чтобы гарантировать, что данное знание является сообщенным. Если, например, я узнаю, что вы обладатель сопрано, благодаря тому что слышу, как вы голосом соответствующего диапазона говорите мне об этом, тогда возникающее в результате знание будет сообщенным, только если оно скорее основано на содержании вашей речи, чем на таких качествах вашего сообщения, которые связаны со способом его выражения³⁶.

Условие (3) добавлено для предотвращения того, чтобы сообщенное знание оказывалось совместимым с имеющимся у субъекта явным контрсвидетельством – условие, почти повсеместно принимаемое в эпистемологической литературе. Для исчерпывающего представления о сообщенном знании может понадобиться включение еще каких-то условий. Но независимо от того, что будет добавлено, подобная точка зрения с легкостью объясняет, каким образом приобретается знание в случаях, подобных примеру «Креационист-учитель». Более того, данный подход способен схватить те интуиции, которые лежат в основе принципа (знание говорящего) – утверждение говорящего, что p , может быть надежно связано с истиной благодаря тому, что он честно рассказывает о своем знании, что p . Но для ясности добавим: это только *один* из возможных способов обеспечить достоверность.

³⁵ Об обосновании пропозиционального понимания сообщения см. мою работу: Lackey J. Op. cit.

³⁶ О случаях такого рода можно прочесть у Р. Ауди (*Audi R. The Place of Testimony in the Fabric of Knowledge and Justification. P. 405–422.*)

Теперь мы в состоянии увидеть, каким образом с помощью ППС оправдывается и подкрепляется редукционистская в широком смысле оценка эпистемологического значения сообщения группы. Начнем с рассмотрения одного из парадигмальных примеров, который обсуждался ранее: Комиссия по народонаселению ООН, состоящая из 47 членов, публикует отчет «Графики роста народонаселения». Предположим, что некто – назовем ее Сэм – не являющаяся членом Комиссии по народонаселению ООН, занимается составлением отчета, интерпретируя и собирая для этого все представленные членами рассматриваемой группы данные, и выполняет обязанности представителя группы. Допустим далее, что одно из утверждений этого отчета, которое гласит, что «уровень рождаемости среди латиноамериканцев в США повышается», не известно ни одному члену Комиссии по народонаселению ООН. Как мы уже видели, обычная картина в эпистемологии сообщений, в соответствии с которой принцип (знание говорящего) является истинным и, следовательно, знание приобретает только благодаря процессу передачи, закономерно приводит к нередукционистскому описанию группового сообщения. После того как принимается, что *S* может знать, что *p*, на основании сообщения *G*, только если *G* знает, что *p*, становится необходимым, чтобы сама группа была источником знания, что *p*, в случаях, когда нет ни одного члена группы, убежденного, что *p*. Как бы там ни было, на основании моего пропозиционального понимания сообщения ни знание, что *p*, ни даже убеждение, что *p*, не являются необходимыми для получения слушателем знания на основании сообщения говорящего. Таким образом, одно лишь отсутствие убежденности или знания со стороны членов данной группы, свидетельствующей, что *p*, само по себе не делает необходимым постулирование кого-то, кто убежден или знает, что *p*. Такого негативное следствие применения ППС в отношении вопроса о групповом сообщении. В соответствии с позитивным аспектом пропозиционального понимания сообщения получение знания в значительной степени определяется достоверностью представленного утверждения. Я предлагаю, чтобы сообщение группы рассматривалось в эпистемологическом плане точно так же, как любой пример индивидуального сообщения, и, в частности, подпадало под пропозициональное понимание сообщения.

Чтобы изложить сказанное подробнее, рассмотрим утверждение, что уровень рождаемости среди латиноамериканцев в США растет, обнародованное Комиссией по народонаселению ООН. Само утверждение передано Сэм, представителем группы. Итак, с моей точки зрения, является ли это

утверждение достоверным, зависит от обстоятельств, касающихся Сэм как того, кто свидетельствует об этой информации. Например, один из способов понимания границ достоверности возникает благодаря представлению Нозика о *чувствительности*, т.е. Сэм не стала бы утверждать, что *p*, если бы *p* было ложно³⁷. Или же достоверность можно конкретизировать в терминах требования *сохранности*, которого придерживаются Притчет, Соуса и Уильямсон, т.е. Сэм не стала бы утверждать, что *p*, без того, чтобы было так, что *p*³⁸.

Возможен случай, когда основные факты из истории Сэм как источника, продуцирующего сообщение, или как образцового свидетеля определяют, является ли достоверным ее утверждение об уровне рождаемости латиноамериканцев в США³⁹. Однако как бы ни была конкретизирована достоверность, главный момент, который я хочу подчеркнуть, состоит в том, что это Сэм обнаружит рассматриваемое утверждение, следовательно, получат ли слушатели знание на основании ее сообщения, будет зависеть от того, заслуживает ли она доверия как свидетельствующая о данной информации⁴⁰.

Таким образом, в соответствии с моей точкой зрения эпистемологический статус сообщения Комиссии по народонаселению ООН касательно уровня рождаемости среди латиноамериканцев в США сводится к эпистемологическому статусу утверждения Сэм об этом факте. В этом смысле, следовательно, мое видение группового сообщения является редуccionистским. Однако его возможно даже лучше описать как *дефляционное*, поскольку в соответствии с ним не существует особой эпистемологии группового сообщения – оно просто подпадает под мое общее пропозициональное понимание сообщения.

Особенность моего дефляционного описания, которую следует особо подчеркнуть, заключается в его *несуммативной* природе. В рамках суммативного представления о сооб-

³⁷ См.: *Nozick R.* Op. cit.

³⁸ См.: *Pritchard D.* Op. cit.; *Sosa E.* Postscript to «Proper Functionalism and Virtue Epistemology» // *Warrant in Contemporary Epistemology*; J.L. Kvanvig (ed.). Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1996. P. 271–281; *Idem.* How Must Knowledge Be Modally Related to What Is Known? // *Philosophical Topics*. 1999. Vol. 26. P. 373–384; *Idem.* Contextualism and Skepticism // *Philosophical Issues*. 2000. Vol. 34. P. 94–107; *Idem.* Tracking, Competence, and Knowledge // *The Oxford Handbook of Epistemology*; P. Moser (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 264–287; *Williamson T.* Op. cit.

³⁹ См., например: *Goldman A.I.* Discrimination and Perceptual Knowledge // *Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73. P. 771–791; *Idem.* What Is Justified Belief? // *Justification and Knowledge*; G. Pappas (ed.). Dordrecht: Reidel, 1979. P. 1–23; *Sosa E.* Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

⁴⁰ Существуют интересные метафизические вопросы по поводу того, что значит быть представителем группы, но они выходят за рамки данной статьи.

щении, транслируемом группой, общая эпистемологическая теория может легко применяться ко всем или некоторым индивидуальным членам, сообщения которых составляют сообщение группы. Насколько мне известно, суммативные представления – единственный вариант редукционистского описания группового сообщения из имеющихся в литературе. Как бы то ни было, эпистемологический статус сообщения, исходящего от группы, может быть сведен к эпистемологическому статусу некоего индивида, *даже не являющегося членом рассматриваемой группы*. Так происходит в случае с Сэм, которая, согласно предположению, не является членом Комиссии по народонаселению ООН, но, несмотря на это, обнародует от ее имени утверждение об уровне рождаемости среди латиноамериканцев в США. В обстоятельствах, подобных этим, моя позиция предполагает, что мы рассматриваем отчет Сэм, который содержит сообщение группы, точно так же, как любой другой пример сообщения; следовательно, сможет ли слушатель приобрести знание об указанном факте на основании ее доклада, определяется в большей степени достоверностью ее утверждения. С учетом этого мое дефляционное представление оказывается широко редукционистским и в то же время несуммативным: эпистемологический статус сообщения группы сводится к эпистемологическому статусу сообщения одного и более индивидов, но не обязательно из числа членов рассматриваемой группы. Если быть более точной, условия, выраженные в пропозициональном понимании сообщения, относятся к тому, кто озвучивает утверждение группы, неважно, является этот представитель членом группы или нет. Мое дефляционное описание представляет собой единственную точку зрения на сообщение, транслируемое группой, являющуюся одновременно и редукционистской, и несуммативной⁴¹.

⁴¹ Можно спросить, как исходя из моей точки зрения объяснить случай, когда все члены группы единогласно утверждают, что *p*. Замечу, что многое зависит от того, как описываются подробности такого случая. Если все рассматриваемые индивиды полностью и соответствующим образом независимы один от другого, тогда группа может предстать как состоящая из индивидов, выдвигающих множество различных утверждений, каждое из которых будет оцениваться исходя из его собственной достоверности. Как только вводится взаимозависимость между убеждениями членов группы, возникают разнообразные сложности, выходящие за пределы исследуемой в этой статье темы. Подробное обсуждение некоторых из таких вопросов см. в моей предстоящей публикации (Disagreement and Belief Dependence: Why Numbers Matter // The Epistemology of Disagreement: New Essays ; D. Christensen and J. Lackey (eds.). Oxford : Oxford University Press). Тем не менее как бы ни объяснялись разнообразные случаи «единогласия» в рамках моего подхода, никакой поддержки нередукционистская точка зрения из этого не получит.

Теперь можно вернуться к соображениям в поддержку нередукционистского или несуммативного описания группового сообщения, с которых начиналась эта статья. Мы уже видели, как мое дефляционное представление справляется с аргументом «недостаток убежденности», – с того момента, как ППС сделало очевидным, что говорящему не требуется верить, что p , для того чтобы слушающий получил знание, что p , на основании его сообщения, нет оснований полагать, что недостаток убежденности участников группы мешает слушателям получить знание, что p , на основании их сообщения. Таким образом, недостаток убежденности участников группы не является основанием для нередукционистского описания сообщения, транслируемого группой. Что касается соображения «недостаток информации», мое описание показывает: тому, кто озвучивает отчет группы, не требуется иметь доступ ко всей относящейся к данному сообщению информации, чтобы достоверно утверждать, что p . Это верно не только в случаях групповых, но и индивидуальных сообщений. Стелле в примере «Креационист-учитель» не требуется быть осведомленной обо всей релевантной для эволюционной теории информации, чтобы достоверно сообщить, что *Homo sapiens* произошел от *Homo erectus*. Также допустимо предположить, что представитель группы не станет утверждать, что p , если p ложно, или не станет утверждать, что p , если p в действительности не имеет места, не зная при этом всех данных, существенных для вопроса о p . Таким образом, нередукционистская точка зрения не следует из предлагаемого в ее поддержку соображения о недостатке информации.

Наконец, рассмотрим довод «недостаток достоверности», который лучше всего выразить посредством следующей цитаты из Толлефсен: «Каждый член [группы] может быть достоверным источником той информации, которую он предоставляет сам, но ни один индивид не является достоверным источником всего отчета в целом, потому что не существует индивида, предоставляющего всю информацию»⁴². С позиции моего дефляционного представления подобные явления объясняются по-разному, в зависимости от того, с какими подробностями приходится сталкиваться. Если сообщение рассматривается так, что каждый участник группы действительно буквально пишет часть одного-единственного документа, то я бы посчитала это в меньшей степени случаем группового сообщения и в большей – случаем отдельного от-

⁴² Tollefsen D. Op. cit. P. 305.

чета, включающего множество индивидуальных сообщений. Каждое утверждение в отчете может обладать собственной отличной от других степенью достоверности, от которой будет зависеть, приобретут или нет слушатели знание посредством каждого отдельного сообщения. Если предполагается, что опубликованный документ готовился совместно только некоторыми членами группы, тогда их персональная надежность в отношении процесса передачи релевантной информации будет определять, станут ли слушатели обладателями знания, основанного на транслируемом сообщении. А если сообщение от имени группы обнародуется ее представителем, то для приобретения такого знания имеет значение надежность последнего как свидетельствующего о данной информации. И так, каким бы образом ни описывалось групповое сообщение, соображение о недостатке достоверности не делает необходимым его нередукционистское понимание.

Последнее соображение с позиции нередукционистского описания, на которое необходимо ответить, это «ссылка на знание». Как упоминалось ранее, представляется несомненным, что мы часто ссылаемся на группы как на источники нашего знания. Например, я говорю, что узнала от Американской академии педиатрии, что прививка тривакциной против кори, свинки и краснухи несовместима с аутизмом. Однако, согласно моему дефляционному описанию сообщения группы, источником этого знания может в действительности быть официальный представитель группы, который даже не является членом Американской академии педиатрии. Таким образом, моя точка зрения имеет необычное следствие, в соответствии с которым то, что мы обычно упоминаем в качестве источника нашего знания, может значительно отличаться от того, что в действительности является этим источником.

Существуют два замечания, которые я хотела бы предложить в ответ на это соображение. Во-первых, в случае индивидуальных сообщений обычно также имеется асимметрия между тем, как мы определяем источники нашего знания, и тем, что наши источники знания в действительности собой представляют. Например, мы нередко рассказываем, что узнали от президента о грядущем снижении налога, тогда как на самом деле источником нашей информации является «The New York Times», сообщающая об изменениях в политике президента. Или мы указываем, что узнали из дневника Сильвии Плат о том, что она была подавлена, тогда как на самом деле в эпистемологическом плане источником является биограф Плат, пишущий о содержании ее дневника. Поэтому «ссылка

на знание» в формулировке, гласящей, что существует расхождение между указываемыми нами источниками знания и нашими действительными источниками знания, вписывается в рамки моего дефляционного представления о групповом сообщении.

Во-вторых, хотя, согласно моей точке зрения, строго говоря, верно, что тот, кто озвучивает утверждение группы, является источником возникающего в результате знания, из этого не следует, что не существует более широкого смысла, в рамках которого сама группа также является источником знания. В то время как сообщение Сэм, официального представителя Комиссии по народонаселению ООН, уведомляющее, что уровень рождаемости среди латиноамериканцев в США повышается, является источником соответствующего знания, которое я получаю, многие моменты, связанные с членами комиссии, будут существенными в отношении того, является ли Сэм достоверным источником информации по этому вопросу. Например, насколько компетентны члены группы в плане получения значимых для изучаемой темы данных, насколько они аккуратны при сведении этих данных воедино, насколько заслуживают доверия в процессе информирования о собранных ими сведениях и т.д. – все это будет определять надежность Сэм как того, кто озвучивает сообщение группы. Тогда получатели сообщения Сэм узнают информацию от Комиссии по народонаселению ООН, несмотря на тот факт, что именно Сэм является источником их знания как сообщенного (testimonial). Следовательно, расхождение между указываемыми нами источниками знания и нашими реальными источниками в рамках моих представлений вполне может быть не столь безоговорочным, как кажется.

Последнее возражение, которое может возникнуть относительно моей точки зрения, заключается в том, что содержательное эпистемологическое исследование групп просто сводится мною к вопросу достоверности рассматриваемого утверждения. В частности, поскольку многие свойства изучаемых групп оказываются значимыми для определения того, действительно ли является достоверным отдельное утверждение, – такие, например, как компетентность членов, их надежность в отношении друг друга и т.д., на этом уровне возникают существенные вопросы относительно групп. И можно было бы подумать, что моя точка зрения мало что дает для их разрешения.

В ответ на это возражение подчеркну, что факты, касающиеся надежности групп, объясняются так же, как они бы

объяснялись в случае индивидуальных сообщений, когда мы имеем дело с рядом отдельных свидетелей. Это показывает, что для понимания феномена группового сообщения нам не требуются *новые* концептуальные средства. Согласимся, во всяком конкретном случае возможны очень сложные сюжеты, но это не означает, что мы существенно не продвинулись в постижении сути. Проведем параллель с редукционизмом в философии сознания – представлением, согласно которому ментальные свойства сводимы к физическим. Показать в общем, что этот проект может достичь успеха, – существенный философский результат. Разумеется, предстоит выполнить колоссальную работу, чтобы прояснить в деталях, как редуцируется каждое конкретное качество, но это не означает, что вся объяснительная работа сводится к проекту по выявлению особых физических оснований для каждого из ментальных явлений. Установление того факта, что ментальное в самом деле может быть редуцировано к физическому и нет потребности в дополнительных, категориально отличных концептуальных средствах для учета ментального, несомненно, по праву является важным итогом. То же относится и к случаю с сообщением группы. Показать, что сообщения, транслируемые группами, могут быть сведены к сообщениям отдельных индивидов и нет нужды в дополнительном концептуальном аппарате для объяснения группового сообщения, – это действительно значительный результат для философии.

5. Заключение

В статье я отстаивала дефляционное описание, в соответствии с которым по своему эпистемологическому статусу сообщения, транслируемые группами, подпадают под мое пропозициональное понимание (индивидуального) сообщения. Выбор дефляционного описания такого рода дает по меньшей мере два существенных преимущества. Во-первых, исчезает загадочность феномена группового сообщения. Так же, как мы понимаем эпистемологию индивидуального сообщения, мы понимаем и эпистемологию сообщения, транслируемого группой. Во-вторых, нередукционистское описание группового сообщения сталкивается с рядом сложнообъяснимых трудностей. Например, если группа сама по себе – как отличная от любого своего члена или своего представителя – является источником данного сообщения, тогда она должна инициировать коммуникативные *действия*. Она должна иметь *намерение* передавать пригодное для этого содержание. Но как именно группа может или действовать, или обладать на-

мерениями, особенно когда мы понимаем и то и другое как нечто внешнее и превосходящее действия и стремления ее членов? Наверное, для разрешения этих трудностей возможно разработать состоятельные объяснения⁴³. Но преимущество моего дефляционного описания заключается в том, что оно не зависит от удачного завершения проектов такого рода⁴⁴.

Перевод с английского С.В. Пирожковой

⁴³ По поводу попытки сделать именно это см.: *Gilbert M. On Social Facts*. L. : Routledge, 1989.

⁴⁴ Выражаю благодарность Луису Энтони, Фабрицио Кариани, Сэнди Голдберг, Элвину Голдману, Хилари Корнблит, Эрнесту Соусе, Тиму Санделлу, Джону Турри, слушателям в колледже Эмхёрст, Католическому университету Риу-Гранди-ду-Сул, Университету Ватерлоо, Эдинбургскому университету, семинару по эпистемологии групп в Северо-Западном университете, 34-му Международному витгенштейновскому симпозиуму в Кирхберге, Австрия, Университету Буэнос-Айреса и, особенно, Бэруну Риду за полезные замечания к ранним вариантам этой статьи.

Композициональность и ее прагматика¹

И.Б. МИКИРТУМОВ

В статье формулируются основания для логической прагматики семантически парадоксальных или необоснованных выражений, формализуемых в интенциональной логике. Центральные проблемы: как смысл семантически парадоксального высказывания функционирует в языке, как он может быть понят и какова цель использования семантически трудных высказываний в коммуникации. Для выявления логических характеристик такого рода высказываний используется подход логической теории смысла. Делается вывод о том, что некомпозициональные выражения становятся понятны благодаря своей включенности в ситуации произнесения, а их прагматика имеет «технический» характер.

Ключевые слова: композициональность, теория смысла, семантика, прагматика.

Композициональность значения выражений естественного или искусственного языка на первый взгляд представляется его необходимой и неотъемлемой чертой. Определение композициональности в самом общем виде таково: значение выражения есть функция значений его компонентов и способа

¹ Работа выполнена в рамках проекта ФЦП «Кадры» (мероприятие 1.2.2, соглашение 8259).

их связи. Такое понимание композициональности восходит к работам Готтлоба Фреге, который не был открывателем явления композициональности, но сделал вопрос о нем актуальным для сферы логической семантики². В пользу универсального характера принципа композициональности в последние три десятилетия высказано немало весомых аргументов, которые можно суммировать так: действие принципа композициональности обеспечивает возможность как использования сложных выражений языка, так и его формального анализа. С этим нельзя не согласиться, поскольку, с одной стороны, очень трудно вообразить себе язык, в котором есть сложные выражения, но нет композициональности их значения, а с другой стороны, существующая традиция логического исследования не использует некомпозициональные средства формализации. Это делает естественным предположение, согласно которому композициональность есть нечто само собой разумеющееся там, где выражения языка перестают быть элементарными, а некомпозициональность одновременно становится равнозначной бессмысленности и коммуникативной ничтожности³. Последнее, однако, неверно, поскольку существуют осмысленные и коммуникативно ценные выражения, значение которых не подчиняется принципу композициональности.

Ниже я попытаюсь ответить на следующие вопросы: во-первых, как некомпозициональное значение становится осмысленным или понятным, во-вторых, для каких коммуникативных целей могут быть полезны некомпозициональные выражения.

Некомпозициональность и самореферентность

Разберем несколько примеров некомпозициональности значения выражений, которые остаются правильно постро-

² Тема композициональности впервые стала предметом всестороннего логического анализа в специально посвященном ей т. 10 *Journal of Logic, Language and Information* (2001). А в 2012 г. вышло в свет фундаментальное издание *The Oxford Handbook of Compositionality*; eds. W. Hinzen, E. Machery, and M. Werning. Oxford, 2012. К сожалению, эта книга была доступна автору лишь во фрагментах. Вопрос о принципе композициональности у Фреге я оставляю в стороне и отсылаю читателя к работам: *Janssen T.M.V. Compositionality: its Historic Context // The Oxford Handbook of Compositionality. Ch. 1; Черноскутов Ю.Ю. Принцип композициональности и принцип контекста у Г. Фреге // Логико-философские штудии. Вып. 4. СПб., 2006. С. 193–211.*

³ Вопрос о субъективных основаниях и эволюции композициональности в языке обсуждается в: *Smith, K., Kirby, S. Compositionality and Language Evolution // The Oxford Handbook of Compositionality. Ch. 24.*

енными синтаксически и осмысленными семантически. При анализе этих примеров потребуется дифференцировать некомпозициональность и самореферентность.

Рассмотрим высказывание, построенное по принципу парадокса лжеца:

Это высказывание ложно, (φ),

где φ – его обозначение. В силу совместного действия демонстратива «*это высказывание*» и обозначения φ содержание фразы «Это высказывание ложно» может быть передано следующими тождественными перефразировками:

Это высказывание ложно – оригинальная формулировка,
 φ *ложно* – использование демонстратива «*это высказывание*»,

φ – использование обозначения.

Пусть φ ложно (допущение истинности φ дает эквивалентный результат), т.е. его денотатом является константа F – «ложь» классической двузначной логики. Тогда рассуждение, приводящее к парадоксу, можно записать так:

- (1) Предположим, что φ *ложно*.
- (2) В силу использования φ как обозначения, имеем $\varphi = \varphi$ *ложно*.
- (3) Замена φ на φ *ложно* в (1) дает (φ *ложно*) *ложно*.
- (4) Из законов классической логики следует, что (φ *ложно*) *ложно* \Leftrightarrow (*неверно, что φ ложно*) *истинно*,
- (5) откуда получаем (*неверно, что φ ложно*) *истинно*.
- (6) Но поскольку (*неверно, что φ ложно*) \Leftrightarrow (φ *истинно*),
- (7) оказывается, что (φ *истинно*) *истинно*.
- (8) Но мы знаем, что (φ *истинно*) *истинно* \Leftrightarrow φ *истинно*, а значит,
- (9) φ *истинно*, что противоречит строке (1).
- (10) Гипотеза о том, что φ *ложно*, неверна и
- (11) φ *истинно*.
- (12) Правда, заменяя φ на тождественное ему (φ *ложно*), получаем (φ *ложно*) *истинно*,
- (13) откуда, поскольку (φ *ложно*) *истинно* \Leftrightarrow φ *ложно*,
- (14) следует φ *ложно*, противоречащее утверждению в строке (11).

Это рассуждение становится возможным благодаря дважды осуществленной замене тождественных из строки (2), в частности при переходе к строкам (3) и (12). Эти замены были

обусловлены целями рассуждения, но их можно производить на любом его шаге. Например, строку (9), в которой мы зафиксировали противоречие, можно было бы представить в виде

- (9') (φ ложно) истинно, откуда следовало бы
 (10') φ ложно.

Иными словами, противоречия можно избежать, если вовремя, например, выше строки (9), перефразировать «φ» в «φ ложно». Это не выглядит неожиданно, поскольку утверждения «φ» и «φ ложно» противоречат друг другу. Но как строка (2) оказалась возможной, т.е. в чем логическая порочность приведенных выше перефразировок фразы «Это высказывание ложно»? Ответ на этот вопрос состоит в том, что в них осуществляется самореференция φ, следствием которой становится нарушение композициональности. Значение выражения «φ истинно» нельзя определить, поскольку входящее в его состав выражение «φ» перефразируется в «φ ложно» и обратно: вместо редукции значения φ к значениям его составляющих мы получаем ссылку на выражение, более сложное по структуре и, в силу устройства парадокса, противоположное по значению.

Не всегда некомпозициональность приводит к парадоксу. Следующее высказывание, в терминологии С. Крипке, является необоснованным⁴:

Это высказывание истинно, (φ).*

Тожественные перефразировки выглядят так: «Это высказывание истинно», «φ* истинно», «φ*». Здесь гипотеза об истинности (или о ложности) φ* также приведет к остановке редукции значения φ*, но не к остановке процесса рассуждения:

(1) φ* = φ* истинно, в силу использования φ* для обозначения высказывания.

...

(n) Предположим, что φ* истинно, откуда через замену тождественных получаем

(n + 1) (φ* истинно) истинно, откуда, следуя редукции значения, получаем

(n + 2) φ* истинно и т.д.

⁴ См.: Kripke S. Outline of a Theory of Truth // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72. № 19. P. 694. В литературе высказывание φ* называют также «truthteller» – «честный парень».

Утверждения в строках (n) , $(n + 1)$ и $(n + 2)$ следуют друг из друга, но не дают возможности получить значение φ^* . Причем в силу отношения обозначения между « φ^* » и « φ^* ИСТИННО» мы не можем сказать, что одно из этих выражений синтаксически проще другого и обосновать этим редукцию значения.

Некомпозициональность проявляется и в парадоксе Хаскелла Карри. Рассмотрим высказывание

Если это высказывание истинно, то Санта-Клаус существует (χ).

Обозначим «Санта-Клаус существует» как B . Исходное высказывание можно обозначать и как χ , и как «если χ истинно, то B », и как «это высказывание». Сначала воспроизведем стандартное доказательство B . Пусть χ истинно:

(1) Предположим, что (Если χ истинно, то B) истинно. Тогда

(2) (χ истинно) ложно или (B истинно) в силу семантики импликации.

Производим разбор по частям:

(3.1.1) пусть имеет место левый дизъюнкт – (χ истинно) ложно. Отсюда

(3.1.2) χ ложно. Производим замену тождественных и получаем

(3.1.3) (Если χ истинно, то B) ложно, что противоречит (1). Следовательно,

(3.1.4) χ истинно. Но отсюда заменой тождественных получаем

(3.1.5) (Если χ истинно, то B) истинно, откуда

(3.1.6) Если χ истинно, то B . Значит,

(3.1.7) Санта-Клаус существует.

(3.2.1) Пусть имеет место правый дизъюнкт – (Санта-Клаус существует) истинно.

(3.2.2) Немедленно получаем, что Санта-Клаус существует. Тогда

(4) из (3.1.7) и (3.2.2) следует, что Санта-Клаус существует.

Итак, доказано, что если χ истинно, то Санта-Клаус существует. Поскольку гипотеза о ложности χ немедленно приводится к противоречию, χ истинно, а значит, истинно и то, что Санта-Клаус существует.

Всмотримся теперь в проведенный анализ значения. Его ключевой момент состоял в замене тождественных в строке (3.1.3). Для получения противоречия с гипотезой нам необходи-

мо было перейти от « χ ложно» к «(Если χ истинно, то V) ложно». Насколько оправдан такой переход, ведь он дает нам высказывание, более сложное по структуре, чем исходное? Попробуем без него обойтись и начнем рассуждение с другой гипотезы:

(1) Пусть χ истинно. Тогда вследствие замены тождественных получаем

(2) (Если χ истинно, то V) истинно.

Снова замена тождественных производится, так сказать, «в сторону» усложнения синтаксиса выражения. Может быть, начать с варианта, самого сложного по структуре?

(1) Пусть (Если это высказывание истинно, то V) истинно. Тогда вследствие замены тождественных и семантики импликации получаем

(2) ((χ истинно) ложно) или (V истинно). Далее производим разбор по частям:

(3.1.1) Пусть имеет место левый дизъюнкт – (χ истинно) ложно. Тогда

(3.1.2) χ ложно. Отсюда заменой тождественных получаем

(3.1.3) (Если это высказывание истинно, то V) ложно, что входит в противоречие с (1).

Как и в первом случае, «усложняющая» замена тождественных произошла в строке (3.1.3). Легко можно заметить, что без такого рода замен тождественных доказательство V осуществить невозможно, т.е. парадокс будет потерян.

Выражения «Если это высказывание истинно, то V », «Если χ истинно, то V », «Это высказывание», « χ » тождественны по значению, но имеют синтаксическую структуру, которая не позволяет сказать, какое из этих выражений является компонентом другого. Потребуем теперь, чтобы на каждом шаге исследования значения выражения либо а) устанавливалось значение атомарных выражений, либо б) происходила редукция значения некоторого целого к значениям его компонентов, либо в) применялись семантические правила. Будем считать, что эти требования составляют в некотором общем смысле условия реализации принципа композициональности. Очевидно, что при выполнении указанных требований ни одна из поставленных под вопрос замен тождественных не будет допустимой, а следовательно, не будут воспроизводиться ни парадокс лжеца, ни парадокс Карри. Сами высказывания остаются при этом правильно построенными.

Приведенные примеры обычно рассматривают как иллюстрирующие негативные последствия допущения семантиче-

ской самореферентности. Это, безусловно, справедливо, но, как известно, не всякая самореферентность порождает парадоксы или неопределенные по своему значению выражения. Запрет на самореферентность, который, конечно, решает проблему парадоксов, представляется слишком сильным средством, поскольку возможность построения самореферентных выражений не только отражает языковую практику, но может оказаться важной в той или иной формальной системе.

Для последовательной дифференциации самореферентности и некомпозициональности полезно было бы предъявить явление некомпозициональности без сопутствующей самореферентности. Пример такой некомпозициональности очевиден:

β – истинно (α);
 α – ложно (β).

Прямой самореферентности здесь нет, но любая гипотеза об истинности или ложности α или β приводит к противоположному результату, так что установить истинностное значение высказываний невозможно. Причина этого – перекрестные ссылки, которые в случае двух стоящих рядом высказываний увидеть легко, а в случае «длинного» цикла ссылок из многих высказываний, разнесенных по времени и месту, вполне могут ускользнуть от внимания.

Если отталкиваться от определения композициональности, то могут быть лишь два ее варианта. Первый из них рассмотрен выше и представляет собой некорректность композициональных связей⁵. Редукция значения присутствует, но имеет циклический характер, так что значение выражения оказывается зависимым от него же самого либо прямо – при самореферентности, либо косвенно – при перекрестных ссылках. Второй вариант некомпозициональности предполагает неполноту или отсутствие композициональных связей вообще. Но композициональные связи заданы той теорией значения, которую мы используем, будь то наши обыденные навыки понимания языка или же формальная семантика. Увидеть это поможет следующий пример, который можно назвать парадоксом некомпозициональности. Рассмотрим самореферентное высказывание

Значение φ некомпозиционально (φ).

⁵ В стороне остается дифференциация связей логических и нелогических. Любая логическая тавтология или любой арифметический закон некомпозициональны в том смысле, что для установления их значения не требуется доходить до значения их компонентов: $p \vee \neg p$, $a + b = b + a$.

Его истинность при обычной интерпретации означала бы, что значение φ не зависит от значения его компонентов, т.е. от значения выражения «значение φ » и значения выражения «*быть некомпозициональным*».

Изучим сначала первую зависимость. Пусть φ истинно, тогда оно некомпозиционально, т.е. не зависит от значения выражения «значение φ », которое может быть как T , так и F . Если значение выражения «значение φ » есть F , то это противоречит гипотезе об истинности φ и должно быть отброшено. Но это означает зависимость значения φ от значения своего компонента «значение φ », т.е. φ композиционально, следовательно, ложно. Этот результат не влечет противоречий, но заметим, что в рассуждении мы композиционально использовали выражение «*быть некомпозициональным*», т.е. от его значения зависело значение φ . Устраним теперь эту вторую зависимость, и пусть снова φ истинно, а значение выражения «*быть некомпозициональным*» может быть любым, не влияя на значение φ . Тогда окажется, что никакое свойство φ не влияет на его значение, так что φ можно приписать и такое свойство, как «*быть ложным*». Будем тогда интерпретировать «*быть некомпозициональным*» как *быть ложным*. Здесь мы сразу сталкиваемся с противоречием, поскольку предположили, что φ истинно. Таким образом, φ истинным быть не может, а общий вывод состоит в том, что утверждение о некомпозициональности собственного значения всегда ложно.

Устраним прямую самореферентность:

Значение β некомпозиционально (α)

Значение α композиционально (β)

Здесь истинность α влечет за собой T как значение выражения «значение α », и если в роли значения выражения «*быть композициональным*» окажется свойство совпадать с F , то мы получим противоречие. Отсюда следует, что α ложно, и тогда β окажется композициональным и истинным. Снова, в отличие от парадоксов, в которых используется предикат ложности, мы получаем только половину, т.е. отбрасываем гипотезу об истинности утверждения о некомпозициональности и останавливаемся на утверждении о ее ложности.

Итак, если некомпозициональность превращается в ближайшую причину затруднений и парадоксальных следствий, то при формализации некоторого фрагмента языка вместо задачи недопущения самореферентности следует пытаться

решить задачу обеспечения композициональности. Достичь этого оказывается возможно при анализе смысла выражения в рамках интенциональной логики, т.е. формальной системы, в которой допускается именование интенциональных сущностей – смыслов выражения языка.

Смысл и его процедурная интерпретация

Современная логическая теория смысла восходит к семантической концепции Фреге⁶, в основании которой лежат четыре принципа: принцип бикомпонентного анализа значения, согласно которому всякое выражение имеет прямое значение – денотат и косвенное значение – смысл; принцип композициональности, согласно которому значение (смысл или денотат) выражения есть функция значения (смысла или денотата соответственно) его частей; принцип интенциональной иерархии, согласно которому для любого выражения можно построить имя его смысла; принцип контекста, утверждающий контекстную зависимость значения. Необходимость использования смысла в семантическом анализе становится неизбежной, как только замена тождественных рассматривается как допустимая для косвенного (интенционального) контекста операция. Смысл привлекается в качестве дополнительного аспекта, использование которого позволяет более точно дифференцировать значения выражений. Тогда замена тождественных в косвенном контексте считается приемлемой только в случае «сильного» тождества, предполагающего совпадение как денотатов, так и смыслов выражений.

В силу ряда причин семантическая концепция Фреге получила свое развитие в философской логике лишь начиная с работ Алонзо Чёрча⁷, который сформулировал первую систему общей интенциональной логики, названной им логикой смысла и денотата. Позже эта система легла в основу интенциональной логики Ричарда Монтегю. Чёрч трактовал смысл выражения как

⁶ См.: Фреге Г. О смысле и значении // Г. Фреге. Логика и логическая семантика ; пер. с нем. Б.В. Бирюкова ; под. ред. З.А. Кузичевой. М., 2000. С. 230–246.

⁷ См.: Church A.A. Formulation of the Logic of Sense and Denotation // Structure, Method and Meaning. Essays in honor of H.M. Sheffer. N.Y. : The Liberal Arts Press, 1951. P. 3–24. Church A. The Need for Abstract Entities in Semantic Analysis // Contributions to the Analysis and Synthesis of Knowledge : proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1951. Vol. 80. P. 100–112; Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1; пер. с англ. В.С. Чернявского. М., 1960.

то, что усвоено, когда выражение понято⁸, или как то, что «определяет денотат»⁹. Применительно к предложениям, можно также считать, что знание смысла предложения означает знание условий, при которых оно истинно, или что знание смысла предложения есть знание предполагаемой процедуры проверки его истинности. В рамках традиции Фреге и Чёрча смысл выражения можно в общем виде понимать как процедуру (способ, метод и т.п.), в ходе которой некоторый объект подразумеваемой онтологии сопоставляется с выражением как его денотат. Н.А. Шанин дает следующее уточнение процедурной трактовки смысла: «При вполне финитарной ситуации человек, формулирующий с утвердительной интонацией какое-либо суждение в качестве своего знания о некоторых связях между объектами, о которых идет речь в суждениях, фактически сообщает следующее: вот зашифрованное описание определенного эксперимента, и его ожидаемым результатом является определенный “сигнал” – булева константа “И” (или слово “истина”). Таково возможное уточнение при вполне финитарных ситуациях интуитивных представлений, связываемых обычно с термином “смысл суждения”»¹⁰. Ограничение «вполне финитарной ситуацией» соответствует требованию потенциальной осуществимости «эксперимента» независимо от того, упомянуты в предложении сущности ментальные или такие, которые допускают практическое оперирование. Определение Н.А. Шанина адекватно идее Фреге о различении мысли и утверждения¹¹, следуя которой мысль трактуется как знание положения дел, индифферентное к его истинности или ложности, а утверждение выражающего мысль предложения осуществляется как некоторое действие.

Процедурная трактовка смысла может иметь и более сильную интерпретацию, которую дают Фриц Хамм и Яннис Московакис: «значение термина есть алгоритм, вычисляющий его денотат»¹².

⁸ Чёрч А. Введение в математическую логику... С. 31–32.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Шанин Н.А. Некоторые черты математического подхода к проблемам логики // Вестник СПбГУ. 1992. Сер. 6. Вып. 4. С. 15.

¹¹ Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Г. Фреге. Логика и логическая семантика. С. 326–342.

¹² Hamm F., Moschovakis Y. Sense and Denotation as Algorithm and Value. Advanced course. ESSLLI 2010 CPH. – <http://www.math.ucla.edu/~ynm/lectures/es10.pdf>. С. 5; Moschovakis Y. Sense and Denotation as Algorithm and Value // Proceedings of the ASL meeting. Helsinki. Lecture Notes in Logic. 1990. № 2. P. 210–249. Первая попытка сблизить понятие смысла с понятием алгоритма принадлежит, по-видимому, Павлу Тихому, автору варианта интенциональной логики, который был назван им транспарентной логикой. См.: Tichy P. Intensions in terms of Turing Machines // Studia Logica. 1969. Vol. 24. P. 7–25. Процедурное понимание смысла разделяет и Маркус Крахт: Kracht M. Gnosis // Journal of Philosophical Logic. 2011. Vol. 40. P. 398–399.

Для реализации этого принципа используются мощные инструменты логической грамматики, которые позволяют представить выражения языка в форме, с которой может быть соотнесена алгоритмическая процедура. Перед нами подобная задача не стоит, для нас достаточно знать, что процедурное понимание смысла реализуемо и что какими бы ни были соответствующие процедуры, имеется возможность описывать их свойства, т.е. исследовать смысл как динамическую единицу, как нечто становящееся¹³ и структурированное. Так, анализ рассмотренных выше известных семантических парадоксов показывает, что сопоставляемые парадоксальным или неопределенным высказываниям

Это высказывание ложно;

Это высказывание истинно;

Если это высказывание истинно, то Санта-Клаус существует процедуры установления их значения не могут завершить свою работу в силу того, что они построены как циклы¹⁴.

Эпистемические установки, смысл утверждаемого и статус утверждения

Логическая теория смысла строится как общая интенциональная логика¹⁵, т.е. как система, в которой допускается именование интенциональных сущностей в языке-объекте и которая сама является экстенциональной. Предположим, что в нашем распоряжении имеется такая система. Тогда для каждого выражения языка A можно образовать имя его смысла в языке-объекте как $(A)_1$, так что, $((A)_1)_1$ есть имя смысла имени смысла A и т.д.¹⁶ Смысл некоторого предложения B , яв-

¹³ Временной аспект развертывания значения подчеркивает М. Крахт при анализе парадокса лжеца. См.: *Kracht M.* Op. cit. P. 415–416.

¹⁴ Понимание цикличности процедуры как ближайшей причины парадоксов и затруднений поддерживает и Я. Мосховакис. См.: *Moschovakis Y.* Op. cit. P. 212–213.

¹⁵ См.: *Anderson C.A.* General Intensional Logic // *Handbook of Philosophical Logic* ; eds. D. Gabbay, F. Guenther. D. Reidel Pub. Comp. 1984. Vol. II. P. 355–385. Термин «интенциональные» часто используют как родовой для обозначения неклассических логик вообще. При этом подразумевается противопоставление интенциональных логик экстенциональным и к первым относят системы, формализующие контексты языка, в которых не выполняется закон Лейбница. Это может вводить в заблуждение, поскольку сами логические системы, что бы они ни формализовали, остаются экстенциональными.

¹⁶ Лингвистическое оправдание такой свободы порождения интенциональных сущностей состоит в том, что мы можем адекватно понять такие выражения.

ляющийся эффективной процедурой установления его денотата, будем называть *пропозицией* и обозначать как $[B]_1$. При этом полученное в силу синтаксической договоренности имя смысла $(B)_1$ будем также считать правильно построенным выражением, денотат которого совпадает с денотатом $[B]_1$, если последний существует. Если же B парадоксально или необоснованно, то $[B]_1$ не существует, а $(B)_1$ обозначает смысл B , являющийся неэффективной процедурой установления денотата B . В этом случае $(B)_1$ будем, следуя идее Питера Экшела¹⁷, называть *непропозицией*. Руководствуясь принципом композициональности и используя средства теории типов, можно построить язык таким образом, чтобы выражения, имеющие парадоксальный смысл, не считались правильно построенными, но в то же время выражения, обозначающие смыслы таких выражений, допускались как правильно построенные в статусе нерепрезентированных концептов¹⁸. В самом деле, семантические затруднения возникают при попытке реализовать процедуру сопоставления денотата парадоксальному или необоснованному выражению, но ничто не препятствует пользоваться обозначением таких процедур, подразумевая под денотатом выражения (*Это высказывание ложно*)₁ циклическую семантическую процедуру. Но как и откуда мы можем знать, что такого рода процедуры имеют циклический характер?

Исключение парадоксальных выражений из языка-объекта путем наложения синтаксических ограничений связано с тем, что не существует эффективного механизма распознавания таких выражений. Иными словами, объем предиката «парадоксально» не может быть раскрыт ни определениями, ни какими-либо иными логическими средствами. Вместе с тем мы знаем, что такое парадокс, и легко воспроизводим парадоксы, например в качестве курьеза. Это говорит о том, что субъекты эпистемических установок, коль скоро они ведут себя подобным образом, не испытывают затруднений ни при упоминании парадоксального, ни при его локальном, т.е. ограниченном контекстом употреблении. Более того, некие интуитивные механизмы позволяют нам распознавать парадок-

¹⁷ См.: Aczel P. Frege Structures and the Notions of Proposition, Truth and Set // The Kleene Symposium ; eds. J. Barwise, H.J. Keisler, K. Kunen. North-Holland Publishing Company, 1980. P. 31–59.

¹⁸ Техническую сторону построения такого языка см.: Микиртумов И.Б. Композициональные и некомпозициональные типы в интенциональной логике // Логические исследования. 2004. Вып. 11. С. 200–214; Микиртумов И.Б. Композициональная концептуализация в интенциональной логике // Логические исследования. 2005. Вып. 12. С. 211–225.

сальное даже тогда, когда для этого не хватает логического аппарата. Поэтому будем считать, что субъекты эпистемических установок при исследовании смысла некоторого предложения используют знания, полученные от *семантического оракула*, – так мы назовем способность субъектов интуитивно распознавать непропозиции. Пусть, столкнувшись с выражением вида $(C)_1$, каждый достаточно компетентный для оценки C субъект приходит к одному из трех выводов: (1) C истинно; (2) C ложно, (3) C парадоксально или необоснованно.

Введем следующие эпистемические операторы: **k** – «знает, что» и **b** – «полагает, что». Выражения $\mathbf{k}(i)(A)_1$ и $\mathbf{b}(i)(A)_1$ читаются соответственно «*i* знает, что A », и «*i* полагает, что A ». Заметим, что эпистемический оператор выражает связь субъекта со смыслом предложения, а не с самим предложением. Семантику операторов опишем в общих чертах. Установка «знать» вводит пропозиции, которые субъект рассматривает в качестве истинных на основании осуществленной им проверки, полагая, кроме того, что процедура, с помощью которой он осуществил проверку пропозиций, может быть воспроизведена другим субъектами и приведет их к аналогичному знанию. Возможность совершения субъектом ошибок оставляем в стороне. Таким образом, в сфере «знания» субъекта могут находиться только истинные пропозиции. Установка «полагать» вводит смыслы, не обязательно являющиеся пропозициями. «Полагание» есть *принятие* субъектом знания либо на основании недостаточных данных, либо без какой-либо проверки, т.е. в любом случае безответственно.

Общую схему применения знания о природе смысла к анализу прагматики утверждения можно описать, используя подразумеваемую семантику эпистемических операторов, характеристику компетентности субъекта для оценки утверждаемого, а также различение концептов и неконцептов. Пусть переформулировка выражения

субъект утверждает, что A ,

звучит так:

высказывание, выражающее $(A)_1$, произносится субъектом с утвердительной интонацией или прагматически оформляется иным равнозначным образом.

Утверждение концепта $(A)_1$ субъектом *i* прагматически является поводом для исследования $(A)_1$, результат которого определяет выбор той или иной оценки цели сделанного *i* утверждения.

В приводимых ниже таблицах перечислены варианты комбинаций эпистемических установок (индексируют строки) и компетентностей субъекта (индексируют столбцы), которым сопоставлены прагматические оценки.

Допустим, что субъект i «утверждает» $(A)_1$, и A истинно (здесь $par(A)_1$ читается как $(A)_1$ парадоксально):

	i компетентен для $(A)_1$	i не компетентен для $(A)_1$ и не отдает себе в этом отчета	i не компетентен для $(A)_1$ и отдает себе в этом отчет
<i>A</i> истинно			
$k(i)(A)_1$	1		
$b(i)(A)_1$	3	4	7
$b(i)-(A)_1$	5	6	8
$b(i)(par(A)_1)_1$	9		

Пусть теперь A ложно:

$k(i)-(A)_1$	2		
$b(i)(A)_1$	3	4	7
$b(i)-(A)_1$	5	6	8
$b(i)(par(A)_1)_1$	9		

Пусть, наконец, A парадоксально, необоснованно, включено в систему перекрестных ссылок и т.п.:

$k(i)-(A)_1$			
$b(i)(A)_1$	3	4	7
$b(i)-(A)_1$	5	6	8
$b(i)(par(A)_1)_1$	9		

Расшифруем оценки цели и характера утверждения $(A)_1$ субъектом i :

- 1 – ответственное утверждение;
- 2 – ответственное провокативное утверждение;
- 3 – демонстративно безответственное утверждение;
- 4 – наивно безответственное утверждение;
- 5 – демонстративно безответственное провокативное утверждение;
- 6 – наивно безответственное провокативное утверждение;
- 7 – ответственно безответственное утверждение;
- 8 – ответственно безответственное провокативное утверждение;
- 9 – не до конца ответственное провокативное утверждение.

Дадим некоторые пояснения к таблицам. Поля, оставшиеся пустыми, соответствуют противоречивому сочетанию установки, компетентности и значения утверждаемого. В частности, там, где субъект не компетентен для оценки $(A)_1$, он не может достичь ни «знания» $(A)_1$, ни «полагания» $(A)_1$ парадоксальным.

Оценка «1» по своему содержанию очевидна. Прочие же оценки получаются из комбинации характеристик коммуникативной ответственности с характеристиками прагматических целей. Например, если доступная субъекту процедура проверки $(A)_1$ по тем или иным причинам была им проигнорирована, это можно оценить как своего рода демонстрацию. Если при этом субъект «полагает», что $(A)_1$, (случай 3), то его утверждение является демонстративно безответственным. Если же он «полагает», что $\neg(A)_1$, утверждая, что $(A)_1$, то его утверждение является вдобавок провокативным (случай 5). Когда субъект некомпетентен для оценки $(A)_1$, его утверждение безответственно. Здесь мы учитываем дополнительный параметр, а именно: известна ли субъекту его собственная некомпетентность. Если это не так, то его утверждения носят, так сказать, «наивно» безответственный характер, когда он «полагает», что $(A)_1$ (случай 4), и так же наивно безответственный провокативный характер, когда он «полагает», что $\neg(A)_1$ (случай 6). Если же субъекту известны границы его компетентности и он делает утверждение $(A)_1$, зная, что для оценки $(A)_1$ он некомпетентен, то такое утверждение является осознанно безответственным или ответственно безответственным. В зависимости от того, «полагает» он $(A)_1$ верным или нет, можно выделить ответственно безответственные (случай 7) и ответственно безответственные провокативные утверждения (случай 8). Наконец, самое злостное поведение субъекта наблюдается в случаях 2 и 9, когда он, зная, что $\neg(A)_1$, или полагая, что $(A)_1$ парадоксально, утверждает его истинность. В случае 9 мы говорим о том, что субъект ведет себя не до конца ответственно, потому что он имеет возможность переложить ответственность на семантический оракул, который обосновывает $\mathbf{b}(i)(par(A)_1)_1$.

Приведенные оценки, конечно, могут быть уточнены, и я не настаиваю на их окончательном характере. Мне кажется ценным, что их можно получить, опираясь на логико-семантические характеристики утверждения и утверждаемого, и продемонстрировать тем самым прагматическую значимость семантической композициональности.

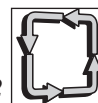
Анализ и устранение некомпозициональности в семантически «трудных» выражениях не были нашей специальной задачей, но обойти этот вопрос нельзя: способность справляться с такими выражениями – критерий пригодности любой теории значения. Привычное избавление от парадоксов теоретико-типовыми средствами имеет своим побочным эффектом невозможность построения достаточно богатой по своим выразительным возможностям логики интенциональных сущностей. Смысл выражения не может здесь быть некомпозициональным вследствие синтаксических ограничений, сила которых превосходит необходимую для блокирования некомпозициональности. Поэтому оказывается, что, не привлекая прагматики, нельзя построить теорию смысла, достаточно полную для охвата как композиционального, так и некомпозиционального. В процессе коммуникации последнее становится осмысленным именно в рамках специфических ситуаций произнесения, так что отношение некомпозиционального концепта к субъекту не может быть выражено просто как пропозициональная установка, оно является компонентом семантического действия¹⁹. Благодаря этому семантически некомпозициональное значение для нас понятно.

Более глубокое исследование прагматики утверждений семантически некомпозициональных выражений представляет собой необходимое дополнение к анализу их смысла. С какой целью некомпозициональность используется в коммуникации? Одной из целей утверждения некомпозиционального или парадоксального выражения можно считать «доброкачественную» провокацию, предпринимаемую с тем, чтобы обратить внимание слушателя на семантику утверждаемого, дать увидеть разницу между допустимыми и недопустимыми переформулировками, продемонстрировать, почему необходима дифференциация семантических сущностей различных уровней. Цитирование распространяется здесь не только на высказывание, но и на акт утверждения. Он

¹⁹ В ряде систем эпистемической логики и модификации знания изначально используются либо термины действия, интерпретируемые в теоретико-игровой семантике, либо прагматические операторы или предикаты, цель которых – репрезентация речевых актов. Последние можно трактовать как семантические «действия» субъекта (эпистемического агента) в отношении пропозиций. См.: *Fagin R., Halpern J.Y., Moses Y., Vardi M.Y. Common Knowledge Revisited // Annals of Pure and Applied Logic. 1996. Vol. 96. P. 89–105; Hintikka J. A Second Generation Epistemic Logic and its General Significance // Knowledge Contributors. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2003.*

должен быть «разыгран» для того, чтобы некомпозициональное высказывание было помещено слушателем в контекст утверждения и соответствующим образом интерпретировано. Иными словами, мы сталкиваемся здесь с «техникой» изучения семантических закономерностей языка его носителями. Способы рассуждений, которые мы используем, когда ведем речь о некомпозициональности, ее причинах и способах устранения, не могут обходиться без средств для репрезентации непропозиций, оставаясь при этом свободными от парадоксов. Наличие таких средств совершенно естественно, и когда мы в тех или иных целях используем некомпозициональное высказывание, мы не только отдаем себе отчет в том, что оно некомпозиционально или парадоксально, но знаем, как при этом достичь целей коммуникации.

Что такое «постнеклассическая наука»?¹

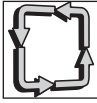
А.Л. НИКИФОРОВ

В отечественной философской литературе все большее распространение получает понятие «постнеклассическая наука», введенное нашим известным философом, академиком В.С. Стёпиным. Это понятие уже успело породить целый куст родственных понятий типа «постнеклассическая рациональность», «постнеклассическое мышление» и даже «постнеклассический мир». Достаточно очевидно, что наука второй половины XX в. существенно изменилась по сравнению с наукой предшествующих столетий. Традиционная философия науки, включая логический позитивизм, К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др., ограничивалась анализом науки XVII – первой половины XX в. Современная наука требует нового осмысления. Суть происходящих изменений и попытался выразить Стёпин своим понятием «постнеклассическая наука». Поэтому оно заслуживает серьезного анализа.

Научное познание Стёпин рассматривает как особую деятельность. Какова же цель этой деятельности? К чему стремится ученый? «Наука ставит своей конечной целью, – пишет Вячеслав Семенович, – предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в конечном состоянии)»². Хорошо, пусть так. Каковы же отличительные особенности научной деятельности? «Ориентация науки на изучение объектов, которые могут быть включены в деятельность (либо актуально, либо потенциально как возможные объекты ее будущего преобразования), и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития составляют первую главную особенность на-

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00588.

² Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 39.

учного познания»³. Предметность и объективность – вот главные особенности научного познания. Поэтому отличительные черты личности, создающей знания, не входят в состав полученного знания в отличие от художественного освоения действительности, при котором личность художника налагает свой отпечаток на его произведение. В отличие от обыденного познания научное познание обладает системностью и обоснованностью, т.е. научное знание предстает в виде обоснованных систем (С. 48). Наука обращает внимание также на собственные методы получения знания, что «приводит на высших стадиях развития науки к формированию методологии как особой отрасли научного исследования, призванной целенаправлять научный поиск» (С. 49). В конце концов автор добирается до истины, но не как цели научной деятельности, а как некоей ценности: «Любой ученый принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как высшую ценность науки» (С. 50). Правда, «не менее важную роль в научном исследовании играет установка на постоянный рост знания и особую ценность новизны в науке» (Там же). Эти ценности лежат в основе особого научного этиоса: недопустимость плагиата, подделки экспериментальных данных и т.п.

Что можно сказать по поводу такого представления о науке и научном познании? Кажется, Вячеслав Семенович не замечает, что, жестко связывая науку с преобразованием предметов в продукты, он по сути описывает то, что называют *прикладной* наукой. Различие между фундаментальными и прикладными исследованиями является в достаточной мере общепризнанным, хотя, быть может, и не вполне четким. Сошлюсь на авторитетное мнение: «Традиционно всегда полагалось, – пишет Е.А. Мамчур, – что существует два типа научных исследований: фундаментальные (чистые, базовые) и прикладные. Цель фундаментальных исследований – познание законов природы, такой как она существует сама по себе, безотносительно к целям и ценностям человека. Получение объективных знаний о природных объектах и процессах – единственная и конечная цель фундаментальных исследований. Никаких других целей, связанных с изменением или усовершенствованием вещей или процессов, фундаментальная наука не преследует. Цель прикладных исследований, напротив, – изменение природных или искусственных объектов и процессов в нужном для человека направлении, или создание новых, полезных для человека вещей»⁴.

Во многих науках имеется как фундаментальная, так и прикладная области. Скажем, исследование человеческой психики будет фундаментальным, а применение знаний о психике человека для лечения неврозов – прикладным. За последние полторы сотни лет прикладные исследования выросли в особые – прикладные – науки.

³ Стёпин В.С. Указ. соч. С. 40.

⁴ Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 349.

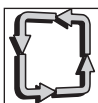

Описывая развитие науки, Стёпин выделяет четыре «глобальные революции», существенно изменявшие мировоззренческие и методологические установки научного исследования. *Первая* революция была связана с утверждением коперниканства и становлением классического естествознания в XVII в. «Через все классическое естествознание начиная с XVII в. проходит идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности»⁵. Интересно, что *вторая* глобальная научная революция, по мнению Стёпина, произошла в конце XVIII – первой половине XIX в. и была связана с переходом «к новому состоянию естествознания – дисциплинарно организованной науке» (С. 621). Единая механистическая картина мира распалась на онтологические картины различных научных дисциплин, в каждой из которых сформировались свои идеалы и нормы научного исследования. «Что же касается общих познавательных установок классической науки, то они еще сохраняются в данный исторический период» (С. 622).

Третья революция достаточно хорошо известна – она была вызвана появлением квантовой механики и теории относительности, потребовавших существенного пересмотра фундаментальных понятий и принципов классической физики. Эта революция породила неклассическую физику, а поскольку физика считалась фундаментом всего естествознания, стали говорить о неклассическом естествознании вообще. «В процессе всех этих революционных преобразований формировались идеалы новой, неклассической науки... В противовес идеалу единственно истинной теории, “фотографирующей” исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания... В связи с этим принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности» (С. 623).

Наконец, «в современную эпоху... мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки. Эти изменения можно охарактеризовать как *четвертую* глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая *постнеклассическая наука*» (С. 626). Выделение этого этапа в развитии науки Стёпин связывает с широким распространением междисциплинарных и комплексных исследований, в которых принимают участие представители разных научных дисциплин, с компьютеризацией и использованием дорогостоящих приборных комплексов и т.п. Но самое главное заключается в том, что «в самом... процессе определения научно-исследовательских приоритетов наряду с собственно познавательными целями все

⁵ Стёпин В.С. Указ. соч. С. 620.

большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического характера» (С. 627).

Смену типов научной рациональности Стёпин описывает следующей наглядной схемой: при классическом типе рациональности ученый руководствовался внутринаучными ценностями и стремился к тому, чтобы знание об изучаемом объекте не зависело от средств его получения и особенностей познающего субъекта; при неклассическом типе рациональности получаемое знание зависит от средств его получения; в период постнеклассической рациональности знание зависит не только от средств познания, но и от особенностей субъекта познания, причем к внутринаучным ценностям добавляются социальные ценности и цели.

Со всем этим вполне можно было бы согласиться, но при одном небольшом добавлении: процесс, описываемый Вячеславом Семеновичем, не есть процесс развития и изменения *науки*, это процесс изменения *места науки* в обществе, роста прикладного знания и постепенного вытеснения прикладными науками собственно науки – фундаментальной.

Если взглянуть на историю науки Нового времени, то легко заметить, что долгое время она развивалась именно как фундаментальная наука. Деятельность Коперника, Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона побуждалась почти исключительно стремлением к истине, и коперниканская революция была революцией главным образом в сфере мировоззрения. Общество совершенно равнодушно, а порой и враждебно относилось к деятельности одиночек, одержимых поиском истины. Ученые тратили на исследования собственные скудные средства либо средства каких-либо меценатов. Опыты по разложению света Ньютон проделывал в своей квартире в Кембридже и пользовался призмой, купленной на собственные деньги. Ломоносов и Рихман исследовали атмосферное электричество с «громовыми машинами», построенными каждым у себя на квартире. Франклин для этой цели соорудил в своем доме в Филадельфии железный изолированный стержень. Гей-Люссак работал в сыром подвале и, чтобы уберечься от сырости, обувал деревянные башмаки. Мендель сеял горох в крохотном монастырском садике. Наука была фундаментальной и вдохновлялась одним – поиском истины. Прикладные исследования лишь в незначительной степени привлекали внимание ученых, да и то чаще всего решение прикладных задач было связано с совершенствованием научных приборов и инструментов – хронометра, компаса, телескопа, термометра, химических сосудов и т.п. И до первой половины XIX в. наука оказывала весьма незначительное влияние на повседневную жизнь и быт людей. Соответственно она и не привлекала к себе внимания общества.

К середине XIX в. положение начинает изменяться, и Вячеслав Семенович отмечает это изменение как «вторую» научную революцию. Но это была революция не «внутри» самой науки; скорее революционными темпами начало изменяться положение науки в общест-

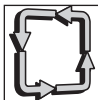

ве. Получают распространение паровые машины в промышленности, парусники вытесняются пароходами, железные дороги, а затем автомобили заменяют лошадь, в конце века появляются первые аэропланы. В 1880-х гг. Генрих Герц доказывает существование электромагнитных волн, а в 1895 г. А.С. Попов создает прибор для передачи и приема этих волн и открывает путь для развития радиотехники. Научное знание начинает все шире использоваться для создания новых технических устройств. Во второй половине XIX в. возникают научные лаборатории и институты, время одиночек-энтузиастов заканчивается, их сменяют научные коллективы. Именно симбиоз науки и техники и деятельность больших научных коллективов всего лишь за столетие кардинальным образом изменили жизнь и быт сотен миллионов людей. Электричество и радио, холодильник и стиральная машина, телевизор и магнитофон, автомобиль и самолет, а в последние десятилетия – персональный компьютер, мобильный телефон и Интернет – все это сделало жизнь человека непохожей на жизнь его предков в течение предшествующих тысячелетий.

Научно-технический прогресс оказал влияние на жизнь не только общества, но и самой науки. Как только была осознана прикладная ценность научного знания, оно все больше стало подпадать под власть крупного капитала. Финансирование деятельности лабораторий и институтов, содержание больших научных коллективов требует средств – эти средства дает капитал, превращающий знания в источник прибыли. *Научное знание становится товаром*, ученый – наемным работником, производящим этот товар. Посредством субсидий, премий, грантов капитал направляет научные исследования на решение тех проблем, которые являются приоритетными с прикладной точки зрения. Вот почему происходит вытеснение внутринаучных ценностей «социальными ценностями и целями».

Первая мировая война продемонстрировала военные возможности пулеметов, танков, авиации, отравляющих веществ. Все эти вещи появились в результате работы научной и инженерной мысли. Совершив прорыв внутрь атома, ученые подготовили теоретическую основу для создания еще более мощных средств уничтожения. Правительства всех стран стали осознавать, что научное знание – это не только ценный товар, но и наиболее эффективное *оружие*. Поэтому, скажем, накануне вторжения Германии в Данию в апреле 1940 г. Нильс Бор был вывезен в Англию в бомбовом люке самолета. Взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки показали, что знание – это действительно сила, как говорил Ф. Бэкон. Поэтому производство научного знания было взято под контроль государства, которое во всех странах также стремится направлять научные исследования в нужном для обороны или нападения направлении.

Наука, рассматриваемая как деятельность по выработке объективно (интерсубъективно) истинного знания с ее требованиями к методам

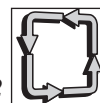

и способам получения знания, до сих пор остается такой, какой была во времена Ньютона. Никакие революции не изменили ее характера. И даже появление квантовой механики и теории относительности внесло лишь небольшие коррективы в способы описания и объяснения, да и то в сравнительно небольшой области научного познания. За пределами этой области наука осталась классической. Однако указанные выше факторы – превращение знания в товар, в оружие, удорожание научных исследований, необходимость работать в больших научных коллективах и узкая специализация ученых – к концу XX в. привели к резкому сокращению доли фундаментальных исследований в общем объеме научной деятельности. Кто платит, тот и заказывает музыку. Ныне платят капитал и государство, финансисты и политики, и именно они направляют науку в область прикладных исследований. Собственно, вот это увеличение доли прикладных исследований в научной деятельности и выразил Стёпин своим понятием «постнеклассическая наука». В прикладных исследованиях внутринаучные ценности и цели действительно заменяются социальным заказом.

Наука на всем протяжении своего существования от Галилея и Кеплера до начала XXI в. занималась одним и тем же – бескорыстным поиском истины. Изменялись структура и содержание научного знания, менялись способы описания и объяснения, мировоззренческие представления ученых, однако Ньютон и Гершель, Лавуазье и Фарадей, Дарвин и Мендель, Павлов и Морган, Эйнштейн и Бор, Уотсон и Крик – все они стремились в своем научном поиске к одному – к получению объективной истины в полном соответствии со стандартами фундаментальной науки. Вячеслав Семенович сам приводит пример разоблачения в начале 1970-х гг. молодого биохимика Галлиса, подделавшего результаты своих опытов. Примеры такого рода говорят о том, что фундаментальная наука до сих пор руководствуется стандартами объективности, обоснованности и истинности, а отнюдь не «внешними» для нее социальными ценностями⁶.

Никакой постнеклассической науки нет, а есть рост прикладных исследований со своими вненаучными целями и ценностями, со своими стандартами и нормами. Мне кажется, это важно осознать, ибо от имени постнеклассической науки за последние два десятилетия высказано немало сомнительных идей (за что, конечно, В.С. Стёпин никакой ответственности не несет).

⁶ Об этом говорит в своих публикациях Е.А. Мамчур. В частности, на широком материале современной науки она показывает, что фундаментальная наука, руководствующаяся целями и принципами классического естествознания, и ныне продолжает существовать и развиваться, см. ее статью в журнале «Вопросы философии», 2008, № 7. В своей статье, помещенной в том же номере, я отстаивал тезис о том, что фундаментальная наука в конце XX в. почти полностью вытесняется прикладными исследованиями и близка к полному исчезновению. Елена Аркадьевна показала, что это далеко не так.

Давайте уточним: а есть ли основания для спора?

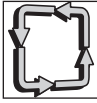
Е.А. МАМЧУР

При чтении материалов сегодняшней дискуссии по поводу природы и особенностей постнеклассической науки все высказанные точки зрения выглядят вполне обоснованными. Почему же тогда возникла дискуссия?

Представляется, что главная причина расхождения во взглядах состоит в том, что спорящие стороны имеют в виду различные ипостаси науки и работают в разных сферах исследования феномена науки. Для А.Л. Никифорова (да и для меня) – наука это прежде всего эпистемологическое предприятие, и его интересуют преимущественно эпистемологические проблемы; В.И. Аршинов работает в области культурологического подхода, разрабатывая вопросы коммуникативного анализа научного познания; В.Г. Горохова наука интересует главным образом как социальный институт. С его точки зрения, «изменения, происходящие в науке сегодня... проявляются в новой организации исследований, новом способе применения знаний и прежде всего новой форме интеграции науки в общественные структуры».

Главное же действующее лицо полемики, автор самого термина «постнеклассическая наука» и первый разработчик концепции постнеклассической науки в отечественной философии В.С. Стёпин также занят эпистемологическими проблемами, но вместе с тем в его исследованиях большое место уделено и науке как социальному предприятию. Если все это верно и такое различие действительно существует, то есть основания утверждать, что *общего* предмета спора не существует: участники полемики говорят о разном.

Так, В.Г. Горохов утверждает, что научное исследование в эпоху постнеклассической науки должно включать в себя этические и моральные ценности. «Именно обсуждение и исследование в рамках самой науки и техники или, как сейчас принято говорить, “технонауки”,

социальных и этических вопросов является характерной чертой постнеклассической науки». Это верно, но только если речь идет о науке в ее социальной ипостаси, т.е. как раз о том ракурсе рассмотрения, которым занимается В.Г. Если же рассматривать науку в эпистемологическом плане, т.е. иметь в виду, что она прежде всего система знания, с его утверждением согласиться трудно. Поскольку в нашей полемике в качестве аргумента легитимными стали ссылки на тех или иных зарубежных авторов (В.Г. Горохов ссылается на немецкого философа Г. Бехмана, В.И. Аршинов на Карла Отто Апеля и Тома Рокмора), я также позволю себе сослаться на известного у нас философа Э. Агацци. «Наука в самом существенном смысле – поиск истины. Как таковая она нейтральна в этическом отношении...»¹

Правда, тот же Агацци чуть ниже пишет, что «философия науки долгое время считалась по преимуществу эпистемологией, и лишь недавно в ее анализ стали включать и деятельность занимающихся ею людей. Поэтому на повестку дня в философии науки встали исследования этики науки»². Значит ли это, что этические нормы и моральные императивы должны учитываться в самом процессе научного исследования? Если Агацци думает, что этические нормы должны стать одним из эпистемологических требований к ученому-специалисту, я не могу согласиться с ним. Конечно, наука – деятельность людей. И конкретный специалист в той или иной сфере науки должен думать о последствиях развития и применения науки, но это относится к нему уже как члену социума. Проводя собственно научные исследования, он обязан соблюдать этические нормы научного этоса (не занимайся плагиатом, не подгоняй факты, будь профессионалом; кстати, об этом неоднократно писал В.С. Стёпин). От специалиста требуются только факты, только обоснованное знание. И это касается не только участника фундаментального исследования, но и ученого-прикладника.

Я полностью принимаю утверждение о том, что для исследования науки необходимы и культурологический, и социологический подходы. Но я считаю, что их результаты должны *дополнять* эпистемологический анализ, но не *подменять* его. Как показывает практика исследования науки, попытки редукции когнитивного к коммуникативному или социальному не проходят: вещи действительно «дают сдачи».

Когда ученый и в самом деле должен быть не только озабочен моральными и социальными проблемами, но и обязан сделать все от него зависящее, чтобы предотвратить негативное использование научного открытия, так это на стадии так называемой процедуры приня-

¹ Agazzi E. Pourquoi une philosophie des science ne peut se réduire à une épistémologie des science // Science and Ethics : The Axiological Contexts of Science. Brussels, 2008. P. 60.

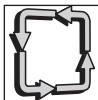
² Ibid. P. 62.

тия решений (decision making procedure). Она осуществляется уже не в самой науке, а в деятельности экспертных советов, решающих вопрос, реализовать или нет то или иное технологическое новшество, применять или не применять на практике то или иное технологическое достижение, т.е (как пишет В.Г. Горохов) на стадии интеграции науки в общественные структуры. Будучи включенным в соответствующий экспертный совет, ученый, если он действительно хочет принести пользу обществу или природе, должен покинуть точку зрения только специалиста и занять значительно более широкую, гуманистическую позицию.

Таким образом, по вопросу о ценностной нейтральности науки как эпистемологического предприятия никаких изменений по сравнению с неклассическим периодом ее развития не произошло. Изменение произошло в науке как социальном институте. Именно это и хотел сказать А.Л. Никифоров в своей полемической статье. И здесь я с ним совершенно согласна. Значит ли это, что наука вообще не изменилась в эпистемологическом плане по сравнению с неклассическим этапом ее развития? Нет, конечно. Произошли огромные изменения в содержании научного знания, в его онтологии. Изменившееся содержание научных теорий, переход к новым объектам исследования повлекли за собой модификацию методов науки. Изменилось взаимоотношение теоретического и эмпирического знания. Современная физика частиц, как и большая часть космологии, оказались экспериментально не проверяемы, потеряв существующую на этапе классической науки связь с реальностью. Это обострило и заставило пересматривать такие вопросы, как что такое реальность в современном естествознании; каковы критерии реальности; что такое истинное знание. Эмпирическая непроверяемость новейших теорий, таких, как, например, теория струн, обострила интерес к внеэмпирическим методологическим принципам оценки теорий. Известно, какое большое значение придают физики эстетическим соображениям, принципу соответствия, принципу наблюдаемости и т.п. в этой области физического знания.

Сами методологические принципы под давлением нового теоретического и экспериментального материала претерпевают изменения в сторону своей либерализации. Ослабление ригористичности методологических регулятивов началось уже в позитивистской философии науки, когда либерализации подвергся принцип строгой верификации. Во второй половине XX в. под давлением нового материала в физическом познании модификация коснулась принципа наблюдаемости. До создания квантовой хромодинамики этот принцип трактовался так: если некоторый теоретический объект был введен в теорию в предположении, что он существует и является частью онтологии теории, то он должен быть хотя бы в принципе наблюдаем в экспери-

менте. Но, создавая квантовую хромодинамику, ученые вынуждены были ввести в теорию понятие кварков, хотя эти теоретические объекты в свободном состоянии не наблюдаются. И что ж? Кварки оказались настолько необходимым и полезным в теоретическом плане термином, решали столько теоретических проблем, что физики отступили. Была разработана концепция, объясняющая и оправдывающая ненаблюдаемость кварков (теория конфайнмента), и кварк стал вполне легитимным понятием.

Близкий по духу процесс происходит в связи с гипотезами *ad hoc*. В современной космологии введение таких гипотез рассматривается более терпимо по сравнению с классическим этапом развития науки, где они обычно встречались в штыхы. Фактически весь новый этап в развитии космологии, а именно создание инфляционной модели, был сформулирован для «данного случая», в частности для того, чтобы разрешить некоторые парадоксы стандартной космологической модели.

Возьмем, например, так называемый *парадокс горизонта*. Суть его в следующем. В нашей Вселенной любые две области, как бы далеко они ни находились друг от друга, имеют одинаковую температуру реликтового излучения. В рамках стандартной космологической модели это явление объясняли тем, что в ранней истории Вселенной эти области были очень близки друг к другу, так что они могли обмениваться тепловой энергией и приобрести одинаковую температуру. Однако это, казалось бы, естественное объяснение сталкивается с большими трудностями и оказывается несостоятельным. Дело в том, что любое взаимодействие передается не мгновенно, а с конечной скоростью, не большей, чем скорость света. Для передачи взаимодействия требуется время. И этого времени должно быть достаточно, чтобы взаимодействие осуществилось. Расстояние между взаимодействующими областями должно быть меньше того расстояния, которое пройдет свет с момента Большого взрыва. Так, области, отстоящие друг от друга на расстоянии 300 000 км, могли провзаимодействовать, только если с момента Большого взрыва прошло чуть больше одной секунды.

Стандартная модель «отпускала» на взаимодействия слишком мало времени: в ней Вселенная расширялась недостаточно быстро для того, чтобы некогда близкие области, которые сейчас находятся на колоссальных расстояниях, могли провзаимодействовать так, чтобы их температура выровнялась. Чтобы сделать объяснение возможным, пришлось ввести инфляционную стадию, когда в течение очень короткого промежутка времени (10^{-36} – 10^{-34} с) Вселенная расширилась в 10^{30} , а не в 100 раз, как это следовало из стандартной модели.

Другим примером гипотезы *ad hoc* в современной космологии является предположение о существовании мультиверса. Согласно этой гипотезе, помимо нашей Вселенной существует множество других.

Это предположение было выдвинуто, в частности, для того, чтобы сохранить возможность рационального объяснения так называемого антропного принципа. Суть антропного принципа – в необычайно тонкой «подогнанности» параметров фундаментальных частиц и взаимодействий к тем значениям, которые обеспечивают саму возможность возникновения и существования в ней человека. Если бы эти параметры были хотя бы чуть-чуть другими, в нашей Вселенной не смогла бы зародиться жизнь, возникнуть и существовать человек.

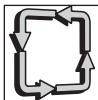
Например, достаточно было бы небольших изменений в соотношении сильного и электромагнитного взаимодействий, чтобы во Вселенной не смогли существовать стабильные ядра большого числа элементов периодической системы Менделеева. Электромагнитное взаимодействие заставляет находящиеся в ядре протоны взаимно отталкиваться. И если бы сильное взаимодействие было недостаточно «сильным», протоны не удержались бы вместе в ядре и ядра распались. Это привело бы к тому, что в нашей Вселенной не могло бы возникнуть вещество, звезды, галактики и, таким образом, не появилось бы условий для возникновения органической материи, жизни и, наконец, человека.

Для многих философов наиболее приемлемым объяснением антропного принципа является аргумент *от теологии* или от некоего «космического разума». Напрашивается вывод, что наша Вселенная была задумана и создана такой, чтобы в ней мог появиться человек. Но рационалистически мыслящих ученых такое объяснение не устраивает. Они ищут возможность объяснить антропный принцип, оставаясь на почве рациональности. Для многих из них убедительный способ сделать это – предположить, что помимо нашей Вселенной существует множество других (идея мультиверса). Согласно этой точке зрения, упомянутая «подогнанность» параметров частиц и взаимодействий, о которых идет речь в антропном принципе, является случайностью; она характерна только для нашей Вселенной. В других параметры частиц и взаимодействий могут быть совершенно иными, никакой «подобранности» постоянных величин нет, и никакой антропный принцип там просто не может быть сформулирован³.

Гипотеза мультиверса независимо не проверяема: единственным фактом, который оправдывает ее введение, является тот, ради которого она была выдвинута (подогнанность констант). А ведь именно возможность независимой проверки и отличает нормальную гипотезу от гипотезы *ad hoc*.

Второй узел проблем связан с понятием технонауки. Этот феномен истолковывается как симбиоз науки и техники. Но если этот симбиоз трактовать в слишком сильном смысле, как исчезновение разли-

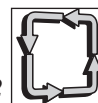
³ См., например: *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М., 2001. С. 171–174.

чий между фундаментальной и прикладной науками (а такие попытки есть, они характерны для сторонников так называемой непрерывной модели взаимодействия науки и техники), то мы должны будем подвергнуть пересмотру статус понятия истины в современном естествознании. Представляется, что об исчезновении различий между наукой и технологией (или фундаментальными и прикладными исследованиями) можно говорить, имея в виду опять-таки социальный аспект науки. Действительно, в настоящее время возникла так называемая гибридная наука, в институтах которой и фундаментальные исследования, и прикладные, и технологические разработки проводятся зачастую одними и теми же учеными. В социальном плане эти исследования фактически не различимы. Тем не менее они различаются по своим целям и ценностям (цель фундаментальных исследований – познание природы как она существует сама по себе; прикладных – изменение процессов природы в нужном для человека направлении), а эти различия лежат в сфере эпистемологии.

Так что на вопрос, поставленный в заглавии статьи, можно ответить так: спор между участниками нашей дискуссии действительно актуален, если он ведется на эпистемологическом поле. Вопросы о том, что именно изменяется в науке как эпистемологическом предприятии, должны исследоваться. Все это еще только предстоит выяснить. Никакие априорные ответы не являются легитимными. Именно этим и призваны заниматься философы науки, посвятившие себя эпистемологическим проблемам.

И здесь большое значение имеет тот методологический и философский багаж, который был создан В.С. Стёпиным. Он первым разработал концепцию оснований научного знания, сформулировал понятия идеалов и норм научного знания, концепции научной картины мира, философских оснований науки. Он ввел понятие «родовых» признаков науки, остающихся неизменными, несмотря на все изменения, которые происходят в идеалах и нормах науки и порождаемых ею картинах мира. Все эти результаты уже сыграли большую роль в эпистемологическом осмыслении достижений науки в современном естествознании. Они выступают тем плацдармом, опираясь и отталкиваясь от которого, а в случае необходимости и критически переосмысливая его в свете новых данных науки, можно двигаться дальше в исследовании особенностей того этапа науки, который он охарактеризовал как постнеклассический.

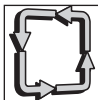
Размышления о концепции «постнеклассической науки»

В.Г. ГОРОХОВ

Понятие «постнеклассическая наука», введенное в обиход российской философии науки В.С. Стёпиным, оказалось, на мой взгляд, полезным и конструктивным по нескольким основаниям. Во-первых, как теоретический конструкт, полезный для классификации исторических типов научной рациональности, оно позволяет идентифицировать важные черты современного этапа ее развития. Во-вторых, эта концепция безусловно является удобным методологическим инструментом преподавания курса истории и философии науки, поскольку дает определенные ориентиры, в особенности для аспирантов нефилософских специальностей. Конечно, как всякий теоретический конструкт это понятие имеет ограниченную сферу применения и может быть подвергнуто критике. Плохо, когда оно становится средством идентификации «свой–чужой» и тогда Володька, который поддерживает и внедряет его повсеместно, становится «хорошим», а Сашка, который его критикует, – «плохой мальчик». Однако именно конструктивная критика и рефлексия являются залогом развития всякого научного, в том числе (и в особенности) философского знания. Поэтому мне кажется весьма полезной открытая панельная дискуссия этой проблемы.

В сущности этот «постнеклассический» этап¹ последние десятилетия активно обсуждается в западной философской литературе, где он получил название «постнормальной науки» или «модус-2» и т.п. Иногда этот этап развития науки отождествляют с так называемыми проблемно-ориентированными исследованиями, задачи которого изначально не формулируются как лежащие внутри науки, но соотносятся с общественными ожиданиями. К этому этапу относят прежде

¹ Кстати сказать, с точки зрения перевода на иностранные языки термин «постнеклассический» создает некоторые трудности для перевода и понимания его смысла.

всего климатические или более широко вообще всякие экологические исследования, а также нанотехнологию, где междисциплинарность сочетается с дисциплинарностью, а исследование с проектированием. Сюда же следует добавить встраивание в новую дисциплинарную структуру исследований социальных последствий нанотехнологии, нанозетику и многочисленные наноутопии. Это подтверждает тенденцию к организации не только исследовательского сектора нанотехнологии, но и системы нанотехнологического образования, что и становится главной отличительной особенностью современной (постнеклассической) технонауки. Именно обсуждение и исследование в рамках самой науки и техники, или, как сейчас принято говорить, технонауки, социальных и этических вопросов является характерной отличительной чертой постнеклассической науки: «Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями»².

Наука становится рефлексивной, т.е. принуждается рефлексировать относительно ее собственных условий применения и последствий такого применения, что она не может делать иначе как с помощью использования научных методов. Это – рефлексивное отношение к самой себе, теперь исключающее постулат ценностной нейтральности, чтобы не скатиться к бесконечному рефлексивному циклу, поскольку последствия научно-технического развития могут быть отрефлексированы только на основе применения научного метода. С развитием рефлексивности в науке относительно социального окружения изменяются также способы ее легитимации. Решающим здесь становится не только «объективность знания», но также значение и практическая польза для тех, кто использует ее результаты в различных сферах применения. Эта точка зрения – резюме многочисленных дискуссий о новых формах научного производства в современной западной литературе, которые должны ознаменовать переход от академически выстроенной науки (модус 1) к социально интегрированной науке (модус 2), что проявляется в новой организации исследований, новом способе применения знаний и прежде всего новой форме интеграции науки в общественные структуры.

Такого рода изменения в современной западной литературе по философии науки и техники часто связывают с развитием «гибких» или «мягких» технологий и «социального естествознания». В этом случае «гибкие», экологически ориентированные технологии противопоставляются «жестким», основанным на классической науке тех-

² *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 327.

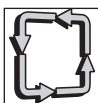

нологиям, не учитывающим их негативного воздействия на окружающую среду и самого человека. Фактически же этап перехода от жестких к гибким технологиям и естествознанию можно отнести к этапу рождения «постнеклассической» науки и техники. Происходит переход к исследованию и созданию «человекообразных» систем, при котором «поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования» такой системы, что непосредственно задается гуманистическими ценностями. «С системами такого рода нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия»³.

Речь идет о выработке новой парадигмы научно-технического развития. С точки зрения этой парадигмы совершенно недостаточно, чтобы естествоиспытатель обращался с природой несколько «по-доброму», мягче, чем в рамках классической или даже неклассической парадигмы, т.е. более тактично допрашивал природу, осторожнее выводил ее тайны, чтобы использовать полученное любой ценой знание для своих целей, а не жестоко, жестко пытал ее, загнав в пыточную камеру научной лаборатории. Он должен осуществлять постоянную рефлекссию своей собственной научно-технической деятельности, соотнося свои действия с исследуемой им природой не как с безжизненным объектом манипулирования, а как с живым организмом, способным, кроме того, иметь собственное мнение и свободу действий, а иногда и неоднозначно отвечать на некорректно и слишком жестко поставленные исследователем и проектировщиком вопросы, например, в экстремальных случаях даже катастрофами, вызванными неадекватной технической реализацией, основанной на слишком жесткой и самоуверенной научной предпосылке. Сам этот объект – природа, которой пытаются манипулировать (часто безуспешно) ученый и инженер, не существует отдельно от выросшего и «паразитирующего» на ее теле общественного организма, в интересах которого в конечном счете действует или должна действовать любая наука и техника. Поэтому «исследуемый объект» включает в себя на самом деле обладающие правом на самостоятельные мнение и действия субъекты, интересы которых могут затрагивать конкретные научные проекты.

По образному выражению французского философа Бруно Латура, «вещи могут давать сдачу», если с ними обращаться именно как с бездушными реципиентами технологических действий, которые вынесут любые манипуляции с собой. Современная наука и техника, однако, обязаны учитывать мнения и деятельность свободных общественных индивидов, включенных в сферу их исследования и проектирования уже на стадии предварительной оценки последствий но-

³ Стёпин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 186.

вейших научных и инженерных технологий. В этом смысле в постнеклассической науке и технике производство научного знания становится неотделимым от его применения, а они вместе – от этики ученого и инженера. Это означает, по мнению, например, известного германского философа Гернота Бёме, что новейшее естествознание превращается в «социальное естествознание» (т.е. становится социально ориентированным естествознанием), а современная техника (добавим от себя) – в социотехнику.

Постулирование этапа постнеклассической науки, однако, не означает, что традиционные сферы научного исследования и инженерной практики отмирают. Они, конечно, также претерпевают изменения, но в определенных рамках продолжают достаточно эффективно функционировать и решать стоящие перед ними конкретные научные проблемы и технические задачи. Очень важно представлять себе, каковы эти рамки и налагаемые ими ограничения.

Как в нашей, так и в зарубежной литературе все чаще делается акцент на необходимости исследовать эти изменения главным образом с точки зрения социологии науки с учетом появления нового модуса производства знаний наряду с классическим. Такого рода исследования исходят, однако, из внешних по отношению к научно-техническому развитию предпосылок, из признания приоритетным усиливающегося давления социального ожидания от науки все новых полезных для общества результатов, открытия без особого риска новых экономических возможностей и предоставления ему не только общих знаний о природе вещей, но и помогающих решению конкретных социальных проблем. При этом предполагается, что наука должна ориентировать производство знаний именно в направлении хозяйственного использования. Такое упрощенное и одностороннее представление не учитывает внутренних тенденций развития науки и техники. В то же время философские рассуждения об этом слишком абстрактны, хотя и подчеркивают, что формируется новый этап «постнормальной», или «постнеклассической», науки и традиционного разграничения контекстов открытия и подтверждения уже недостаточно.

С одной стороны, видно, что сегодня социально релевантное знание создается во многих сферах общественной жизни, не всегда непосредственно связанных с наукой. Методически специализированное производство знаний развивается во всех областях функционирования и организациях общества. Примеры тому можно найти в промышленных лабораториях, поддерживаемых государством, и ориентированных на приложения институтах, а также во внеуниверситетских негосударственных исследовательских организациях. Система науки, особенно университетской, вместе с дисциплинарно организованной наукой потеряла монополию на производство знаний.

С другой стороны, главные производители научного знания теперь не только дисциплинарно организованные ученые, но и «полу-

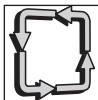
чатели» знания, т.е. дилетанты или заказчики, которые также должны быть включены в процесс производства научных знаний. При этом контекст применения становится конституирующим по отношению к процессу производства. Такого рода развитие выходит за пределы строгого различения контекстов открытия и обоснования, принятых в традиционной философии науки. Если же контексты открытия и обоснования сливаются воедино, то и система науки более не в состоянии контролировать знания и способы его применения (экспертизу) с помощью своих собственных стандартов, критериев качества и механизмов (экспертной оценки).

Все эти изменения имеют не только позитивные, но и негативные последствия, часто девальвирующие устойчивые традиции и идеалы научного сообщества и даже разрушающие сложившиеся и ранее эффективно функционирующие механизмы научного производства и воспроизводства исследовательских систем. Но они происходят во всем мире, и их важно осмысливать, изучать и корректировать, а не делать вид, что никакой постнеклассической науки нет, а есть только рост доли прикладных исследований. В сущности идеал фундаментальной науки, направленной на поиск истины, – это тоже абстракция и теоретический конструкт философии науки, основанный на переходящих из одного учебного пособия в другое мифах. Одним из таких мифов является утверждение о том, что деятельность Галилея «побуждалась почти исключительно стремлением к истине и коперниканская революция была революцией главным образом в мировоззрении»⁴. Такие мифы создают превратное представление об истинной истории науки: «Следует ли нам развенчать привычный образ Галилея как человека “чистой науки”? Безусловно, это необходимо», – пишет один из современных исследователей творчества Галилея⁵.

Убежденность Галилея в том, что книга природы написана на языке математики, была не только продиктована стремлением к познанию объективной истины, но и подкреплена инженерной практикой создания и использования так называемых математических инструментов в артиллерии и фортификации начиная с эпохи Возрождения. С развитием тяжелой артиллерии и огнестельного оружия мир кардинально меняется. Старые крепостные стены больше не защищают, а от дальности пушечной стрельбы и точности попадания снарядов в цель зависит выживание городов-государств. Технический прогресс в военной сфере становится с этого времени определяющим. Поэтому на первый план в качестве инженерной элиты наряду с мастерами-инженерами из среды ремесленников выходят военные инженеры, получившие специальное математическое образование. Произ-

⁴ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 98.

⁵ Фантоли А. Галилей: в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999. С. 119.

водство именно таких инструментов и организует Галилео Галилей. Особенность его предприятия заключается, впрочем, не только в производстве и продаже «математического компаса» (или циркуля), но и в трансляции знаний по его использованию с обучением основам практической математики.

Инженеры проходят специальный курс обучения на предприятии в ходе работы и в появившихся тогда академиях. Например, основанная в 1562 г. Флорентийская академия искусств (Accademia del Disegno), которую на русский язык переводят как Академия изящных искусств или рисунка, была скорее Академией дизайна или, лучше сказать, искусства проектирования, поэтому ее часто называли академией «делания», а также учебным заведением для подготовки мастеров-инженеров. Студенты изучали геометрию и черчение, в том числе техническое черчение. Учитель математики Галилея Остилио Риччи (1540–1603) получил в ней в 1593 г. кафедру математики. Одновременно он давал уроки практической геометрии в мастерской Бернардо Буонталенти. Галилей наряду с учебой в Падуанском университете прошел все стадии тогдашнего инженерного образования, а позже сам организовал обучение военных инженеров. Это, однако, не было чисто коммерческой деятельностью, изолированной от его научных интересов. Создаваемые им «математические инструменты» могли быть использованы только вместе со знаниями о том, как их использовать. *Уже тогда научное знание становится товаром!* Именно поэтому кодификация и передача таких знаний с помощью частных уроков была главной деятельностью Галилеева предприятия. Но Галилей идет дальше и создает новую эпистемологическую модель генерирования естественно-научных знаний⁶.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сведение современной научной деятельности к решению чисто прикладных и коммерческих задач так же пагубно для науки, как и полное отлучение от них. Маркони никогда не смог бы осуществить передачу сообщений по радио через океан, если бы не теоретические исследования, проведенные Фердинандом Брауном. Но и без практических и коммерческих устремлений Маркони многие вопросы вообще никогда не возникли бы перед наукой⁷.

Во-первых, я не согласен с интерпретацией А.Л. Никифоровым истории науки: «Наука была фундаментальной и вдохновлялась одним поиском истины». Это лишь идеализированная модель истории науки, не имеющая ничего общего с ее реальной историей, которую

⁶ Подробнее см.: *Горохов В.Г.* Технонаука Галилео Галилея. Размышления по поводу книги Матео Валериани «Галилео – инженер» (*Valleriani M. Galileo Engineer. Dordrecht ; Heidelberg ; L. ; N.Y. : Springer, 2010*) // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 105–116).

⁷ Подробнее см.: *В.Г. Горохов.* Технические науки: история и теория. История науки с философской точки зрения. М., 2012.

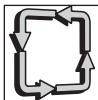
философ науки обязан анализировать, а не просто ссылаться на ходячие голословные утверждения, переходящие из учебника в учебник. Об этом весьма рельефно сказано, например, в статье Дж. Питта в журнале «Эпистемология и философия науки» (2012. Т. XXXIII. № 3. С. 19–31). Макс Вебер также четко охарактеризовал роль науки в современном обществе: «Несомненно, наука сегодня – это профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о *смысле мира*»⁸.

Во-вторых, никакой «прикладной науки» вообще не существует, а есть фундаментальные и прикладные исследования в самых разных науках, в том числе и технических, которые часто неверно относят к разряду прикладных наук.

В-третьих, никто не утверждает (и прежде всего В.С. Стёпин), что классическая наука не продолжает существовать и сегодня наряду с неклассической и постнеклассической наукой. Во многих областях она, кстати сказать, дает прекрасные объяснения, а также и прикладные результаты. Здесь можно сослаться на утверждение М. Вебера о том, что социально-экономические формации существуют не одна за другой, как это представлял марксизм, а одна наряду с другой, просто одна из них выходит на первое место. В этом смысле и в античности существовали элементы капитализма, а в XX в. – рабовладельческого строя (например, рабочие армии Троцкого и их воплощение в системе ГУЛАГа Сталина) и феодализма (владение нефтяными полями ничем не отличается от владения сельскохозяйственными угодьями). Я согласен с утверждением А.Л. Никифорова, что сегодня имеет место коммерциализация науки, но этот внешний по отношению к ней факт не отменяет ее глубоких внутренних методологических изменений⁹.

⁸ Вебер М. Наука как призвание и профессия. – <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>.

⁹ См.: Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 10.

Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности

В.С. СТЁПИН

Александр Леонидович Никифоров публикует по меньшей мере третью работу, которую заканчивает одной и той же фразой – «Никакой постнеклассической науки нет»¹! Звучит почти как заклинание. Вроде «Карфаген должен быть разрушен!». Но для разрушения Карфагена нужны были соответствующие силы и средства. Для подтверждения тезиса о небытии постнеклассической науки – нужна убедительная аргументация.

Рассмотрим аргументацию Александра Леонидовича. Ее началом служит критика моей точки зрения на особенности научного познания. Понимание и изложение моей позиции А.Л. Никифоровым, мягко говоря, не совсем адекватно тому, что содержится в моих работах. Он не воспроизводит логику рассуждения, а вырывает из контекста отдельные фрагменты по принципу «кроме того, Стёпин пишет еще и об этом», а затем комментирует составленный им коллаж. Комментарий сводится к следующему. Стёпин связывает научное познание с практической деятельностью и, сам того не замечая, описывает то, что называется прикладной наукой. Но, как известно, есть общепризнанное различие между фундаментальными и прикладными исследованиями. Далее приводится цитата из книги Е.А. Мамчур о том, что фундаментальные исследования имеют целью познание законов природы, такой, какой она существует сама по себе, а прикладные – «изменение природных или искусственных объектов и процессов в нужном для человека направлении или создание новых, полезных для

¹ См., например: *Никифоров А.Л.* Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2011. С. 100; *Никифоров А.Л.* Чувственно-вербальное построение мира // *Язык – знание – реальность.* М., 2011. С. 57.

человека вещей»². Таким способом А.Л. Никифоров создает впечатление, что в моих представлениях о научном познании не учтены особенности фундаментальной науки, а все сведено к прикладному знанию. Так вот, это впечатление в корне не соответствует тому, что содержится в моих публикациях по данной теме.

А.Л. Никифоров приводит фрагмент из моей работы. В нем утверждается: первый главный и отличительный признак науки состоит в том, что она изучает объекты, которые могут быть актуально или потенциально включены в деятельность, изучает их как подчиняющиеся объективным законам функционирования и развития. И здесь возникает очевидный вопрос: если есть *первый* главный признак, то должен быть и *второй*? В чем же он состоит?

Никифоров почему-то внятно об этом не пишет. А он состоит в следующем. Наука не ограничивается изучением только тех объектов, которые принципиально могут быть освоены в практиках определенного этапа развития цивилизации, в том числе в производстве и обыденном опыте соответствующей исторической эпохи. Наука выходит за эти рамки и изучает объекты «независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения»³.

В науке наряду с исследованиями, обслуживающими различные виды практики определенного исторического периода, складывается особый слой исследований, движение познания в котором «обусловлено уже не столько запросами сегодняшней практики, сколько познавательными интересами»⁴. В этом слое исследования знания уже не формулируются как имеющие практическое приложение, как предписания для практики, а «выступают как знания об объектах реальности “самой по себе”»⁵. Именно с формированием этого слоя научного познания в процессе его исторической эволюции возникает ее разделение на фундаментальные и прикладные науки. Постановка внутринаучных проблем и их решение в рамках фундаментальных исследований часто неожиданно открывает пути к новым технологиям, инициируя новые виды прикладных исследований⁶. Я не вижу здесь существенных отличий от принятых характеристик фундаментальной науки. Поэтому могу констатировать, что вопреки мнению Александра Леонидовича в выделенных мной двух главных особенностях научного познания учтены как прикладной, так и фундаментальный компоненты исследований. Более того, в явном виде выявлены общие, *родовые* признаки науки, которые их объединяют и неявно предполагаются при их сравнении.

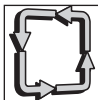
² Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 349.

³ См.: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 43, 53, 59.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Там же. С. 47–48.

Понятно, чтобы отличить фундаментальные науки от прикладных, нужно опираться на некоторое предварительно принятое представление о том, что оба этих вида исследований суть наука. Это представление означает, что существуют родовые признаки науки как основание для видовых отличий. В некоторых задачах эти родовые признаки можно не эксплицировать. Но этого нельзя избежать, если ставится задача отличить науку от других форм человеческого познания (от искусства, обыденного познания и т.д.). Этого нельзя избежать, если мы анализируем особенности различных кластеров научных дисциплин: естествознания, технических, а также социально-гуманитарных наук; особенности фундаментальных и прикладных научных исследований внутри каждого из этих кластеров. И, наконец, этого нельзя избежать, если мы ставим задачу различить исторически возникающие в ходе развития научного познания типы рациональности. При решении всех этих задач важно выявить инвариантное ядро, то, что характеризует научное познание во всем многообразии научных дисциплин и их исторических состояний.

Это непростая проблема. Я предложил ее решение (допускаю, что в первом приближении), выделив *систему* признаков, характеризующих особенности научного познания, его инвариантное ядро. Две главные характеристики науки, о которых говорилось выше, определяют предмет научной познавательной деятельности. Наука может изучать любые объекты – природные, социальные, ментальные, но к чему бы ни прикоснулась наука – все для нее *объект*, который в своем существовании, изменении состояний, развитии обусловлен объективными сущностными связями, законами его функционирования и развития⁷. Наука может изучать любые состояния и процессы человеческого жизненного мира, самого человека и окружающей его природы, но в особом ракурсе, как процессы, подчиненные соответствующим объективным закономерностям. И там, где она не может реализовать этого подхода, там и кончается наука. Она не может заменить собой всей культуры. В этом и ее границы и ее безграничность.

Если применить этот подход к проблематике «фундаментальное и прикладное научное знание», то установка на исследование объектов и процессов как подчиненных объективным законам – это родовый признак, который реализуется в любом виде исследований, а не только в фундаментальной науке. Я рассматриваю это понимание науки как системообразующий фактор, с которым скоррелированы и согласованы другие необходимые характеристики научной познавательной деятельности: характеристики ее результатов (знаний), ее средств, методов и самого познающего субъекта, включая этические регулятивы научной деятельности, которые он обязан усвоить и соблюдать в научном поиске. Две основные установки научного этоса –

⁷ Степин В.С. Указ. соч. С. 41–42.

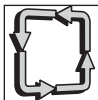
на поиск объективно-истинного знания и на рост этого знания (и соответственно запреты на умышленное искажение истины и на плагиат) соотнесены и скоординированы с двумя основными признаками, определяющими предметность науки и ее стремление постоянно расширять предметную область своих исследований, выходя за рамки осуществляющих на сегодня запросов практики.

Весь этот системный комплекс характеристик научной деятельности я рассматриваю как необходимые и достаточные родовые признаки науки. Они позволяют определить особенности научного познания, установить его отличие от других (внеаучных) форм познания и знания. Они также служат тем основанием, которое позволяет анализировать изменение научной рациональности и выделить ее особые исторические типы. Еще в 1960-х – начале 1970-х гг. в литературе по философии науки были зафиксированы различия между классическим и неклассическим типами научной рациональности. Опираясь на эти положения и анализируя изменения в науке в эпоху научно-технической революции второй половины XX в., я сделал следующий шаг – выделил третий тип научной рациональности⁸. Позднее я обозначил его как постнеклассический и сформулировал критерии различения трех исторических типов научной рациональности.

Классика, неклассика, постнеклассика различаются по следующим признакам. Во-первых, по типу системной организации исследуемых объектов. Классическая рациональность обеспечивает освоение простых систем, неклассическая – сложных саморегулирующихся систем, постнеклассическая – сложных саморазвивающихся систем. Каждый из этих типов систем требует для понимания и познания особой категориальной сетки (особых смыслов категорий части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени).

Во-вторых, различие типов рациональности выражается в специфическом понимании идеалов и норм исследования. При сохранении инвариантного содержания этих норм, выражающих отличие науки от других форм человеческого познания, в каждом новом типе научной рациональности возникают особые, специфические смыслы в трактовке объяснения и описания, обоснования, строения и построения знания. Например, классика условием объективности знания полагает элиминацию из процедур объяснения и описания всего, что относится к познающему субъекту, к средствам и операциям его деятельности. Неклассика, напротив, включает в процедуры объяснения и описания характеристику средств и операций деятельности, благодаря которым выявляются свойства и закономерности изучаемого объекта. И это интерпретируется не как отказ от объективности знания, а как условие ее достижения. В постнеклассической рациональ-

⁸ См.: Научные революции в динамике культуры. Минск, 1987. С. 53–54; 379–382.

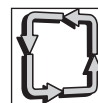
ности возникает новое расширение смыслов научного объяснения и описания. В них в качестве условия реализации идеала объективности включаются процедуры соотнесения внутринаучных и внеаучных ценностей.

В-третьих, в каждом новом типе рациональности изменяются философские основания науки, углубляется философская рефлексия над научной деятельностью. В классической рациональности эта деятельность предстает как познавательное отношение, в котором суверенный познающий разум (субъект) со стороны наблюдает и изучает объекты и в идеале не детерминирован ничем, кроме своих способностей постигать свойства и сущностные связи объектов.

В неклассической рациональности выясняется, что между разумом и объектом всегда есть посредник – средства и операции деятельности. Они исторически развиваются, и от уровня их исторического развития зависит то, что может выделить и изучить в мире познающий разум. Наконец, в постнеклассической рациональности принимается во внимание, что любая деятельность, в том числе и научное познание, социально детерминирована, определена базисными ценностями культуры, которые программируют деятельность, влияют на формирование ее ценностно-целевых установок. Научное познание во все эпохи было социально обусловлено. Но не во все эпохи это осознавалось и закреплялось в философских основаниях науки. Принципиально важным в концепции типов научной рациональности является идея взаимной корреляции, взаимообусловленности перечисленных основных критериев. В их взаимосвязи тип системной организации исследуемых объектов играет важнейшую роль.

Нетрудно убедиться, что в текстах А.Л. Никифорова, посвященных критике постнеклассической науки, нет даже упоминания об особенностях объектов, которые определяют характер того или иного типа научной рациональности. Но именно из этих особенностей вытекают все остальные характеристики постнеклассической науки. Я постоянно подчеркиваю, что постнеклассический тип рациональности возник в связи с освоением в науке второй половины XX – начала XXI в. сложных саморазвивающихся систем. Об их особенностях достаточно подробно написано в моих работах. Поэтому напомним лишь некоторые ключевые для их понимания характеристики.

Прежде всего важно зафиксировать, что саморазвивающиеся системы являются принципиально процессуальными объектами. При этом нужно различать две их стадии: устойчивых состояний и перехода от одного типа устойчивости к другому. Устойчивые состояния системы – это состояния гомеостаза, саморегуляции системы. Сложные системы являются открытыми по отношению к среде. Они воспроизводятся благодаря обмену веществом, энергией и информацией с внешней средой. Их устойчивые состояния являются инвариантом постоянно протекающих в них изменений, результатом дейст-

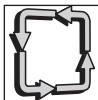

вия прямых и обратных связей, стабилизирующих систему. Но есть еще одна характеристика процессуальности саморазвивающихся систем: они периодически проходят стадию качественных преобразований, когда от одного типа гомеостаза система может перейти к другому, более сложному типу. Это – стадия фазового перехода, которая характеризуется неустойчивостью системы и описывается в синергетике в терминах динамического хаоса. На этой стадии в точках бифуркации возникает конечное множество возможных сценариев развития системы, обусловленных как характером внешней среды, так и предшествующей эволюцией системы. Саморазвивающиеся системы иерархичны и способны порождать в ходе развития новые уровни, которые начинают воздействовать на ранее сложившиеся, изменяя композицию их элементов и организуя их в новую целостность. Таким путем осуществляется переход от предыдущего гомеостаза к новому типу саморегуляции усложняющейся системы. Параметры порядка в процессе саморазвития изменяются с появлением каждого нового уровня организации системы. Усложнение системы сопровождается ее дифференциацией. В ней возникают новые виды подсистем с массовыми кооперативными взаимодействиями элементов.

Все эти особенности заставляют по-новому рассматривать деятельность саморазвивающихся систем. Она уже не является только внешним воздействием на систему, но интегрируется в нее в качестве особого компонента, определяя возможные пути ее развития. В условиях неустойчивости деятельность активизирует один из возможных сценариев развития системы, порождая странные аттракторы, которые втягивают систему в определенное русло дальнейших перемен. Можно считать, что итог развития системы в этом русле выступает как искусственная, сконструированная нами реальность. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному возможному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного⁹.

В более широком контексте все конструктивно созданное в деятельности человека может быть оценено как особая линия космической эволюции. Природа в своей естественной линии развития не создает ни автомобилей, ни реактивных самолетов, ни персональных компьютеров. Но возникновение этих объектов не противоречит законам природы, хотя оно чрезвычайно маловероятно с точки зрения

⁹ См.: *Стенун В.С.* Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С. 63.

эволюции природных систем без человека. Лишь появление особой стадии космической эволюции – человека и человеческого общества – резко увеличивает вероятности появления таких объектов.

Сегодня представления о саморазвивающихся системах выступают в качестве фундаментальной идеи научной картины мира, которая рассматривает все уровни организации материи как возникшие в процессе эволюции Вселенной (от Большого взрыва до наших дней). Каждый уровень (включая не только системы неживой природы, но и биологические, а также социальные системы) предстает в качестве результата фазовых переходов развития Метagalактики как ее дифференциация, связанная с формированием ее особых подсистем в процессе космической эволюции.

Изучение различных аспектов и состояний развивающихся систем может быть осуществлено в науке с разных позиций. В ней могут быть задачи, предполагающие абстрагирование от фазовых переходов саморазвивающихся систем и нацеленные на анализ только их устойчивости. В этих случаях предмет изучения предстает как процесс гомеостазиса как саморегулирующаяся система. Но можно абстрагироваться даже от процессуальности объектов, представляющих собой саморегулирующиеся системы. Тогда они предстают как себестоимые объекты, управляемые небольшим набором параметров порядка. Такого рода интерпретация может совпадать с представлениями об объектах как о простых системах. Например, абстрагируясь от процессов саморегуляции, прямых и обратных связей, обеспечивающих существование Солнца и Земли (от ядерных реакций в недрах Солнца, от взаимодействий атмосферы, гидросферы и литосферы Земли, влияния на эти взаимодействия биосферы и человеческой деятельности и т.п.), можно представить Солнце и Землю только как тяготеющие массы, подчиненные законам классической механики.

Таким образом, сложные саморегулирующиеся системы и даже простые системы могут быть представлены не просто как рядоположенные с саморазвивающимися системными объектами, а как их фрагменты и аспекты. В реальной истории науки все начиналось именно с аспектов, когда уровень развития познания и практики еще не позволял выявить структурную сложность саморазвивающихся систем, а все объекты рассматривались как редуцируемые к характеристикам простых систем. В естествознании XVII–XIX вв. доминировала механика. Физика в этот период не воспринимала идеи развития. Гипотеза Канта–Лапласа о происхождении Солнечной системы не выходила за рамки механицизма и в лучшем случае может быть обозначена только как самый предварительный шаг к эволюционной парадигме в физике и космогонии.

Социальные науки в начале своего возникновения также ориентировались на механистические представления, полагая, что категориальная сетка простых систем универсальна и обеспечивает понима-

ние любых объектов и процессов мира. Достаточно вспомнить, что родоначальник социологии О. Конт вначале определял ее как социальную механику. Ш. Фурье видел идеал социальной науки в открытии наподобие закона всемирного тяготения закона тяготения по страстям. Первые концепции биологической эволюции (Ж. Кювье и Ж.Б. Ламарка) также не выходили за рамки механистических представлений¹⁰. Но по мере развертывания революции, связанной с формированием дисциплинарно организованной науки, в рамках классической рациональности возникали предпосылки для перехода к иным парадигмальным представлениям о мироздании.

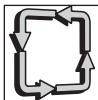
В этот период сложились основные кластеры научных дисциплин в математике, естественных, технических и социально-гуманитарных науках. Складывались различные дисциплинарные онтологии. И если физика еще не принимала эволюционных идей, то в биологии они утверждались, особенно благодаря теории Ч. Дарвина. В социальных и гуманитарных науках уже у Конта возникает представление об обществе как целостном социальном организме, а в конце XIX – начале XX в. происходит осмысление особой методологии «наук о духе» (В. Дильтей, Г. Риккерт, В. Виндельбанд). Все эти изменения, происходившие еще в эпоху господства классической парадигмы, подготовили переход к новому типу научной рациональности, который начал утверждаться в первой половине XX в. Первым шагом на этом пути было построение квантово-релятивистской физики. Она заставила пересмотреть основной принцип классического подхода, согласно которому субъект познания рассматривался как выделенный из мира носитель суверенного, беспредпосылочного разума, со стороны созерцающего и познающего мир. Известны высказывания В. Гейзенберга об эпистемологических и методологических уроках построения квантовой механики. Он подчеркивал, что ее создание потребовало четкого уяснения того, что наблюдатель находится не вовне, а внутри мира и что наблюдаемое нами в природе – это «не сама природа, а природа, какой она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов»¹¹, нашей деятельности и особенностям наших технических средств, позволяющих проникнуть в исследуемые области природы¹².

Эти идеи были включены в саму структуру теоретического описания квантовых объектов. Их выражением стали принцип относительности к средствам наблюдения и принцип дополнительности. В квантово-релятивистской физике произошел пересмотр категори-

¹⁰ Подробнее см.: *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Идеалы объяснения и проблемы взаимодействия наук // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 276–278; *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 580–581.

¹¹ *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М., 1990. С. 27.

¹² Там же.

альной сетки, которая обеспечивала понимание и познание объектов на этапе классической науки. Потребовалось переосмысление категорий причинности, пространства и времени, части и целого¹³.

В новых категориальных смыслах постепенно выявлялись особенности сложных систем, которые наука первой половины XX в. втянула в орбиту своих исследований. Эти же особенности нашли дальнейшее осмысление в биологии в связи с развитием генетики, открытием и изучением надорганизменных систем живого (популяция, биогеоценоз, биосфера). Завершающей фазой научной революции первой половины XX в., утвердившей неклассический тип рациональности, стало возникновение кибернетики. Она в явном виде использовала и обогатила новыми смыслами развитую в квантово-релятивистской физике и биологии первой половины XX в. категориальную матрицу описания саморегулирующихся систем. Под влиянием кибернетики произошло формирование неклассических технических наук. Применение ее представлений в биологии привело к целому ряду перспективных идей и открытий¹⁴. Ее методы и новое системное видение стимулировали также появление новых перспективных концепций в социальных науках. В этом плане можно сослаться на концепцию Т. Парсонса, центральной идеей которой было рассматривать социальные объекты как сложные саморегулирующиеся процессуальные системы, воспроизводящиеся благодаря человеческой деятельности и управляющим ею кодам культуры¹⁵. Даже беглый обзор всех этих парадигмальных сдвигов в различных областях науки первой половины XX в. свидетельствует об изменениях в самой структуре научного познания, нацеленного на получение объективно-истинного знания о мире.

Разумеется, наука развивается в социальной среде, и ее институциональные изменения включаются в процессы генерации нового научного знания. Но утверждать, как это делает Александр Леонидович, что все описанные перемены в научном познании не являются изменениями в науке, а сводятся к изменению места науки в обществе, значит полностью исказить мою точку зрения и не считаться с реальными фактами истории науки, которые я анализирую в своих работах. Изменения в познавательной деятельности, связанные с возникновением неклассического подхода, были своего рода прологом к станов-

¹³ См.: *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 254–258.

¹⁴ Одним из примеров тому может служить построенная И.И. Шмальгаузенем модель взаимодействия организма, популяции и биогеоценоза как целостной саморегулирующейся системы. Она позволила сформулировать новый для биологии того времени принцип группового отбора, объяснить многие не находившие объяснения факты помехоустойчивости в передаче наследственной информации, открыла новые возможности применения в биологии математических методов (подробнее см.: Теоретическое знание. С. 602–604).

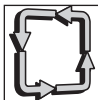
¹⁵ Подробнее см.: Постнеклассика: философия, наука, культура. С. 260–261.

лению постнеклассического типа научной рациональности. И я вновь вынужден подчеркнуть, что главное здесь состоит в формировании новых методов, способов видения, категориальных матриц, обеспечивающих познавательное и практическое освоение сложных саморазвивающихся систем. Обо всех этих особенностях я неоднократно писал в своих работах последних лет. Что же касается сегодняшней дискуссии, то я хотел бы еще раз акцентировать следующие позиции.

Во-первых, освоение нового типа системных объектов происходит во второй половине XX – начале XXI в. в широком спектре наук. Идеи саморазвития и соответствующая им категориальная матрица начали утверждаться в современной физике, с одной стороны, в рамках моделей Большого взрыва, инфляционной Вселенной и дифференциации гравитационных, сильных, слабых и электромагнитных взаимодействий в процессе фазовых переходов, порождающих соответствующие виды элементарных частиц, а с другой – в рамках исследований неравновесных процессов и нелинейной динамики сложных систем (И. Пригожин, синергетика). В современной биологии эволюционные процессы также начинают анализироваться в новой системной парадигме. Возникновение жизни на Земле, изменение биосферы в ходе ее эволюции, связь «химической эволюции» с процессами формирования первых генетических кодов, генная инженерия в экспериментах и обоснование идеи горизонтального переноса генов в живой природе, открытие разнообразия генетических кодов, исследование системной целостности генома и кооперативных эффектов при изменении его отдельных генов – все это только часть новых проблем исследования живых систем, рассмотренных в качестве исторически развивающихся объектов. В технических науках активно формируется новая область исследований, связанная с конвергентными (нано-, био-, информационными и когнитивными технологиями), – область постнеклассической науки, где закладываются предпосылки нового технологического уклада. В социально-гуманитарных науках эволюционные идеи, видение социальной динамики как сложного взаимодействия экономической, социальной сферы и культуры в наши дни становятся приоритетными¹⁶. Традиционное различие наук о духе и наук о природе, правильное для XIX в., перестает действовать в современных ситуациях постнеклассической науки. Обнаруживаются общие методологические принципы и парадигмальные образцы изучения саморазвивающихся систем как в естествознании, так и в социально-гуманитарных науках. На этой основе активизируется обмен

¹⁶ Именно социальные науки впервые (еще во второй половине XIX – начале XX в.) столкнулись с рядом ключевых особенностей, которые сегодня обозначаются как характеристики постнеклассической рациональности: с необходимостью осознания многих социальных объектов как сложных, исторически развивающихся человекообразных систем и с необходимостью при их исследовании рефлексии над ценностями (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Мангейм и др.).

концептуальными средствами и методами между естествознанием и социально-гуманитарными дисциплинами.

Во-вторых, важнейшей особенностью саморазвивающихся систем является включенность в большинство таких систем человека в качестве составляющего компонента (человекоразмерность развивающихся систем). Это не означает, что невозможно объективно исследовать систему. Даже когда сам исследователь включен в нее, он может дать системе объективное описание, поскольку сознание всегда рефлексивно и мы способны самоосознавать себя и функционально занимать позицию как метанаблюдателя, так и наблюдателя изнутри системы. Но сам процесс познания не сводится только к абстрактным теоретическим построениям, а всегда предполагает реальное практическое взаимодействие с объектом в ходе эксперимента, измерения и наблюдения. В этом отношении саморазвивающиеся человекоразмерные системы требуют особого подхода. С ними нельзя свободно экспериментировать. Ограничения, которые здесь возникают, требуют своего осмысления. Они означают, что внутреннего этоса науки, ориентирующего на поиск объективно-истинного знания и на рост этого знания, уже недостаточно. Нужны дополнительные регулятивы гуманистического характера, накладывающие определенные ограничения на свободу научного поиска. В психологии, ряде социологических исследований, биомедицинских исследованиях об этом знают уже давно. Гиппократов принцип «Не навреди!» в настоящее время обрел в этих науках институциональный статус. Он реализуется как этическая экспертиза научных программ и проектов.

Эта экспертиза широко применяется и в современных технических науках, которые ближе, чем другие дисциплины, к прикладным исследованиям, хотя и здесь существуют фундаментальные технические теории (что, на мой взгляд, убедительно показано В.Г. Гороховым). Но и в областях знания, которые традиционно рассматриваются в качестве фундаментальных наук, возникают новые состояния исследований, требующие этической экспертизы. В современной генетике ученые приняли согласованные обязательства не применять методы клонирования к человеку, поскольку не учтены возможные риски и их социальные последствия. Сегодня уже дискутируется проблема влияния трансгенных популяций микроорганизмов и популяций трансгенных растений на состояние биосферы как целостности. Пока это анализ возможных зон риска без изложения каких-либо ограничений на эксперименты и соответствующие биотехнологии. Но даже такого рода исследования инициированы не только установкой на поиск истины, но и дополнительными гуманистическими регулятивами, определяющими направления поиска.

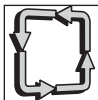
Здесь я сделаю небольшое отступление. А.Л. Никифоров в своем тексте снисходительно заметил по поводу моего анализа научного познания: «В конце концов автор добирается до истины, но не как цели научной деятельности, а как некой ценности».

Так вот, «некая ценность» – это то, чего нельзя избежать ни в каком виде деятельности. Любая деятельность представляет собой отношение субъекта к объекту. Человек, чтобы стать субъектом деятельности, должен иметь в своем сознании программу деятельности. А эта программа включает ценности, цели, знания и навыки. Знания и навыки необходимы для осуществления операций со средствами. Воздействие последних на объект переводит его в новое состояние (результат), которое должно соответствовать цели. Цель отвечает на вопрос «что?». Что я должен получить в качестве результата деятельности? Цель – это идеальный образ будущего результата деятельности. Что же касается ценности, то она отвечает на вопрос «для чего?». Для чего нужна та или иная деятельность? Ценность обосновывает цели. И если ставятся какие-то цели, то всегда уместен вопрос «для чего?». Ценности не нечто чисто внешнее по отношению к деятельности, в том числе и к деятельности научного познания, а его внутренний регулятив. И само научное познание имеет достаточно престижный статус в современной культуре именно потому, что оно – ценность. Но не во всякой культуре и не во всякой цивилизации наука занимает столь высокое место в шкале ценностей, как в современной техногенной цивилизации. В традиционалистских обществах этого не было. Само обоснование ценности науки в новоевропейской философии, особенно в эпоху Просвещения, связывалось с ценностью прогресса, который должен привести к лучшему будущему человечества. В этом смысле обоснование научного познания как ценности и в фундаментальной, и в прикладной его части включало идею полезности и блага для развития человечества.

Рефлексия над ценностно-целевыми структурами научного исследования в классическом естествознании была избыточна, поскольку не ставилась под сомнение гуманистическая миссия научно-технологического прогресса. Но в исследовании и практическом освоении сложных развивающихся систем всегда возникают сценарии, которые могут завершиться катастрофическими разрушениями системы. А поскольку система человекообразна, такие сценарии важно обозначить как зоны риска, в которые не следует попадать. В результате рефлексия над ценностями становится необходимым компонентом познавательного и практического освоения такого рода систем.

В-третьих, особенности исследования сложных развивающихся систем по-новому ставят проблему соотношения фундаментального и прикладного научного знания. Разделение на фундаментальные и прикладные исследования никогда не исключало их связи. Причем эта связь не была односторонней, когда создание фундаментальной теории открывает пути к новым технологиям и их практической реализации. Многие фундаментальные направления современной науки выросли из прикладных исследований. Так обстояло дело с возникновением кибернетики. Уместно также напомнить, что идеи синергетики возникали и разраба-

тывались в ходе многочисленных прикладных исследований, выявивших кооперативные эффекты в фазовых переходах и процессах образования диссипативных структур (структуры в жидкостях, химические волны, лазерные пучки, неустойчивости плазмы, явления выхлопа и флаттера).

При исследовании сложных развивающихся систем все чаще возникают ситуации, когда фундаментальные результаты одновременно выступают и как имеющие конкретный круг практических приложений. Например, расшифровка функций того или иного гена в геноме является задачей генетики, которая по традиции полагается фундаментальной наукой. Но этот результат может расцениваться и как основа медицинского диагноза наследственных заболеваний (если речь идет о геноме человека) или в иных случаях как путь к созданию нового вида трансгенных растений методом генной инженерии и т.п. Такого же рода сближение фундаментальных и прикладных задач возникает в современной информатике при разработке проблем искусственного интеллекта. Оно прослеживается также в областях современного языкознания, сопряженных с разработкой когнитивных технологий.

Если принять во внимание все три обозначенные выше особенности исследований саморазвивающихся систем и с этих позиций вновь обратиться к аргументации А.Л. Никифорова, то можно сделать следующие выводы.

Александр Леонидович не принимает во внимание, что в историческом развитии прикладных наук (на рост знания которых он справедливо указывает) также есть стадии классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Они различаются прежде всего типом осваиваемых системных объектов соответствующими методами и особенностями социальной экспертизы программ и проектов. Александр Леонидович также не учитывает в явном виде, что разные типы научной рациональности обнаруживаются не только в естествознании, но и в технических и в социально-гуманитарных науках.

Стремление к объективной истине присуще любым научным исследованиям, это признак не только фундаментальной, но любой науки. И я не думаю, что, например, творцы теории машин и механизмов, предсказавшие еще не созданные человечеством типы таких машин, не стремились к объективной истине, хотя и понимали практическую полезность своей теории.

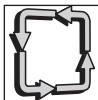
В заключительной части своей статьи А.Л. Никифоров пишет: «Изменялась структура и содержание научного знания, менялись способы описания и объяснения, мировоззренческие представления ученых, однако... все они стремились в своем научном поиске к одному – к получению объективной истины». Я полностью солидарен с этим фрагментом, поскольку в нем по существу сказано, что стремление к объективной истине как родовый признак науки реализуется в соединении с различными видовыми признаками, характеризующими разные этапы исторической эволюции научного познания.

Но тогда возникает вопрос: в чем состоят эти этапы, как исторически изменялись структура и содержание научного знания, способы описания и объяснения, его мировоззренческие основания? Ответу на этот вопрос и посвящены мои основные исследования. Выделив исторические типы научной рациональности, можно проследить, в чем конкретно состояли те изменения научного познания, о которых в общем виде говорит Александр Леонидович. Каждый новый тип научной рациональности сохраняет инвариантное ядро – идеал объективной истинности знания, но полагает, что условиями реализации этого идеала является осмысление особенностей средств и операций деятельности с изучаемым объектом (неклассика), а затем и рефлексия над ценностно-целевыми структурами деятельности (постнеклассика). Наличие в каждом типе научной рациональности инвариантного ядра обеспечивает их преемственность. Каждый новый тип рациональности не уничтожает предыдущий, а лишь ограничивает сферу его действия. И я постоянно акцентирую тезис о том, что при решении ряда научных задач постнеклассическая парадигма может быть избыточной и вполне может оказаться достаточной для неклассического и даже классического подходов. Классическая наука была исторически первым стандартом фундаментальных исследований. Но затем эти стандарты перестали доминировать в науке.

Выводы А.Л. Никифорова о том, что «никакой постнеклассической науки нет», могут считаться логически обоснованными только в одном случае, если «стремление к получению объективной истины» он полагает тождественным стандартам фундаментальной науки *классической* эпохи. Но такое отождествление противоречит тому, что Александр Леонидович правильно написал в начале своего заключительного пассажа, где он отмечает, что содержание, структура научного знания, способы описания и объяснения, мировоззренческие основания науки изменяются в ходе ее исторического развития. Стандарты как фундаментальной, так и прикладной науки исторически изменчивы, но идеал объективности исследований как родовой признак науки сохраняется при этих изменениях. И неверно полагать, что новые социальные детерминанты прикладных исследований, приведшие к формированию технауки, отменили этот идеал.

Поэтому заключительная фраза статьи А.Л. Никифорова, что «никакой постнеклассической науки нет, а есть рост прикладных исследований», для меня имеет не больший смысл, чем сомнительное утверждение, что никаких, возникающих в процессе эволюции видов растений нет, а есть только рост кустарников. Я не вижу непротиворечивого доказательства Никифоровым его тезиса о небытии постнеклассической науки. Если несколько видоизменить известное шутовое высказывание Марка Твена, то я бы сказал, что слухи о несуществовании постнеклассической науки сильно преувеличены.

Чем для меня является постнеклассическая наука

В.И. АРШИНОВ

Начну, однако, не с себя, а с Тома Рокмора, который дал весьма емкую характеристику модели науки В.С. Стёпина «как динамически развивающейся исторической системы». В частности, Рокмор подчеркивает, что «чрезвычайно интересная стёпинская модель современного естествознания возникает из его попытки вплотную подойти к специфическим проблемам философии науки Нового времени» и что «постнеклассическая концепция науки В.С. Стёпина опирается на его заслуживающую особого интереса концепцию исторического конструирования»¹. В контексте же моих (умеренно полемических) заметок важное значение имеет тот факт, что неклассическая и постнеклассическая наука (соответственно неклассическая и постнеклассическая рациональность) в ее эпистемологическом измерении характеризуется, согласно В.С. Стёпину, расширением поля рефлексии над познавательной деятельностью. Помимо прочего это означает учет «соотнесенности получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами». Далее В.С. Стёпин подчеркивает, что «возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода»².

В то же время эти представления и установки не остаются неизменными. Они переосмысливаются в границах своей применимости. Так, возникновение теории относительности и квантовой механики

¹ Рокмор Т. Постнеклассическая концепция науки В.С. Стёпина и эпистемологический конструктивизм // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика Российской академии наук В.С. Стёпина. М., 2004. С. 249.

² Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 634.

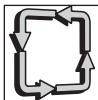
привело к осознанию границ применимости классической механики и переосмыслению понятий пространства-времени, причинности, реальности и т.д. Таким образом, между классической, неклассической и постнеклассической рациональностями существует некое эволюционное соотношение, аналогичное обобщенному принципу соответствия. И здесь, естественно, возникает вопрос о формах конкретной реализации этого принципа именно как принципа эволюции науки от классического к постнеклассическому этапу ее развития. В.С. Стёпин не уточняет, каким именно образом этот принцип непосредственно реализуется. Это, по-видимому, связано с тем, что в фокусе рассмотрения процесса эволюции научного (по)знания как особого рода конструктивного исторического процесса находится прежде всего его объектный полюс. Именно там фиксируется динамика его становления, которая реализуется в смене образов (гештальтов) исследуемых объектов, располагаемых на шкале, упорядоченной по степени сложности от простых объектов классической механики до сложноорганизованных человекообразных саморегулирующихся и саморазвивающихся систем.

Что же касается субъектного полюса модели развития науки, то здесь, как отмечает Рокмор, «вновь вычленивая субъективную составляющую, элиминированную классическим подходом к науке, В.С. Стёпин дистанцирует себя от позитивизма всех видов, открыто принимая историцистскую точку зрения, включающую в науку и вне-научные, и внутринаучные факторы, в частности являющиеся ценностно насыщенными. Историзм В.С. Стёпина вовсе не направлен на дисквалификацию ранее существовавших концепций науки, которые он рассматривает в качестве ограниченных и вытесненных новыми системами и нормами познания. Данное понимание науки не нейтрально по отношению к миру общественной жизни. Оно функционирует как один из способов ответа на доступные осознанию, встающие перед конечными человеческими существами проблемы. Наряду с другими решениями исторический подход ведет к пониманию рациональности как открытой, потенциально подлежащей ревизии в свете изменения ценностей и приоритетов человека»³.

В то же время переключение внимания с объектного полюса рассмотрения системы научного познания на субъектный дает возможность более детально изучить динамику становления субъекта постнеклассической науки и, что для меня существенно, выйти за пределы классической декартовской субъект-объектной парадигмы и рассматривать его как становящееся коммуникативное сообщество (Апель), т.е. по существу в возникающей интересубъективной перспективе. Иными словами, я утверждаю (вслед за Апелем)⁴, что именно в совре-

³ Рокмор Т. Указ. соч. С. 250.

⁴ Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001.

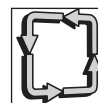

менной постнеклассической науке (ориентированной на конвергенцию естественно-научного и социогуманитарного знаний, на их синергичный диалог) возникает новая intersubjectивность как своего рода субъективность второго порядка. В контексте становления неклассической науки, в фокусе которой находились прежде всего проблемы квантово-релятивистской физики и ее интерпретации, это понимание intersubjectивности нашло свое выражение в высказывании Н. Бора, связывающем в одно контекстуальное целое экспериментальный контекст наблюдения (измерения) и контекст интерперсональной коммуникации.

Согласно Н. Бору, эксперимент – это ситуация приготовления и воспроизводимого наблюдения явления таким образом, что мы можем коммуницировать наши знания другому, чтобы он смог воспроизвести эту ситуацию приготовления, наблюдения и сообщения другому. Именно поэтому уже на этапе становления неклассической науки проблема объяснения как ее ключевая характеристика оказалась с необходимостью дополненной проблемой понимания (прежде всего проблемой понимания квантовой механики) в философском измерении, напрямую ведущей к проблеме трансцендентального субъекта науки «как медиума коммуникации» (Б.В. Марков), а потому и как носителя трансцендентальной рефлексии. А здесь мы опять сталкиваемся (уже на трансдисциплинарном уровне) с проблемой сознания на уровне ее intersubjectивности. Как пишет Апель, «очевидность сознания, которая всегда моя, благодаря взаимопониманию посредством языка преобразуется в априорную значимость высказываний для нас и потому может считаться априори обязательным познанием в русле консенсусной теории истины. Благодаря имплицитному или эксплицитному включению такой очевидности сознания в парадигму языковой игры в известной степени был установлен аргументативный смысл достоверности представлений любого сознания для коммуникативного и интерпретативного сообщества. Но ведь на установлении смысла при коммуникативном синтезе интерпретации – а не синтезе апперцепции – и основан “высший пункт” (Кант) семиотически трансформированной трансцендентальной философии»⁵.

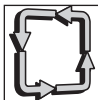
Мое обращение к Апелью в данном случае продиктовано желанием обратить внимание на еще одну (на этот раз уже субъектную) характеристику обобщенного принципа соответствия классического, неклассического и постнеклассического этапов эволюции науки. Я имею в виду характеристику, связанную с присутствием наблюдателя как концептуального персонажа, наделенного операциональной функцией коммуникативного intersubjectивного посредника в когнитивном пространстве постнеклассической науки. Наблюдатель – ключевая фигура всех мысленных экспериментов, дискурсов некласс-

⁵ Апель К.О. Указ. соч. С. 195.

сической и постнеклассической науки. И именно осознание необходимости включения наблюдателя в описание реальности, осознание конструктивно-деятельностного характера его участия в этом процессе и является для меня главной отличительной чертой постнеклассической рациональности. При этом существенно, что сам постнеклассический наблюдатель является предметом исторического конструирования, исторического развития интенциональности человеческого сознания в связке Я–Другой. Иными словами, мы приходим к когнитивной конфигурации двух рекурсивно связанных (взаимно отсылающих друг к другу, коммуницирующих) наблюдателей. Наблюдатель, наблюдающий другого наблюдателя, – вот исходный пункт мысленных экспериментов Эйнштейна, а затем Гейзенберга, Бора, Вигнера, Бома, Хокинга, фон Неймана, Тьюринга, Сёрла... Этот наблюдатель второго порядка (наблюдатель, наблюдающий себя как другого) явно или неявно присутствует в конструктивистских дискурсах автопоззиса (Варела, Матурана), «теории обществ» Лумана, кибернетики второго порядка фон Ферстера, синергетики процессов наблюдения.

В то же время проблема наблюдателя как медиатора интересующей коммуникации, как средства коммуникативной самореференции и инореференции применительно к постнеклассике пока еще ждет своего решения. Мне представляется, что здесь (как и в свое время в квантовой механике) есть два взаимодополняющих подхода к ее решению. Первый связан с построением наблюдателя саморазвивающихся систем. Второй – с построением наблюдателя сложности. В обоих случаях нам придется иметь дело с принципиальной неопределенностью, контингентностью, контекстуальностью онтологии постнеклассики и соответственно неопределенностью, контингентностью и контекстуальностью ее постнеклассического субъекта–наблюдателя–участника и наблюдателя наблюдателя «второго порядка» как самонаблюдателя сложностного саморазвивающегося мира. Точно так же как невозможно было бы построить квантовую теорию без понятий «наблюдатель» и «наблюдаемый», невозможно построить полноценную теорию сложностности и саморазвития без понятий «наблюдатель сложностности» и «наблюдатель саморазвития». Постнеклассическая наука сама по себе является открытой когнитивной системой, креативного потенциала которой вполне достаточно для решения этой задачи.

Когда ждать новой научно-технической революции?

В.А. ШУПЕР

Невозможно не согласиться с Е.А. Мамчур в том, что участники дискуссии рассматривают науку в совершенно разных аспектах и это никак не способствует сближению их позиций. Однако и любой из нас выступает в самых различных социальных ролях – исследователя, преподавателя, служащего, жалобщика и т.п., но после смерти не сможет выполнять ни одну из них.

Трагическое положение в науке, которая на глазах перестает быть такой, какой мы ее знаем и любим, заставляет вновь обращаться к вопросам ее возникновения. А.Е. Левин связал зарождение античной науки со становлением демократии, где политики должны были доказывать избирателям правильность принимаемых решений, в то время как в деспотиях решались инженерные задачи, иногда на очень высоком уровне, но не требовалось никаких доказательств. Облеченный властью или наделенный полномочиями был прав по определению.

Став доказательным знанием, наука, по Левину, решительно отмежевалась от мифа, что совершенно не требовалось для технологии: «Даже отделяясь от мифа, технология ему не противоречит и с ним не конфликтует. Технологическое мышление оказывается совместимым с мышлением мифологическим. Это может поначалу показаться странным... Однако – и это принципиальный аспект – оба типа мышления равно универсальны: подобно тому как для технологии нет неправильно поставленных задач, для мифа не существует необъяснимых вопросов. Именно поэтому технология всегда способна найти в мифе свое оправдание (и многие современные мифы великолепно это доказывают), миф же способен ассимилировать любые достижения технологии»¹.

¹ Левин А.Е. Миф. Технология. Наука // Природа. 1977. № 3. С. 93.

Существенно иначе смотрел на возникновение науки такой глубокий мыслитель, как М.К. Петров. Для него наука Нового времени – не продолжение античной науки (Петров настоятельно предостерегал от быстрой езды по сетям цитирования от древних греков до современности), но порождение католицизма: «Лишенная прямого выхода в деятельность по производству материальных благ, лишенная семьи как традиционного воспитательного института, духовная профессия начала приобретать явные черты дисциплинарности: создавать те процедуры обучения, оценки, признания, которыми мы пользуемся и сегодня. Диссертация, защита, диспут, звание, сеть цитирования, научный аппарат, объяснение с современниками с помощью опор-ссылок на предшественников, приоритет, запрет на повтор-плагиат – все это появлялось в процессе воспроизводства духовных кадров, где обет безбрачия вынуждал использовать “иностранцы” для духовной профессии подрастающие поколения»².

Возникновение естествознания, по Петрову, – результат распространения веры в то, что Всевышний создал не одну книгу, а две: Священное писание и Природу. Постигание обеих – долг христианина, ибо первая, как писал Ф. Бэкон, раскрывает волю Бога, а вторая – Его могущество. Эту линию в современной отечественной философии продолжает Б.И. Пружинин³, подчеркивающий, что, по Бэкону, знание – сила не только потому, что позволяет решать практические задачи, как это полагает почти все население, но потому, что на нем лежит отблеск мудрости Творца.

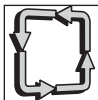
Наши представления о научно-техническом прогрессе приблизительно верны только для периода примерно с середины XIX в. Как указывал Петров⁴, первая промышленная революция вовсе не была научно-технической, поскольку все революционные изобретения – паровая машина, ткацкий станок, пароход, паровоз, электрический телеграф – были сделаны практиками-самоучками. Более того, наука тогда и не могла вести за собой технический прогресс, поскольку сама от него отставала. По мнению Петрова, превращение науки в непосредственную производительную силу общества стало результатом второй научной революции, которая была типичной революцией сверху.

Потерпевший поражение в войнах с Наполеоном король Пруссии Фридрих Вильгельм III приобрел похвальную склонность к реформам. Это позволило филологу В. фон Гумбольдту осуществить беспрецедентные реформы среднего и высшего образования, осно-

² Петров М.К. Перед «книгой природы». Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // Природа. 1978. № 8. С. 115.

³ Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки ; отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М., 2008.

⁴ Петров М.К. Как создавали науку? // Природа. 1977. № 9.

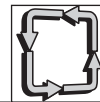
вав, в частности, в 1809 г. Берлинский университет – первый в мире университет нового типа. В нем были введены поточные лекции и соответственно должности профессоров и приват-доцентов, а преподаваться стали не юриспруденция, теология и изящная словесность, а естественные, точные и технические науки. Поточная система подготовки специалистов была увенчана созданием в 1826 г. Ю. Либихом лаборатории в Гиссене, которая стала прообразом современных НИИ, обязательно имеющих аспирантуру. Таким образом, к середине XIX в. сформировалась «великая триада», по Петрову, – фундаментальная наука, прикладная наука и подготовка кадров. Результатом второй научной революции стало бурное развитие промышленности, прежде всего машиностроения и химии в Пруссии, затем в Германии, что позволило выиграть франко-прусскую войну и в начале XX в. сделать экономику страны второй в мире и первой в Европе.

Недавнее исследование 1000 наиболее инновационных компаний мира показало, что лишь 47 % из них делают упор на технические инновации, 27 % ставят во главу угла исследование рынка, а 26 % – работу с клиентами. Не будем забывать, что новый флакон для духов – это тоже бесспорная инновация. Нынешняя революция, которой пока трудно дать название, да и делается это обычно задним числом, может в значительной мере рассматриваться, подобно первой промышленной революции, как революция техническая, а не научно-техническая, причем с упором на социальные технологии. Только такое предположение позволяет объяснить, каким образом небывалый прогресс может вполне сочетаться с упадком фундаментальных исследований и резким снижением социального статуса науки и ученых, причем отнюдь не только в нашей стране.

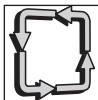
В создавшихся условиях концепция постнеклассической науки может стать крайне опасным инструментом в руках властей предрержащих, позволяющим еще успешней и еще циничней приспособлять науку к своим утилитарным нуждам. Но она же может привести к возрождению науки – не как предприятия, направленного на постижение объективной истины (в этом качестве, даже находясь при смерти, наука все равно далеко не безуспешна), а как социального института. Представляется, что дальнейшее развитие концепции постнеклассической науки должно идти не столько дескриптивным путем, сколько нормативным, направленным на преодоление разрыва между Истиной и Благом. Он наметился еще в античности, достиг наибольшей глубины в XX в. и «снимается» сейчас ценой низкого предательства и Истины, и Блага. Именно этой тяжелейшей проблеме посвятил свое вдохновение А.П. Огурцов⁵.

⁵ См.: Огурцов А.П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности // Этнос науки ; отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М., 2008.

КОГДА ЖДАТЬ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Новая научная революция как революция сверху могла бы произойти через 20–30 лет (с учетом уплотнения исторического времени), если бы ее начали серьезно готовить уже сейчас. Именно ее подготовка должна стать главной задачей «прикладной философии науки». Запад, более не способный быть носителем идеологии Просвещения, угасает от неверия в те великие принципы, благодаря которым добился грандиозных успехов. Поэтому родиной новой научной революции как революции сверху станет скорее всего Китай, хотя, по мнению Н.И. Кузнецовой (высказанному в публичной лекции), в отличие от Индии там не прижилась европейская наука. При этом высокий уровень высшего образования требует мощной фундаментальной науки. Не случайно состоятельные финны едут учиться в ведущие университеты США и Западной Европы, несмотря на то что среднее образование у них лучшее на Западе, если не в мире. Следовало бы донести до власти хотя бы это.

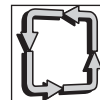

Оживить Галатею

В.Н. ПОРУС

Между позициями В.С. Стёпина и А.Л. Никифорова – водораздел, через который не перебраться на понтонах. Я бы не упрощал суть спора. Только на первый взгляд вопрос состоит в том, правомерно ли вообще говорить о какой-то особой «постнеклассической» научной рациональности, требующей соотносить содержание знания и его оценки со средствами его получения и ценностно-целевыми структурами деятельности. А.Л. Никифоров не раз отвечал вполне однозначно: нет, не правомерно. Никакой постнеклассической научной рациональности нет (и быть не может). Правда, с оговорками: все-таки квантовая механика и теория относительности что-то изменили в представлениях о научных описаниях и объяснениях, но это ведь всего лишь «небольшие коррективы», сделанные «в сравнительно небольшой области научного познания» (sic!!). Они, заявляет Александр Леонидович, не меняют сути дела: «за пределами этой области наука осталась классической». Так вот наука и живет, знаете ли: есть какая-то *небольшая* ее область (так случилось, что ученые и философы придали ей какое-то особое значение, даже назвали ее появление «научной революцией»), вообще-то ее называют «современной теоретической физикой», а она, проказница, выглядит «не совсем классической», т.е. не похожа – чем-то весьма существенным, например трактовкой роли субъекта в формировании «объектных представлений», – на физику Галилея и Ньютона. Но вот вся прочая наука, что радуется А.Л. Никифорова, ведет себя вполне прилично и от требований «объективности» и «истинности» добываемого ею знания отказываться (или притворяться, что отказывается!) не собирается. Hier stehe ich und ich kann nicht anders...

Что же до субъективно-значимых целей и ценностей, то они уж точно не должны оказывать и не оказывают влияния на рациональность науки. Но только... если это фундаментальная наука, занятая «бескорыстным поиском истины», а не выгоды, как прикладная нау-

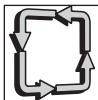

ка, для которой знания – не более чем товары на продажу, а бывает и так, что товары *сомнительного качества* (подделки, фальсификаты, суррогаты и контрафакты), – впрочем, почему бы и нет, раз все дело в профите, а не в ценности истины? Вот эта-то (современная – при Ньютоне такого разврата не бывало!) подпавшая под пагубные соблазны всеобщего базара прикладная наука и выдает себя за новую «эпоху» в развитии научной рациональности, а доверчивые философы (В.С. Стёпин в их числе) идут у нее на поводу, делая скороспелые выводы об эволюции (изменении, развитии) того, что меняться не должно, ибо *объективность и истинность* знаний – это вечные устои науки и покушение на их незыблемость следует рассматривать в лучшем случае как заблуждение, а в худшем – как измену высшим идеалам культурного человечества и подрыв надежд на торжество разума и справедливости во всемирно-историческом масштабе. Простите за утрированную выспренность, но думаю, что позицию А.Л. Никифорова можно изложить и таким образом.

Вопрос, как я его вижу, не в том, можно ли считать «соблазненную чистоганом» науку новой эпохой или периодом в эволюции научной рациональности. Ведь как, наверное, сказал бы А.Л. Никифоров, даже если допустить, что наука наших дней действительно такова (идеалы истины и объективности знания блекнут и гаснут, фундаментальная наука вытесняется на задворки, а служанка капитала – прикладная наука – лезет на ее место), то об этом стоит лишь горько пожалеть, но уж никак не легитимировать эту *катастрофу*, выдавая ее за новую (исторически неизбежную!) форму рациональности. На таком уровне спор вообще не имеет эпистемологического смысла и способен выявить только идеологические предпочтения его участников. Но, на мой взгляд, значимые разногласия все-таки произрастают на почве эпистемологии. Речь идет о фундаментальных научных принципах и ценностях: изменяется ли их содержание и значение с развитием науки или, напротив, каким бы ни было это развитие, его описание и объяснение (методологическая и эпистемологическая рефлексия науки, оформляющаяся в философии науки) должны соответствовать универсальному шаблону, выработанному на почве «классической» науки и «классического» же философского рационализма.

По В.С. Стёпину, «современная наука – на переднем крае своего поиска – поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки»¹. Последнее подчеркнем: с этой

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 636.

точки зрения именно *объективно-истинное* знание в современной науке не может быть достигнуто, если относиться к ценностям как к чему-то не входящему в компетенцию науки. По А.Л. Никифорову, такая задача неразрешима. Либо *объективное знание*, либо *субъективное (ценностное) мнение*, прочее – от лукавого. Заметим, что о ценностях и целях он говорит только как о «социальных», читай – *коммерческих*, с легкостью выводя отсюда, что их включение в структуру знания и в методологические рефлексии есть не что иное, как попытка разбавить науку *ненаучными элементами*, что и противоречиво, и вредоносно. Но этот нюанс можно и не акцентировать. Вопрос же имеет простую и вместе с тем принципиальную формулировку: подлежат ли изменению наши представления о том, что *субъективно*, а что *объективно* в науке? Иными словами, какой смысл современная философия способна вложить в категориальные формы «субъект» и «объект», согласовывая свои интенции с реальным развитием науки, а не выступая по отношению к последней в роли ментора?

Видимо, нелишне напомнить, что дихотомия субъект–объект, базовая для классической (от Платона и Аристотеля, Спинозы и Гегеля до наших дней) теории познания, претерпевала различные трансформации (разделение мнения и истинного знания в античности, теологические гарантии связи субъективного знания и истинности в Средние века и на ранних этапах Нового времени, диалектика субъекта и объекта в классическом немецком идеализме и т.д.). Этот процесс идет и в наше время. Учитывая не только возникновение новых научных картин мира, новой методологии науки, но и опыт их философского осмысления, можно сказать, что идея *смысловой сопряженности* категорий «субъект» и «объект» наполняется новым содержанием.

Именно современная теоретическая физика внесла в это изменение решающий вклад; он общеизвестен и потому не будем всерьез относиться к реплике, будто этот вклад сугубо специфичен для «небольшой области» современной науки. Здесь же я подчеркну то, что прямо относится к понятию «постнеклассической науки»: категории «субъект» и «объект» – и в этом, я думаю, состоит важнейшее изменение их философской роли – погружаются в социально-культурный *контекст* (в его конкретных, исторически изменчивых формах), а эпистемология – в поле проблем, связанных с ним. Среди них: формирование рациональности в процессах коммуникации и связь различных типов рациональности с многообразием коммуникативных практик; взаимосвязь форм, в которые «отливается» объективное знание о мире, с характеристиками тех, кто осуществляет эту отливку, агентов познавательной и практической деятельности – со средствами познания, целями и ценностями, которыми познание обеспечивается, подерживается и на которые ориентируется. Эпистемология, работаю-

щая в этом поле, становится «социальной»², точнее социально-культурной.

Ранее я предложил смотреть через призму принципа дополненности (применяя широко понятую методологическую идею Н. Бора к философии) на модели познавательного процесса, в которых эпистемологические категории («субъект», «объект», «истина» и др.) фигурируют в различных языках-описаниях – «абсолютистском», «трансценденталистском», «коллективистском» и «индивидуально-эмпирическом», – не считая ни одно из них самодостаточным³. Так, понятие «истина» связано со «стилем мышления» и «мыслительным коллективом» (термины Л. Флека⁴), в рамках которого формируются истинностные оценки. Но и «стиль мышления», и «мыслительный коллектив» – это понятия, смысл которых не может быть раскрыт безотносительно к трансцендентальному и эмпирическому смыслу «истины». Понятие «объективность» рассматривается как сопряженное по смыслу с «конструктивностью», а значит, связывается с проблемами социальной, коллективной организацией самого процесса конструирования, апробации и признания результатов научного исследования. Проблема априорных предпосылок познания может быть истолкована как проблема коллективных форм познания, логически и хронологически предшествующих вхождению индивида в мыслительные структуры научного знания («парадигмы», идеалы и нормы рациональности, «стили мышления» и т.п.).

Другое направление изменений в современной эпистемологии связано с повышением «удельного веса» категории «свободной деятельности». «Субъект» перестает рассматриваться как некая готовая форма, в которую *вкладывают* мысли, переживания и поступки, он – не «призрак в машине», как Г. Райл называл восходящую к Декарту идею духовной субстанции⁵, а *форма становления деятельной и ответственной личности*. Как пишет Г.Б. Гутнер, «лишь момент действия обнаруживает субъективность... мы должны сказать, что субъект существует только в *деле*. Иными словами, субъект есть энергия или, пользуясь средневековой дефиницией, чистый акт. Таким образом, мы, кажется, подходим вплотную к интерпретации субъективности в постнеклассической научной парадигме»⁶. Разумеется, речь идет о свободном действии (не принуждаемом внешними причинами); пере-

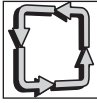
² См.: Социальная эпистемология: идеи, методы, программы; под ред. И.Т. Касавина. М., 2010.

³ См.: Порус В.Н. Перспективы гносеологии: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93–111.

⁴ См.: Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999.

⁵ См.: Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. С. 21–33.

⁶ Гутнер Г.Б. Субъект как энергия // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 502.

фразируя Ж.П. Сартра, скажем, что «субъект всегда свободен, или его нет». Свободен, но ответствен⁷. Например, в познавательных ситуациях субъект действует на свой страх и риск и если ошибается, это грозит разрушением имеющегося знания или какими-то другими неприятностями. Разумеется, так бывает не часто, в большинстве случаев познавательные действия совершаются по принятому образцу, в соответствии с традициями или привычками, следуя авторитетным рекомендациям, короче, когда «действователь» идет по уже проторенным путям. Ответственность приходится брать на себя в тех случаях, когда стандартные, парадигмальные или привычные («габитуальные», по П. Бурдьё⁸) действия не дают результата, ради которого они затевались, когда нельзя «улизнуть», сославшись на непреложность нормы, правила, догмы, а надо решать вопрос самостоятельно, иметь свою голову на плечах.

Свобода и ответственность субъекта – способы его ориентации в пространстве культурных ценностей. Именно поэтому и о свободе, и об ответственности, и о субъекте можно осмысленно говорить только по отношению к культуре. Это означает, что «субъект» и «культура» – категории опять-таки «дополнительные» друг по отношению к другу. А из этого следует важнейший для эпистемологии вывод: *знание культурно обусловлено* и, следовательно, его *объективность* также есть *ценностная* характеристика, имеющая культурный статус.

В методологической литературе принято различать ценностные характеристики знания: одни берут начало в культурном контексте, другие, наоборот, приобретают социально-культурную значимость благодаря тому, что отвечают установкам науки на объективность и истинность (а также другие «эпистемические» оценки)⁹.

Эти различия относительны. В конечном счете все типы ценностной ориентации выступают, по выражению Хайдеггера, «фиксированными мерилami» познавательных действий и их результатов¹⁰. Вместе они ориентируют субъекта в пространстве познания, именно по отношению к ним определяется и ответственность субъекта: следовать ли известным ориентирам, устанавливать ли новые – это задачи, решая которые, субъект обнаруживает (или «создает») себя. Среди этих задач есть и такие, где субъект должен выяснять соотношения между ценностными ориентирами познания; например, если нравственная или эстетическая установка препятствует стремлению к истинности знания, субъект выбирает между ними, беря ответствен-

⁷ См.: Гутнер Г.Б. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М., 2008.

⁸ См.: Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современные социальные теории. Новосибирск, 1995. С. 16–39.

⁹ См.: Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М., 2007. С. 104.

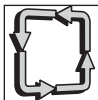
¹⁰ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 72.

ность за свой выбор. Как он поступит, во многом зависит от его («очного» или «заочного») участия в «мыслительном коллективе», следующем тому или иному «стилю мышления»; но и наоборот, «стиль мышления» складывается как принятие «мыслительным коллективом» важнейших выборов, совершаемых лидерами научных школ и направлений, за основные ориентиры и образцы. Ответственность отдельного ученого и ответственность «мыслительного коллектива» взаимосвязаны и определяют становление субъекта познания в дополнительных друг другу формах.

Культурные ценности, ориентирующие познавательную деятельность субъекта, выступают для последнего «горизонтами трансцендирования», т.е. указывают направления, по которым субъект реализует свою способность становиться «больше, чем он есть», выходя за рамки своего «наличного бытия». Субъект в этом смысле есть не «состояние», а «процесс само-становления», ориентированный на культурные ценности как на предельные цели. Так эпистемология становится важной частью философии культуры. Я думаю, что концепция «постнеклассической» научной рациональности имплицитно содержит в себе этот вывод. В нем мне видится перспектива развития эпистемологии в частности и философии культуры в целом.

А.Л. Никифорову не нравится образ постнеклассической науки, в его воображении связанный с падением идеалов истинности и объективности (“O tempora! O mores!”), как говаривал Цицерон). Но его любовь к этим идеалам похожа на жалобы Пигмалиона, возлюбившего мраморную Галатею. Если боги сжалятся и Галатея оживет, любовь к ней может стать плодоносной. Например, возникнут новые направления реформы эпистемологии, в необходимости которой уверены, кажется, уже все. Иначе эпистемологии останется только длить скорбные песнопения о падших идеалах без надежды на сочувствие живой науки.

Вынужден согласиться

А.Л. НИКИФОРОВ

Я очень благодарен моим друзьям и коллегам за высказанные ими соображения. Они убедили меня в том, что я был не прав в своей критике понятия «постнеклассическая наука» и что этим понятием В.С. Стёпин выразил какой-то действительно новый этап в развитии науки. Мои оппоненты совершенно справедливо настаивают на том, что дело здесь не просто в росте доли прикладных исследований, речь идет о чем-то гораздо более существенном.

Познание всегда было вплетено в практическую деятельность людей и служило средством совершенствования этой деятельности. И даже у Галилея, как показывает В.Г. Горохов, оно было тесно связано с решением инженерных и военных задач. Но, как мне представляется, у того же Галилея познание начинает отрываться от непосредственного обслуживания практики и превращается в самостоятельную сферу деятельности, основной целью которой становится поиск истины. Вот эта деятельность и есть то, что мы называем (называли?) наукой. Наука есть специализированная сфера человеческой деятельности, целью которой является познание окружающего мира и человека. Современная наука, как считается, возникает в XVII в. – именно тогда познание становится автономным.

Вместе с Е.А. Мамчур я считал, что наука и сейчас сохраняет свой характер бескорыстного искания истины, лишь постепенно сокращая свою сферу под натиском прикладных исследований. Но, по-видимому, В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, В.И. Аршинов правы: наука превратилась в пост- или технонауку, т.е. опять, как в догалилеевские времена, слилась с непосредственной практикой. Постепенно исчезает граница между фундаментальными и прикладными исследованиями, ибо все исследования направлены на решение тех или иных технических задач. Истинное знание уже не цель технонауки, а ее побочный результат. И оказывается верным все то, что говорит В.С. Стёпин о вытеснении внутринаучных ценностей социальными. Ну что ж, наука как специализированная

сфера деятельности, направленная на получение истины, существовала 300 лет, а сейчас она умерла или близка к смерти. Это бывает: одни виды деятельности уходят в прошлое, другие возникают на наших глазах. Не так давно таксисты или мастера по ремонту телевизоров считались людьми престижных профессий. Где они сейчас? Давно исчезли ямщики, станционные смотрители, деревенские кузнецы. Сейчас исчезают ученые в классическом смысле этого слова. Здесь я с сожалением должен разойтись во мнениях с Еленой Аркадьевной: дело не в том, что мы с ней и наши коллеги рассматриваем науку с разных точек зрения, а в том, что уже нет той «чистой» науки, того не обремененного внешними соображениями поиска истины, о котором мы с ней говорили.

Огорчает, что мои коллеги склонны, кажется, с воодушевлением относиться к превращению науки в техно- или в постнеклассическую науку. Но если я готов согласиться с ними относительно того, что это превращение происходит (или уже произошло), я не могу считать его прогрессивным или объективным, обусловленным естественным развитием самой науки или даже общественным развитием. На мой взгляд, вырождение науки в технонауку обусловлено проникновением во все сферы общественной жизни товарно-денежных отношений и переходом к «обществу потребления». Ученый стал наемным работником, продающим свой интеллект. И он вынужден заниматься не поиском истины, а решать задачи, которые перед ним ставят государство и капитал. Мы все становимся «рыночными» людьми или «государственными» служащими. Сейчас уже невозможно представить себе какого-нибудь Владимира Ивановича Даля, который на свой страх и риск, на свои скудные средства в течение нескольких десятилетий записывал слова, фразы, пословицы и поговорки жителей разных областей России, создавая свой «Словарь живого великорусского языка». Наука в классическом смысле этого слова еще сохраняется в области гуманитарных наук – лингвистике, истории, философии. Однако гуманитарные, в частности философские, исследования не производят товара, который можно продать. Знакомство с их результатами не повышает конкурентоспособности индивида на рынке труда. Поэтому, быть может, их финансирование сокращается и эти дисциплины постепенно изгоняются из школьного и вузовского образования как в Западной Европе, так и в России.

Можно много говорить о социальных, экономических, политических и прочих причинах, породивших технонауку. Это требует отдельного рассмотрения. И здесь Вячеслав Семенович уже многое сказал. Мне же кажется, что уничтожение искреннего бескорыстного стремления к получению нового знания, к истине говорит о том, что современному «цивилизованному» обществу не нужно познание окружающего мира, не нужна истина, его идолами стали комфорт и потребление. А технонаука как раз и служит комфорту и потреблению. Поэтому воодушевление моих друзей успехами технонауки мне представляется несколько наивным и огорчительным.

От редакции. Мы публикуем статью лауреата второй премии конкурса 2012 г. журнала «Эпистемология и философия науки» среди молодых ученых, аспирантов и студентов на лучшую статью по теме «Эпистемология и наука: теория, методология, история».

М ОЖЕТ ЛИ ЗОМБИ МЕЧТАТЬ?

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в современной философии сознания является так называемая трудная проблема сознания, которая была сформулирована Дэвидом Чалмерсом. Проблема заключается в том, что установки физикализма позволяют говорить о частных состояниях лишь как об эпифеномене процессов в мозге. Таким образом, возникает вопрос о статусе качественных данных сознания и их способности быть причиной поведения человека.

Ключевые слова: субъективность, воображение, квалиа, трудная проблема сознания.

1. Дэвид Чалмерс ввел в философский обиход понятие «трудной проблемы сознания». «Проблема» заключается в том, что наше существование сопровождается опытом внутренней жизни (квалиа), хотя с точки зрения физикализма субъективные данные сознания не могут играть казуальной роли в физическом мире и не оказывают влияния на наше поведение. В связи с этим неяс-

но, почему некоторые процессы сопровождаются сознанием, а не проходят «в темноте»?¹

Для демонстрации проблемы был придуман мысленный эксперимент «философский зомби», который предлагает представить гипотетического двойника человека, который не обладает внутренней жизнью в виде квалиа, но его поведение неотлично от поведения обычного человека. Возможен ли этот зомби?

Существует много причин для того, чтобы усомниться в казуальной эффективности качественных переживаний. Наука накопила достаточно данных для того, чтобы сомневаться в способности квалиа оказывать влияние на наше поведение. Все больше экспериментов указывают на то, что квалиа являются лишь эпифеноменом биохимических процессов в мозге и являются «номологическими бездельниками». Так, опыты Либета продемонстрировали, что фактически уже принятое решение осознается с задержкой², т.е. сначала мозг принимает решение, и только затем эта информация воспринимается субъектом. Феномен «слепого зрения» также указывает на эпифеноменальную природу квалиа³.

Даже сложное поведение может быть описано исключительно на языке физикализма. Дж. Сёрл описывает свою поездку к офису: он управляет автомобилем, но его внимание сосредоточено на решении философских проблем⁴. Можно ли говорить о том, что он ведет машину бессознательно? Сёрл утверждает, что нет, так как то, что сейчас находится на периферии сознания, все равно потенциально осознаваемо. И если его внимание привлечет какая-то ситуация на дороге, то он среагирует и управление автомобилем переместится с периферии сознания в его центр. Но дело же не в том, что и куда смещается. Важно понять, являются ли квалиа необходимым элементом поездки Сёрла? Мы видим человека за рулем автомобиля, который выполняет ряд действий: держит руль, нажимает на педаль и т.д. Если меняется ситуация, то изменяется и его поведение – он начинает выворачивать руль, давит на педаль тормоза. Если мы наблюдаем за действием простейшего организма эвглени, то увидим, как она охотится на других одноклеточных. Если добавить в сосуд с эвгленией соль, то ее поведение изменится: она начнет быстрее двигаться жгутиком, убегая из места концентрации раздражающего вещества. Корректно ли говорить, что центр ее сознательной жизни сместился? Если так и можно выразиться, то все равно трудно предположить, что она обладает ква-

¹ См.: *Chalmers D.J.* Facing up to the Problem of Consciousness // *Explaining Consciousness – The «Hard Problem»*; ed. by J. Shear. Cambridge, MA, 1997. P. 930.

² См.: *Кандель Э.* В поисках памяти: возникновение новой науки о человеческой психике. М., 2012. С. 562.

³ См.: *Николаева Е.И.* Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии : учебник. М., 2008. С. 319.

⁴ См.: *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново ; пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М., 2002.

лиа. У нее нет мозга. У нее есть только врожденный набор правил поведения. Чем Сёрл принципиально отличается от эвглены, когда ведет автомобиль? Разве что к врожденным шаблонам поведения добавляются приобретенные правила в виде условных рефлексов. Вероятно, квалиа тут не нужны. Поэтому говорить о том, что некоторое восприятие переместилось из периферии сознания к центру, может быть, и корректно, но утверждать, что оно необходимо в данной ситуации, преждевременно.

Рамачандран приводит этот же пример, но выводы делает противоположные тем, что сделал Сёрл. Он тоже описывает поездку в автомобиле, но сравнивает ее со «слепым зрением» и называет «ручным зрением», указывая, что подобное действие не нуждается в том, чтобы быть осознанным⁵. Хотя тут же утверждает, что уж разговор-то, который он ведет со своим другом, пока сам лавирует в потоке, невозможен без участия сознания. Действительно, трудно поверить в то, что и наша коммуникация не нуждается в сознании. Но Рамачандрану возражает Д. Деннет, который утверждает, что даже сложные интенции, которые являются основой нашего общения, являются бессознательными⁶. К конкретному высказыванию приводят множество интенций из сферы бессознательного, которые не нуждаются в том, чтобы быть осознанными.

Популярный мысленный эксперимент «китайская комната» позволил Сёрлу утверждать, что компьютер не может обладать сознанием. Машина способна создавать иллюзию диалога, но не способна понимать. Можно возразить: условия, в которые Сёрл помещает машину, изначально не верны – вычислительный механизм в оригинальном эксперименте не знает семантику, а для адекватного сопоставления мозга человека и машины необходимо, чтобы компьютер располагал не только сведениями об означаемых, но и об означающих, которыми обладает человек. Если машина будет знать семантику, то она станет аналогом мозга человека⁷. Возможно, это справедливое возражение, но если мы не компьютеру предоставим информацию о семантической составляющей нашей коммуникации, а человека лишим этого знания? Когда студент сдает экзамен, то он далеко не всегда нуждается в семантической информации. Он слышит слово «Кант» и выдает реакцию на раздражение: «трансцендентальное единство апперцепции», слышит «Лейбниц» – «предустановленная гармония». Мне не нужно было знать, что такое апперцепция или предустановленная гармония, во время ответа на билет. Процесс сда-

⁵ См.: Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М., 2006. С. 40.

⁶ См.: Dennett D. Conditions of Personhood // D.C. Dennett. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Ch. 14. Cambridge Mass. ; L. : MIT Press, 1986. P. 267–299.

⁷ См.: Васильев В.В. Кока-кола и секрет китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность: Вторые грязновские чтения. М., 2007.

чи экзамена представляет собой коммуникативную игру, в которую можно играть и без излишка в виде сознания. Возможно, в момент сдачи экзамена я был полным аналогом компьютера в китайской комнате. Поэтому можно находиться в пространстве означающих и вполне эффективно выполнять функции субъекта коммуникации – студент живое тому доказательство. Студент – это зомби? Даже во время сдачи экзамена сознание не всегда необходимо – нужна лишь подходящая схема адекватно отвечающих реакций на стимулы.

Недавние исследования коммуникации показывают, что тенденции поведения внутри коммуникативного пространства являются досознательными и не зависят от текущего осознаваемого состояния⁸. Поэтому даже наше общение с другими лишь сопровождается субъективностью, но сознанием не контролируется. Коммуникация – это правила, следование которым не нуждается в сознании. Не нужно постоянно рефлексировать по поводу того, что мы говорим. Для того чтобы играть в языковые игры, не нужны ни семантика, ни сознание.

После того как Альфред Хофман синтезировал ЛСД, он решил испытать действие нового вещества на себе. У него начались галлюцинации, перед глазами появились разноцветные пятна, Хофману стало трудно связно говорить, возникли признаки паралича. В этом состоянии он отправился домой на велосипеде под присмотром ассистента. Во время поездки Хофман продолжал находиться под действием ЛСД: у него возникли зрительные и слуховые галлюцинации, пространство исказилось, улицы Базеля превратились в полотна Сальвадора Дали, ему казалось, что он едет крайне медленно, почти не движется, однако на следующий день ассистент сказал, что он ехал быстро. Несмотря на наркотический трип, Хофман без происшествий доехал до дома⁹. Таким образом, приватные состояния, рисовавшие причудливый и деформированный мир, никак не помешали ему быстро ехать на велосипеде. Видимо, в данном случае приходится признать, что приватные состояния не оказали значительного эффекта на способность ехать на велосипеде в правильном направлении. Можно привести множество других примеров эпифеноменальной природы квалиа¹⁰.

Но почему они есть? Противники идеи «философского зомби» часто призывают к здравому смыслу. Однако здравый смысл приводит к тупику, который называется «трудная проблема сознания». Если проанализировать любое действие человека, то окажется, что оно на каком-то уровне было спровоцировано его биологией. В конечном счете наши поступки – это либо прямая инстинктивная реакция на раздражение, либо причудливое сплетение этих реакций с приобретенными пра-

⁸ См.: Барг Дж., Чен М., Берроуз Л. Автоматизмы в социальном поведении // Горизонты когнитивной психологии : Хрестоматия. М., 2012.

⁹ См.: Хофман А. ЛСД – мой трудный ребенок. – <http://electrolib.com/hofmann-lsd>.

¹⁰ См.: Koch C., Crick F. On the Zombie within // Nature. 2001. 411, 893.

вилами поведения. Если человек подчинен биологии, то здравый смысл подсказывает, что в конкретной ситуации нужно искать биологическую причину без обращения к идеальным сущностям. И если подвергнуть незамутненной самообманом рефлексии свои поступки, то в подавляющем большинстве случаев можно отыскать их причину, которая кроется в необходимости обслуживать нашу биологию. Это относится и к тому, что мы делаем, и к тому, что говорим.

За человеком все сильнее закрепляется статус биологического автомата, алгоритм функционирования которого прописан в его генетическом коде или зависит от физико-химических реакций на внешнее раздражение. В пространстве автоматизма субъективность не нужна. Мы есть результат сложного переплетения инстинктивных реакций и приобретенных благодаря условным рефлексам моделей поведения. Поэтому если мы остаемся на позициях физикализма, нам приходится признать казуальную несостоятельность субъективных переживаний и согласиться с Фрэнком Джексоном в том, что квалиа имеют эпифеноменальную природу¹¹. А это значит, что существование «философского зомби» теоретически возможно. Но квалиа есть. Поэтому возникает вопрос – что изменится, если их не будет?

2. Сёрл в своей знаменитой статье предположил, что сознание, будучи биологическим феноменом, зависит от биохимии мозга¹². Идея казуальной зависимости субъективных состояний от биохимических реакций выглядит в свете последних достижений психофизиологии достаточно убедительно. Трудно спорить с тем, что современные препараты, изменяя биохимию, способны вывести из состояния депрессии или снизить ущерб, который наносит болезнь. При этом ясно, что результаты мышления у больного и выздоровевшего человека различны. Поэтому анализ биохимических коррелятов ментальных состояний может быть довольно информативным.

Нейромедиаторы – это химические вещества, которые участвуют в передаче сигнала от одного нейрона к другому. Нарушения в секреции или обмене нейромедиаторов влекут за собой сбой в функционировании организма. Одним из нейромедиаторов является дофамин, который участвует в «системе вознаграждения» мозга. Человек запрограммирован на то, чтобы совершать ряд полезных с точки зрения эволюции действий. Эти действия подкрепляются выделением дофамина, который вызывает чувство удовольствия. Дофамин выделяется в больших количествах во время еды, утоления жажды или другого позитивного опыта¹³.

¹¹ См.: Jackson F. Epiphenomenal Qualia // There's Something About Mary ; ed. by P. Ludow, Y. Nagasawa, and D. Stoljar. Cambridge, MA, 2004. P. 39–50.

¹² См.: Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // The Nature of Mind ; ed. by D. Rosenthal. N.Y., 1991. P. 509–519.

¹³ Николаева Е.И. Указ. соч. С. 493.

В середине XX в. система вознаграждения изучалась Джеймсом Олдсом, который провел опыт на крысах¹⁴. Он вживил электроды в мозг крысы, что позволило стимулировать центры удовольствия, и поместил педаль, активирующую эти электроды, непосредственно в клетку. В результате грызуны нажимали на эту педаль до 2000 раз за час, искусственно вызывая у себя чувство наслаждения. При этом они не обращали никакого внимания на еду, опасность или самок – им достаточно было этой самостимуляции.

Обмануть систему вознаграждения можно не только при помощи хитрых технических устройств, но и используя биологические механизмы. Так, наркоманию связывают именно с тем, что наркотики оказывают непосредственное влияние на дофаминовые рецепторы в обход естественной системы поощрения. Наркотические вещества искусственно раздражают эти рецепторы, что вызывает у наркомана чувство эйфории, которое заставляет его снова и снова стимулировать центры наслаждения в мозге. Похожим образом действуют алкоголь и никотин¹⁵.

Кроме того, исследование людей с психопатическим расстройством личности показало, что у них наблюдается гиперактивность той же дофаминовой системы¹⁶. В ходе экспериментов было обнаружено, что в ответ на стимул у людей с этим психическим расстройством выделяется в 4 раза больше дофамина, чем у здоровых. Психопата не останавливает даже самое серьезное наказание за действие, которое позволяет его мозгу «купаться» в дофамине, – слишком велико удовольствие.

Еще один любопытный пример действия дофамина. Лудомания – это патология, которая выражается в болезненной страсти к азартным играм. Успех за игорным столом вызывает выброс дофамина, что заставляет лудомана возвращаться к игре вновь и вновь. У больного проявляются признаки обсессивно-компульсивного расстройства, а также появляются состояния, схожие с абстинентным синдромом наркоманов. Связь лудомании и дофаминовой системы вознаграждения была продемонстрирована в исследовании американских нейробиологов, которые изучали влияние повышения уровня дофамина на людей с болезнью Паркинсона. Для лечения болезни Паркинсона используют препараты, которые повышают уровень дофамина. В свою очередь увеличение выработки этого нейромедиатора влечет за собой труднопреодолимое желание оказаться в ситуации, при которой происходит активация дофаминовой системы. Применение агонистов дофамина (веществ, которые стимулируют выработку

¹⁴ См.: Николаева Е.И. Указ. соч. С. 492.

¹⁵ См.: Там же. С. 496–513.

¹⁶ *Buckholtz J.W.* Mesolimbic Dopamine Reward System Hypersensitivity in Individuals with Psychopathic Traits // *Nature Neuroscience*. 2010. Vol. 13. P. 419–421.

этого нейромедиатора) привело к тому, что у больных болезнью Паркинсона возникла тяга к риску, с которым связано предвосхищение удовольствия. Таким образом, у больных, в терапию которых входило применение агонистов дофамина, обнаружилось пристрастие к азартным играм. Они стали лудоманами¹⁷. Поэтому исследователи предлагают лечить лудоманию снижением уровня дофамина¹⁸.

Удовольствие – важнейший регулятор поведения. Способы получения удовольствия определяются нашей биологией: то действие, которое необходимо для выживания человека и его потомства, вызывает выделение дофамина и чувство удовольствия. Несмотря на то что человек научился обходить эту систему поощрения при помощи алкоголя, никотина или наркотиков, естественные причины удовольствия все же являются доминирующими.

От чего может получить удовольствие крыса? От еды, утоления жажды, процесса размножения и т.д., от всего того, что позволяет ей выживать и эффективно участвовать в естественном отборе. Причину удовольствия крыса находит во внешней среде: если она совершает верное действие, то получает свою дозу дофамина. Стимуляция центра наслаждения заставляет крысу повторять то же действие в будущем. У человека то же самое – если мы делаем то, что предполагает наша биология, то получаем вознаграждение.

Однако когда я знакомился с нейробиологическими коррелятами поведения человека, у меня возникло недоумение именно в тот момент, когда я дошел до механизмов функционирования «системы подкрепления», хотя до этого момента все было понятно: наша субъективность действительно представляет собой эпифеномен химических реакций. То есть причину каждого своего действия, каждого своего ментального состояния мне удавалось найти в текстах по психофизиологии. Подобная практика влечет за собой интересный вывод: убирая слой за слоем то, что считал частью себя, вычеркивая те проявления субъективности, которые имеют причину в нейрофизиологии, со временем рискуешь остаться ни с чем. Эта практика позволяет осознать всю силу эпифеноменализма. Но есть момент, который все же мешает принять эпифеноменализм.

Кант настойчиво советовал просыпаться как можно раньше и не работать по ночам, потому что ночью наш разум наиболее подвержен действию воображения, которое окутывает человека туманом иллюзий, а иллюзии – помеха для разума. И если не следовать совету Канта, то есть риск попасть в пространство фантазии, где воображение играет по своим правилам. Человек кругами ходит по комнате, и его

¹⁷ См.: Pathological Gambling Caused by Drugs Used to Treat Parkinson Disease // Dodd M.L. [et al]. Arch Neurol. 2005. № 62 (9). P. 1377–1381.

¹⁸ См.: Weinstock J., Ledgerwood D.M., Modesto-Lowe V., Petry N.M. Ludomania: Cross-Cultural Examinations of Gambling and its Treatment // Rev. Bras. Psiquiatr. 2008. Vol. 30.

сознание наполнено фантомными представлениями и действиями. Почему он ходит по комнате? Потому что ему это нравится. Но что является причиной удовольствия? Алкоголь, наркотики и никотин – это внешние стимулы. Что позволяет чувствовать удовлетворение от работы воображения?

Если возникает ситуация, связанная с тем, что позволяет человеку выжить самому и оставить после себя потомство, то это сигнал для выделения дофамина и закрепления некоторого действия. А если заменить реальную ситуацию суррогатным, воображаемым действием?

С точки зрения биологии воображение – способность моделировать некоторую ситуацию до того, как организм в нее попадет. Этот инструмент имеет важное эволюционное значение, так как позволяет предвидеть вредное или полезное следствие некоторого действия: лучше дать «погибнуть гипотезе», чем подвергать опасности свою жизнь, – вот логика попперовского создания¹⁹. Поэтому действие и воображение связаны биологически выгодной способностью предсказывать события, что позволяет некоторым американским философам искать центр воображения в тех участках мозга, которые отвечают за движение²⁰. Таким образом, у нас есть биологический механизм, который состоит из некоторого действия и его подкрепления в виде чувства удовольствия. Но у нас также есть способность моделировать. Поэтому возникает вопрос о возможности замены действия его фантомной проекцией.

Ряд исследований показал, что выработка дофамина начинается уже тогда, когда человек лишь предвосхищает ситуацию, вызывающую удовольствие²¹. Таким образом, самого действия еще нет – есть лишь представление о нем, но чувство удовольствия уже появляется. Поэтому механизм поощрения запускается не только самим действием, но и предвкушением удовольствия. У крыс можно наблюдать нечто похожее: у самца дофамин выделяется уже при виде самки. Но им нужно видеть объект, а у человека дофамин выделяется, когда он лишь представляет себе ситуацию, которая субъективно оценивается как положительная.

Моделируемая ситуация имеет вполне конкретный результат, и этот результат фиксируется эмоцией. Поэтому человек способен испытывать эффект завершенного действия без совершения самого действия. В некотором смысле фантазия является аналогом легкого наркотического опьянения. Еще Э. Блейлер указывал на то, что пещерные люди «получали удовольствие лишь от того, что строили одни

¹⁹ См.: Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004. С. 95.

²⁰ См.: Leeuwen N. van. Imagination is where the Action Is // The Journal of Philosophy. 2011. Vol. CVIII, № 2.

²¹ См.: Dopamine Enhances Expectation of Pleasure in Humans / Sharot T. [et al] // Current Biology. 2009. Vol. 19, № 24.

только планы»²². При этом человеку не нужны стимулы из внешнего мира – достаточно комнаты, по которой можно ходить и грезить. Если крысе нужна педаль, на которую она может нажать, то человеку она не нужна. Он сам для себя и есть эта педаль.

Если эпифеноменализм верен, то «философский зомби» может демонстрировать поведение, схожее с поведением человека, моделирующего некоторую ситуацию. Представим себе зомби, который лежит на диване: у него иногда раздвигаются уголки губ в улыбке, иногда он морщит лоб, а порой он произносит что-то нечленораздельное. Такое возможно? Может ли зомби вести себя как та крыса, которая без остановки жмет на педаль ради дозы дофамина, но вместо педали использовать не внешние стимулы, а внутренние ресурсы?

Интенциональность часто называют характерной чертой сознательного поведения²³. Если нечто способно к прогнозируемому поведению, за которым можно увидеть причинно-следственные связи, то мы назовем это нечто сознательным. Мы смотрим на лежащего на диване зомби – он улыбается и морщит лоб. Что мы можем сказать о причинах такого поведения? Что-то заставляет его вести себя именно так. Но что? Почему он лежит на диване вместо того, чтобы, например, налаживать коммуникативные связи с другими зомби? Если он устал, то почему не лежит просто так, без гримас на лице, почему не зевает, а именно улыбается и морщит лоб? Такое поведение нерационально. Если он сыт, и ему в данный момент нет необходимости что-то делать, то почему он не спит или не озирается по сторонам в поисках того, что привлечет внимание, как это делают животные? Почему его глаза закрыты, а он все равно улыбается? Крайне неразумно. Пусть зомби, но почему он ведет себя не как зомби? Такое поведение подрывает веру в интенциональность как критерий наличия сознания.

Воображение помещает человека в пространство удовлетворения потребности. Поэтому он ходит ночью по комнате, представляет, как завтра разгромит спекулянтов-метафизиков, и испытывает приятные эмоции, а наутро «все, что казалось важным, теряет значение»²⁴. Кажется, что материалом этих иллюзий должны быть субъективные состояния, т.е. некие качественные следы. Но ведь зомби ими не обладает по определению?

Однако зомби способен предвидеть последствия своего действия. Можно попробовать назвать воображение таким же предвидением, для которого субъективность не нужна. Деннет полагает, что мы не

²² См.: Блейлер Э. Аутистическое мышление. – Libr.Autism.Ru.

²³ См.: Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М., 2004. С. 101–123.

²⁴ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Критика чистого разума. М.; СПб., 2007. С. 948.

отличаемся от остальных животных тем, что являемся попперовскими созданиями, т.е. способны предсказывать будущее событие²⁵. Действительно, способность предвидеть есть не только у человека. Хищнику нужно уметь предсказывать поведение жертвы, а ворона способна понять, с какой стороны ширмы покажется тележка с едой. Но предсказать, откуда выедет кормушка, – это одно, а вообразить ситуацию и закрепить ее эмоцией – другое. У животных процесс моделирования запускается в пространстве «здесь и сейчас» из материала актуального настоящего. Им не нужны квалиа. Достаточно получаемых извне раздражений. У человека же способность предвидеть развита настолько, что он не нуждается в стимулах из внешней среды для запуска механизма моделирования: можно лежать на кровати, глядя в потолок, и будет выделяться дофамин, адреналин или слюна, т.е. у человека эта способность развита в гораздо большей степени, чем у любого другого существа.

Создав воображение, природа создала настолько качественную модель реальности, что она стала сопоставима с оригиналом и оказалась вполне способной самостоятельно быть причиной эмоционального отклика. Деннет в своих лекциях любит приводить пример на воображение с человеком, который лезет вверх по канату с ведром в зубах (этот пример он приводил на лекции в МГУ, есть он и в работе «Виды психики»²⁶). «Может ли обезьяна представить себе нечто подобное?» – спрашивает Деннет. Но дело же не в обезьяне, а в том, что Деннет, видимо, не придает значения тому, что подобное моделирование способно иметь результат в виде эмоции, а это уже указывает на наличие «копии мира», а не просто на существование «информации о последствиях». Кажется, Деннет не принимает всерьез то, что моделирование не только может быть предсказанием, но и способно участвовать в механизме самостимуляции. Можно рассуждать о сущностной близости квалиа, которые доступны нам непосредственно в опыте взаимодействия с окружающим миром, и тех субъективных данностей, которые мы используем при моделировании ситуации, но трудно отрицать, что воображение оперирует с некоторого рода субъективными переживаниями.

Нельзя игнорировать то, что является внутренней причиной эмоционального отклика, потому что удовольствие крайне важный элемент нашей жизни. И в силу возможного участия квалиа в запуске механизма самостимулирования приходится еще раз подвергнуть сомнению идею эпифеноменальной природы субъективности. Нам не нужна субъективность для того, чтобы общаться, она не нужна нам для того, чтобы работать, – мы вполне способны нормально функционировать и без излишка в виде квалиа. Но, возможно, без них человек

²⁵ См.: Деннет Д.С. Указ. соч. С. 99.

²⁶ Там же. С. 161.

не способен моделировать события, не обращаясь к актуальному настоящему, и фиксировать результат в виде соответствующей эмоции. Само по себе удовольствие есть лишь следствие существования некоторого механизма и рассматриваемое отдельно не так интересно – всего лишь положительная реакция организма, но оно может помочь нам понять суть субъективности, т.е. быть ключом к решению «трудной проблемы сознания».

3. Однако можно назвать саму моделируемую ситуацию эпифеноменом биохимических реакций. Если человек лежит на диване и грезит, то вполне вероятно, что он получает удовольствие не от работы своего воображения, но из-за того, что находится в комфортных условиях и удовольствие – это лишь биологически оправданное подкрепление стремления не менять эти условия. Возможно, дофамин будет выделяться еще по пути к кровати, как у собаки Павлова слюна при звонке – пример условного рефлекса. Можно ли в этом случае говорить об эпифеноменальной природе воображения, которое представляет собой лишь комментарии к физиологическим процессам? Видимо, можно, но только в том случае, если человек спокоен и улыбается, а не демонстрирует реакций, характерных для ситуации внешнего раздражения, т.е. не хмурит брови, его лицо не выражает гнев, злобу, ужас и т.д. Потому что наличие этих реакций вынуждает нас изъять его из пространства комфорта. В этом случае установки физикализма сдают позиции и нам снова непонятно, как зомби может демонстрировать такое поведение.

Но если человек все же хмурит брови, злится, вскакивает с кровати, совершает непонятные действия, спорит? Если зомби не лежит, а ходит по комнате кругами, размахивает руками и кому-то что-то показывает? Блейлер описывал шизофреника как человека, который воплощает свои неосуществимые желания галлюцинаторным путем и существует в мире фантазмов, при этом его действия не подчиняются логике взаимодействия с реальностью²⁷. Большой шизофренией «не способен отличать внутренние воображаемые действия от внешних сенсорных стимулов»²⁸. Сегодня наиболее авторитетной гипотезой возникновения шизофрении является дофаминовая теория²⁹. Согласно этой теории шизофрения возникает из-за нарушений в работе дофаминергической системы мозга, которая как раз и отвечает за подкрепление действия и движения. Мозаичное, фантазматическое сознание шизофреника объясняется тем, что его мозг «купаются» в дофамине и галлюцинаторные результаты мышления являются лишь

²⁷ См.: Блейлер Э. Указ. соч.

²⁸ Рамачандран В.С. Указ. соч. С. 110.

²⁹ См.: Howes O.D., Kapur S. The Dopamine Hypothesis of Schizophrenia: Version III–The Final Common Pathway // *Schizophr Bull.* 2009. Vol. 35, № 3. P. 549–562. – <http://schizophreniabulletin.oxfordjournals.org>.

эпифеноменом нарушения в работе мозга. Больной шизофренией вполне способен лежать на диване и беспричинно улыбаться, может он и ходить по комнате, совершая странные действия. Поэтому можно предположить, что у нашего зомби шизофрения. Может ли зомби болеть шизофренией?

Но неужели у Канта просто вырос уровень дофамина, когда он ночью бродил по комнате, «вел спор с воображаемым противником» и ему казалось, что результаты этого спора крайне важны для философии, а наутро «все, что казалось важным, теряло значение» и он «чувствовал от этой дурной привычки ослабление своих душевных сил»? Что за чем следовало в голове у Канта – мысль за химией или химия за мыслью? Однако подобные рассуждения имеют право на жизнь только в том случае, если само существование шизофрении не зависит от наличия у человека сознания или от тех модулей, которые ответственны за него. Шизофрения пока считается видоспецифической болезнью человека. Поэтому зомби, не обладающий сознанием, вряд ли может демонстрировать похожее поведение.

Всем известен образ рассеянного ученого, который настолько погружен в свои мысли, что забывает о самых обыденных вещах. Может ли обезьяна забыть, зачем залезала на пальму, из-за того, что думала о другом? Она может отвлечься на рев ягуара или крик других обезьян, но может ли она отвлечься от реальных бананов на воображаемый апельсин? Обезьяна может быть рассеянной? А зомби?

Американские ученые провели эксперимент: они давали задания на воображение пациентам в вегетативном состоянии³⁰. Больным предлагалось представить, что они играют в теннис или ходят по своему дому. В это время ученые сканировали их мозг с использованием МРТ. Реакция мозга пациентов не отличалась от реакции мозга здоровых людей из контрольной группы. При этом решение сотрудничать с учеными и выполнять задачи на воображение в тот момент, когда их просили, указывает на то, что имел место акт намерения и это была не просто реакция на восприятие речи, которая может протекать и в бессознательном состоянии. Таким образом, ученым удалось установить контакт с людьми в вегетативном состоянии и обнаружить у них наличие осознания себя и окружающей обстановки. Сомнительно, что зомби смог бы выполнить подобное задание на воображение.

Если мне скажут, что процесс моделирования является эпифеноменом физиологических реакций, то я попрошу сделать мне МРТ и сначала представлю океан, песок и пальмы, а затем помещу себя в пространство самого жуткого фантазма – изменится ли активность моего мозга? Изменится ли его биохимия? Если сначала выделяется дофамин, потом адреналин, затем еще какой-нибудь биохимический

³⁰ См.: Detecting Awareness in the Vegetative State / A.M. Owen [et al]. // Science. 2006. Vol. 313. P. 1402.

коррелят соответствующего ментального состояния, то трудно представить, что ответственной за это может быть физиология. Должна быть причина эмоции, которую вызывает воображаемая ситуация. Этой причиной могут быть квалиа. У зомби все реакции проходят «в темноте», а это значит, что у него нет материала для получения эмоционального отклика от моделируемой ситуации. Зомби может предвидеть, поведение зомби может быть крайне сложным – он может быть субъектом коммуникации, играть, писать, сдавать экзамены и т.д. Но он не может моделировать события так, чтобы замещать реальность иллюзией, потому что у него нет материала для создания фантомной ситуации. Зомби не способен строить воздушные замки – у него нет для этого строительного материала.

4. Действительно, в пространстве актуального настоящего сложно найти следы казуального влияния квалиа на жизнь человека, потому что мы всегда делаем то, что предполагает наша природа. В конце концов воображение тоже задумывалось природой как инструмент инстинкта. Поэтому крайне сложно выяснить причину квалиа, изучая внешнее поведение человека – его действия обусловлены биологической природой. Грубо говоря, сознание нам нужно для того, чтобы лежать на кровати и воображать. Но в тот момент, когда мы встаем с кровати, начинают действовать автоматизмы, которые могут протекать на бессознательном уровне. В пространстве нашей повседневной жизни сознание оказывается эпифеноменом, а человек и в самом деле представляет собой аналог «философского зомби». Несмотря на то что способность моделировать является элементом адаптивного поведения и косвенно влияет на выбор того или иного маршрута достижения цели, во-первых, само моделирование всегда ограничено рамками инстинкта – сомнительно, что можно мечтать о чем-то, что тем или иным образом не удовлетворяло бы инстинктивные потребности. Во-вторых, действие в социуме как возможный результат моделирования находится всегда в пространстве инстинктивной потребности, т.е. со стороны мы видим лишь деятельность, заданную биологической природой человека: у нас нет возможности достоверно отделить то действие, причиной которого было моделирование, от действия, причиной которого был автоматизм. Поэтому причина сознания находится в тени как нашей социальной, так и субъективно воспринимаемой жизни.

Суть сознания проявляется не в коммуникации или решении квадратных уравнений, она проявляется в сугубо приватном пространстве строительства воздушных замков из качествентивного материала. Как часто мы используем свое воображение? Сравнительно редко. Но наша субъективность существует ради этих редких моментов. Поэтому, возможно, ошибкой будет искать причину существования субъективности в функционировании внутри социума или исследе-

дую механизмы мышления. Когда мы ищем причину субъективности в поведении, коммуникации или в решении задач на мышление, то пытаемся обнаружить причины того, в чем нет необходимости в данный момент, потому что в момент исследования квалиа обладают статусом эпифеноменального явления – они тут не нужны.

Дело не в том, что мы видим оранжевый апельсин, а в том, что мы видим его для того, чтобы потом его представить. Мы обладаем способностью к моделированию, которое настолько качественно, что модель мало чем отличается от оригинала: от воображаемой ситуации можно также получать удовольствие или испытывать ужас. Субъективность нужна для того, чтобы доставлять материал воображению. Дело не в том, что мы воображаем, потому что у нас есть сознание, а в том, что у нас есть сознание для того, чтобы мы могли воображать. Способность моделировать – первична, сознание – вторично. В этом случае наше Я – лишь надстройка над воображением; воображение есть причина существования единства апперцепции; субъективность – это инструмент воображения. Мы существуем в точках бифуркации, созданных воображением в пространстве природного автоматизма.

Не существует никакого сознания качественно лучше нашего. Кому-то нравится верить в сверхразумных существ из других галактик. Мышление и сознание – разные вещи. Для мышления субъективность не нужна, а необходимы лишь правила поведения. Компьютер может обладать великолепным мышлением. Поэтому пришельцы могут обладать мыслительными способностями, превосходящими наши, но они не могут обладать более высоким уровнем сознания. Потому что если добавить нам еще немного сознания, то мы будем радостно лежать на кровати, строя целые воображаемые мегаполисы, а тем временем наш желудок будет переваривать сам себя. Если кому-то хочется познакомиться со сверхсознанием, посмотрите на аутистов и шизофреников. Возможно, человек – это всего лишь мгновение на шкале развития жизни. Природа быстро осознаёт эволюционную невыгодность сознания, и человека не станет, потому что воображение до добра не доводит, а доводит до клиники и исключения из борьбы за существование. Или сознание жизнеспособно, но только в виде «золотой середины» и подчиняется логике стабилизирующего отбора, при котором эволюция закрепляет некоторую среднюю характеристику признака.

Биологи упорно ищут нейронный коррелят сознания. Так, Фрэнсис Крик пытался найти тот участок мозга, при отключении которого «свет сознания» угаснет и человек превратится в зомби³¹, а Рамачандран занимается этим до сих пор³². Но, видимо, сознание все-таки нуж-

³¹ См.: *Blackmore S. Conversations on Consciousness*. N.Y. : Oxford University Press Inc., 2005. P. 69.

³² *Рамачандран В.С. Указ. соч. С. 39.*

но искать не «где», а «когда». Возможно, единственный способ подбаться к субъективности – исследовать мозг воображающего человека.

То, что сознание связано с воображением, – крайне банальная вещь. И пока философы спорят о причинах существования сознания, усложняя свои концептуальные конструкции, биологи осторожно замечают, что причиной субъективности может быть способность к моделированию. Например, в работах Р. Докинза³³ мы можем найти эту мысль. Нейрофизиологи говорят о том, что объектом подкрепления могут быть не только внешние стимулы, но и моделируемые результаты мышления³⁴, что также указывает на моделирующую функцию сознания.

Но дело не в причинах существования субъективности. Причины – это пространство науки. Однако наука не видит, что у субъективности могут быть и следствия. И если они есть, то есть и особое, исключительное пространство философии. Объектом философии являются следствия нашей способности воображать. Если они есть.

Таким образом, субъективность может быть инструментом воображения и наше Я может представлять собой надстройку над способностью моделировать. Но, разумеется, это лишь один из множества вариантов подхода к решению «трудной проблемы сознания». Важно не забывать, что воображение может быть тесно связано с речью, что феномен шизофрении недостаточно изучен, что есть такие нарушения долговременной памяти, которые вносят свои коррективы в понимание воображения как причины субъективности, и т.д. Но вопрос остается: а все-таки может ли зомби мечтать?

³³ Докинз Р. Эгоистические гены и эгоистические мемы // Д. Хофштадтер, Д. Деннет. Глаз разума. Самара, 2003.

³⁴ Николаева Е.И. Указ. соч. С. 496.

К КРИТИКЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИОНАЛИЗМА¹

К.Г. ФРОЛОВ

В статье рассматриваются основные идеи и подходы того направления философии восприятия и сознания, которое известно под общим названием «репрезентационализм». Описывается специфика теорий высшего порядка восприятия У. Лайкана и высшего порядка мышления (осмысления) Д. Розенталя. Анализируются особенности нередуктивной версии репрезентационализма в связи с аргументами Д. Чалмерса, предпочитающего фрегеанскую интерпретацию содержания опыта расселовской. Наконец, выдвигается ряд аргументов критического характера, отмечающих большие трудности, возникающие перед репрезентационализмом при необходимости учитывать культурный, исторический и смысловой контекст тех или иных событий и явлений в рамках нашего восприятия.

Ключевые слова: репрезентация, интенциональность, квалиа, экспланандум, контекстуальная зависимость.

Репрезентационализм – явление неоднородное и весьма разноплановое, что делает его компактный анализ занятием весьма нетривиальным. И все же попробуем очертить тот круг проблем, вопросов и возражений, с которыми сталкивается данное направление мысли. Отправной точкой нам послужат ис-

¹ Работа выполнена в рамках НИР СПбГУ «Генезис концепции сознания в философской научной традиции» (шифр ИАС 23.38.177.2011).

следования в этой области С.Ф. Нагумановой². Симпатии Светланы Фарвазовны к репрезентационизму хорошо известны, что, конечно, несколько не умаляет объективности ее компетентного анализа. Мы же попытаемся дать критический взгляд на проблему.

Под репрезентационализмом будем понимать точку зрения, согласно которой события и явления нашего чувственного опыта репрезентуют нам события и явления мира физического, а характеристики событий и явлений определяют всю феноменологию нашего восприятия. В редуктивной формулировке одного из главных теоретиков репрезентационализма Майкла Тая это звучит так: «Феноменальный характер есть то же самое, что и репрезентациональное содержание, которое отвечает определенным дополнительным условиям»³.

Тем не менее на концептуальном, описательном уровне даже самые радикальные редукционисты этого направления готовы рассматривать процесс восприятия как обладающий двумя аспектами: феноменальным и содержательным. Содержанием же является положение дел во внешнем мире, свойства *самих* его объектов. И здесь, как правило, репрезентационализм последовательно опирается на каузальную теорию референции.

Отдельные философы-репрезентационалисты занимают различные позиции по вопросу соотношения между чувственным и содержательным компонентами опыта. Прежде всего предметом дискуссий является тезис о *прямой взаимосвязи* между изменениями в ощущениях и изменениями в содержании опыта, т.е. о том, что всякому изменению ощущений всегда соответствует изменение содержания и наоборот.

Представим себе, что мы находимся в некоей комнате с искусственным «белым» освещением. Вдруг наше восприятие комнаты резко поменялось на красное. Очевидно, дело в том, что имело место переключение освещения, т.е. событие во внешнем мире, которое нашло свое отражение в переменных нашего восприятия. Именно на этом настаивают репрезентационалисты: переменам и событиям в феноменологии нашего опыта в нормальных случаях соответствуют события внешнего мира, которые и репрезентуются в нашем восприятии (наша визуальная картинка не могла «покраснеть» сама собой). И наоборот: событиям внешнего мира, находящимся в пределах различных форм нашего чувственного восприятия, в нормальных условиях соответствуют различные изменения ощущений (когда освещение было переключено, мы не могли продолжать воспринимать комнату с прежней феноменологией, она обязательно должна была измениться).

Иногда включение в анализ познавательных механизмов феноменологических аспектов приводит репрезентационализм к частичному сближению с теорией чувственных данных со всеми характерными

² См.: Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание. Казань, 2011.

³ Тей М. Consciousness, Color and Content. MIT Press, 2000. P. 45.

последствиями. Прежде всего это связано с необходимостью *увязать* феноменологический и содержательный компоненты, т.е. объяснить, почему восприятие того или иного содержания сопровождается именно такой феноменологией и как это происходит: как и почему эти процессы ощущаются и осознаются.

Согласно версии некоторых исследователей, ситуация обстоит таким образом, что в нашем распоряжении всегда имеется большое количество чувственных репрезентаций, не все из которых осознаются (мы всегда ощущаем свой затылок, но далеко не всегда это осознаем), поскольку для этого нужно, чтобы они стали содержанием состояний более высокого порядка. У. Лайкан прямо утверждает, что для такого осознания необходимо, чтобы та или иная репрезентация R была *отсканирована* на более высоком уровне в качестве другой репрезентации Rcon (теория восприятия высшего порядка): «Ментальные состояния делятся на осознаваемые и неосознаваемые. Теория репрезентаций высшего порядка (higher-order representation theory) пытается объяснить это различие, полагая, что то, что делает состояние осознанным, – это некая другая репрезентация высшего уровня»⁴. Приведем его «простой аргумент» полностью, поскольку это весьма показательно:

- (1) Осознанная ментальная репрезентация – это та, о которой субъект осведомлен (aware of being in it).
- (2) Осведомленность о чем-то – это интенциональное состояние.
- (3) Интенциональное состояние – это состояние репрезентации.

Таким образом:

- (4) Осведомленность о некотором ментальном состоянии – это репрезентация этого состояния.
- (5) Сознательное состояние – это состояние репрезентации (восприятия) содержания других ментальных репрезентаций.

Таким образом, Лайкан смело движется в сторону регресса в бесконечность, поскольку концептуальной логической гарантии того, что этот новый уровень действительно является высшим и его восприятие является «непосредственным» и не нуждается в новом осмыслении, нет. На наш взгляд, сам «простой аргумент» – лучшее и наиболее наглядное свидетельство против самого себя. Очевидно, что по сравнению с теорией чувственных данных произошла лишь небольшая терминологическая замена: ментальный объект чувственного восприятия теперь стал называться ментальной репрезентацией без каких-либо существенных изменений в концептуальной структуре описания познавательного опыта. Но против такого подхода возра-

⁴ Lycan W. A Simple Argument for a Higher-Order Representation Theory of Consciousness // Analysis. 2001. № 61 (1). P. 3.

жал еще Г. Райл: «Ощущать – не значит находиться в когнитивном отношении к чувственно воспринимаемому объекту. Таких объектов нет. Как нет и такого отношения. Ложно не только, как это утверждалось выше, что ощущения могут быть объектами наблюдений, но также и то, что они сами по себе суть наблюдения объектов»⁵. Применительно же к взглядам Лайкана мы позволим себе сформулировать выражение так: осознавать – не значит находиться в когнитивном отношении к некоей ментальной репрезентации. Таких репрезентаций (как особых объектов восприятия) нет. Как нет и такого отношения.

Другой сторонник теорий высшего порядка – Д. Розенталь. Но он утверждает, что более высокий уровень восприятия – это скорее уровень осмысления: «Наша осведомленность высшего порядка о нашем состоянии – это то, как мы можем *помыслить* об этом состоянии»⁶. То есть репрезентация R осознается тогда, когда субъект принимает для себя некое убеждение, некую мысль: «R существует и мной сейчас воспринимается» (higher-order thoughts theory). На наш взгляд, это очень перспективное направление анализа процессов осознания. Более того, такая версия не сталкивается с регрессом в бесконечность. Ведь здесь убеждения не «наслаиваются» друг на друга и тем более не дублируют. Речь идет лишь о фиксации субъектом сведений в форме отчета о перцептивных процессах – процессах совсем иного рода.

Другое дело, что хорошо известен подход Д. Деннета, предпочитающего рассматривать вербальные отчеты *единственным* экспланандумом в рамках своего метода гетерофеноменологии⁷. В такой форме проблема статуса ментальных состояний не ставится вовсе, что очень удобно. Однако большинством исследователей такое решение признано все же именно подменой экспланандума. Но тогда следует признать, что и в рамках концепции Розенталя остается непроясненной связь между феноменальным и содержательным компонентами опыта, связь между более низким и более высоким уровнями восприятия, связь между ощущением и мыслью о нем. Поэтому во избежание логических и концептуальных трудностей многие исследователи все же предпочитают не прибегать к понятиям высшего порядка осознания и вместо этого дополнять в рамках своего анализа восприятия наличие определенного репрезентуемого содержания функциональными связями и механизмами (например, телеосемантические теории интенциональности Ф. Дретске⁸ и Р. Милликана⁹).

⁵ Райл Г. Понятие сознания. М., 1999. С. 156.

⁶ Rosenthal D. Varieties of Higher-Order Theory // Higher-Order Theories of Consciousness ; ed. R.J. Gennaro. Philadelphia, 2004. P. 24.

⁷ Dennett D. Consciousness Explained. N.Y., 1991. P. 72.

⁸ Dretske F. Naturalizing the Mind. MIT Press, 1995.

⁹ Millikan R. Language, Thought and Other Biological Objects. MIT Press, 1987.

В такой целиком и полностью функционалистской версии феноменальный аспект опять уходит на второй план. Но и это не спасает: ведь незамедлительно восстанавливается в своих правах трудная проблема сознания Д. Чалмерса: снова оказывается непонятно, почему все эти процессы не «идут в темноте», а сопровождаются определенными, порой довольно яркими ощущениями и переживаниями¹⁰. А отсюда прямая дорога к слегка видоизмененным и адаптированным другим стратегиям: элиминативизму (нам лишь кажется, что осознанность – это некое особое специфическое состояние), эпифеноменализму (квалиа лишь *сопровождают* наши познавательные процессы, не играя в них никакой функциональной каузальной роли) и др.

Наконец, еще одной версией репрезентационализма является так называемый слабый репрезентационализм. Как и многие ослабленные версии других течений, он совместим с самыми различными позициями, а его «сердцевина» не слишком содержательна. В самом деле, здесь утверждается не более чем то, что содержанию нашего опыта соответствуют события внешнего мира, которые в нем и репрезентуются. Однако жесткая связь между изменениями в феноменологии и в содержании опыта отрицается. Классическим аргументом Чалмерса по этому поводу является ситуация, когда мы смотрим на две красные точки на черном фоне. Мы можем фиксировать свое внимание либо на одной, либо на другой, и феноменология будет меняться. Однако содержание (две красные точки на черном фоне), по мнению Чалмерса, в обоих случаях останется одинаковым¹¹.

Другой его аргумент – гипотеза инвертированного спектра: когда и я, и предполагаемый (мыслимый) инверт смотрим на траву, наша феноменология различается (я вижу ее зеленой, а он красной), в то время как содержание (репрезентуемый объект) идентичен. Из этого Чалмерс делает вывод, что содержание нашего чувственного опыта мы должны понимать не в расселовском, а во фрегеанском смысле¹², т.е. что важным аспектом содержания является не только сам его референт, но и (феноменальная) форма, способ представления. Этот момент представляется важным также и в вопросе, касающемся статуса иллюзий и галлюцинаций. В самом деле, что является их содержанием, если во внешнем мире им ничто не соответствует?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим суждение: «Лабрадор Кони главы нашего государства черного цвета». Более привычная расселовская трактовка рассматривает приведенное выше утверждение как состоящее из двух частей: субъект «Лабрадор Кони главы нашего го-

¹⁰ Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford University Press, 1996. P. 21.

¹¹ См.: Chalmers D. The Representational Character of Experience // The Future for Philosophy. Oxford University Press, 2004. P. 34.

¹² Ibid. P. 42.

сударства» (конкретный референт) и предикат «черного цвета». Фрегеанская же версия основывает свое понимание содержания на форме представления. Так, возможно, что *реальная* собака Кони главы нашего государства (референт) на самом деле вовсе никакой не лабрадор и вообще белого цвета, а нам в целях конспирации показывают какую-то «подставную» собаку. Следовательно, наше суждение «Лабрадор Кони главы нашего государства черного цвета» конституировано не свойствами *самого* референта, а именно *формой представления* фактов для нас. А значит, оно может быть *ложно*. Точно так же обстоит дело и с нашими возможными иллюзиями и галлюцинациями: их феноменология тоже конституируется не референтами, а способом, когнитивными механизмами нашего восприятия.

Но против жесткой взаимосвязи между содержанием и феноменологией его восприятия имеются и другие убедительные аргументы. Особенно это касается феноменологии интерпретативной. Так, в зависимости от моего собственного состояния одно и то же содержание может быть воспринято мной либо как красивое (приятное, вкусное, смешное), либо как некрасивое (неприятное, невкусное, несмешное). Таким образом, здесь можно лишь повториться: не все, что мы видим в вещах, находится или как-либо относится к ним самим. Некоторые характеристики мы привносим в наш процесс восприятия от себя и на свой вкус. Такие компоненты нашего опыта не репрезентуют что бы то ни было в окружающем мире.

В то же время есть и другая крайность: удариться в так называемый интернализм – точку зрения, согласно которой содержание нашего опыта определяется нашим *собственным* физическим состоянием, т.е. физически идентичные субъекты испытывают идентичный опыт. Философы-экстерналисты не соглашались с таким утверждением и указывают на важность самых разных факторов, в том числе и социального происхождения, влияющих на особенности восприятия. К числу таких факторов относится понятийный и теоретический запас знаний субъекта. Такого рода характеристики, не являющиеся по своей природе физическими, также могут определять особенности восприятия.

Соотношение между структурой наших понятий и структурой нашего опыта вообще является немаловажной проблемой теории познания. Не секрет, что разнообразие и детализированность нашего опыта намного превосходит наши способности полностью «упаковать» его в слова, понятия и характеристики. Это вынужден признать и репрезентационализм. Но тогда возникает возможность существования понятийно неоформленного и неформулируемого опыта.

Проблема такова: представим себе, что мы видим яблоко. Полное восприятие этого яблока непременно включает соотнесение его с некоторым понятием яблока. Когда мы видим яблоко, то после некоторой нефиксируемой на сознательном уровне интерпретации мы воспринимаем его как съедобное, потенциально сочное, возможно,

кислое (если яблоко зеленое). Без такого концептуального теоретизирования мы не смогли бы добраться до *содержания* опыта, понять, о чем он, на что указывает. Однако когда, например, мы слушаем некоторую музыку, этот процесс может не включать никакого теоретизирования, мы вполне можем «раствориться», «погрузиться» в «чистую феноменологию» этого явления. Для описания происходящего нам при всем желании, вполне возможно, не удалось бы подобрать никаких подходящих слов и понятий, в точности определяющих специфику нашего опыта. И тем не менее этот опыт со всеми его особенностями и нюансами был бы нам очевиден, доступен непосредственно.

Такая ситуация сама по себе не слишком приятна для репрезентационализма: не вполне понятно, на что именно указывает такой почти медитативный опыт. Да и является ли какое-либо указание его наиболее существенной характеристикой, сутью его природы. Репрезентационализм продолжит настаивать на этом и будет утверждать, что данной музыке соответствуют события внешнего мира (исполнение музыкантами или CD-проигрывателем). Более того, эта музыка состоит из определенных элементов – звуков, образующих некоторую структуру, которая в свою очередь может быть описана совсем в иных, *физических* терминах. И до некоторой степени об этом косвенно свидетельствует и наш неформулируемый познавательный опыт.

В этом смысле весьма важной категорией, характеризующей акт репрезентации, является его *прозрачность*. Собственно, в нормальных условиях под прозрачностью понимается в точности тот факт, что в рамках нашего познавательного опыта мы познаем свойства *самых* вещей. Утверждение теории чувственных данных о том, что все познаваемые нами качества – это свойства нашего опыта, а не внешних объектов, является для репрезентационализма совершенно неприемлемым, как и утверждение о том, что феноменология того или иного чувственного опыта определяется не столько физическими характеристиками объекта, сколько особенностями нашего механизма его восприятия и интерпретации.

Для репрезентационалиста крайне важно «вернуть» все, что содержится в нашем опыте, обратно во внешний мир. Только сформулировав теорию того, как все содержание нашего чувственного познания черпается нами исключительно из внешнего мира как репрезентация его явлений, событий и характеристик, репрезентационалист сможет быть доволен. В противном случае придется не только объяснять, откуда берется этот субъективный «довесок», но и разбираться с его онтологическим статусом, поскольку во внешнем мире, в физической реальности ему ничего соответствовать не будет. Именно для решения такой важной метафизической задачи репрезентационализм и прикладывает все усилия.

И все же на наш взгляд репрезентационализм исходит из принципиально неоправданных намерений. Многочисленные эксперименты

свидетельствуют о том, что основным содержанием, основной функцией нашего чувственного познания является не столько познание свойств конкретного объекта «самого по себе», сколько различение, дискриминация в рамках некоторой палитры, некоторого спектра разнообразия возможных характеристик. Эти пределы различимости заданы нам природой и возможностями нашего познавательного аппарата (границы видимого цветового спектра, частотные границы звукового восприятия и т.д.). Определенные ограничения накладываются и на различение весьма близких, но строго не тождественных характеристик.

Но главное, чего склонен не учитывать или недооценивать репрезентационализм, – это контекстуальная зависимость наших квалиа, наших феноменальных переживаний. Еще Джорджу Беркли был известен опыт с тремя емкостями с водой: горячей, холодной и средней температуры¹³. Если мы опустим вначале одну руку в горячую воду, а другую в холодную, а затем обе руки одновременно перенесем в емкость с водой средней температуры, то одна и та же вода (одно и то же содержание) будет восприниматься (репрезентироваться) одной рукой как теплая, а другой как прохладная. Это говорит о том, что в основе чувственного восприятия лежит не только установление определенных отношений между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом, но и отношение между субъектом, воспринимающим один объект, и *тем же* субъектом, воспринимающим другой объект, т.е. не только отношение присвоения, но и отношение различения.

Но содержание отношения различения в принципе не может быть хоть в каком-то смысле принадлежностью одного конкретного объекта! Таким образом, прохладность уже на концептуальном уровне никак не может быть характеристикой самой воды, репрезентуемой субъекту в опыте. Прохладность – это не нечто само по себе, а отношение одного чувственного восприятия к другим, известным по предыдущему опыту, в том числе и непосредственно предшествовавшему (отношение к контексту).

Другой пример: представим себе, что когда мы включили некоторую музыку, нам представилось, что она звучит слишком громко, чем вызывает некоторый дискомфорт и напряжение. Однако через некоторое время наше восприятие адаптировалось, мы «привыкли» и перестали воспринимать ее как слишком громкую, дискомфорт исчез. Такое изменение феноменологии без соответствующего изменения внешних факторов в корне противоречит представлениям репрезентационализма (см. пример с комнатой, в которой меняется освещение).

¹³ См.: Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом // Дж. Беркли. Соч. М., 2000. С. 221.

Ситуация станет еще более неоднозначной, когда мы включим в наше рассмотрение восприятия и осмысления не только перцептивный, локальный контекст, но и шире – культурный и даже культурно-исторический. В самом деле, представим себе, что мы присутствуем при исполнении киртан – сакральных, экстатических песнопений, характерных для духовных практик индуизма¹⁴. Репрезентует ли нам эта музыка сама по себе свое глубокое содержание, свои смыслы, свое назначение? Слышим ли мы в ней то же самое, что слышит рядом с нами укорененный в этой культуре, в этой традиции человек, в котором эти звуки вызывают особые переживания, которые мы по обыкновению порой не вполне корректно связываем с понятием священного? Представляется вполне возможным, что подобная экзотическая музыка, полная непривычных гармоний, может восприниматься нами просто как неприятная, утомительная и однообразная, как абсолютно не соответствующая тем представлениям о прекрасном и возвышенном, которые господствуют в нашей культуре.

Исторический аспект не менее важен. Так, в современном мире весьма востребованным является так называемое аутентичное исполнение старинной музыки: исполнение на инструментах, чьи конструктивные особенности наиболее близки к образцам далеких эпох, которое обычно происходит в старинных же «декорациях» – соборах или замках с их особой акустикой. Предполагается, что соблюдение этих «локальных», физических условий способно позволить нам ощутить, как такую музыку слышал, скажем, И.С. Бах.

Однако вот тут-то как раз становится актуальной, правда, совсем в ином смысле, идея о том, что то, *что* он слышал в этой музыке, оказывало колоссальное влияние на то, *как* он ее слышал, на многообразные и неуловимые нюансы феноменологии этого явления. Однако под содержанием мы теперь будем понимать вовсе не события *физического* мира, такие, как колебания струн или воздуха с определенной частотой и амплитудой, а все богатство культурного контекста и подплеки этой музыки. И было бы неоправданной смелостью утверждать, что это содержание вообще формулируемо в конкретных терминах.

Хуже всего репрезентационализм справляется с анализом символических форм восприятия, даже наиболее фундаментально важных из них, таких, как чтение текста. Как могут простые «палочки и черточки» определенной формы что-либо репрезентовать, кроме самих себя, своей формы и цвета? Однако же мы способны не только читать в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» описание событий и переживаний, которые никогда не имели место, но и находить в них особый высокий, в том числе философский, экзистенциальный смысл. А это само по себе может быть важным событием на-

¹⁴ См.: Rosen S. The Yoga of Kirtana. N.Y. : Folk Books, 2008.

шей психической жизни со своей особой феноменологией восприятия. И все это черпается нами из «набора букв» как физических объектов, напечатанных на бумаге, но вовсе *не только* из них, не из *них самих*.

Важно подчеркнуть, что репрезентационализм претендует вовсе не на статус чисто «технической» концепции когнитивных процессов чувственного восприятия, а на звание полноценной, фундаментальной теории сознания. Общий мотив понятен: репрезентационализм стремится к устранению всяческих посредников между познающим субъектом и окружающими его познаваемыми объектами, стремится построить простую и ясную, *прозрачную* модель восприятия, стремится преодолеть разделение, даже пропасть между физическим миром и миром человеческой субъективности, стремится к монизму, порой даже ценой редукционизма. Вот только проблема в том, что эти посредники *есть* и они давно и хорошо известны. Это и язык, и общекультурные установки, и исторический контекст, и многое другое. Человек всегда воспринимает мир и каждый его отдельный феномен или явление через призму культуры и не может иначе. Причем особенности такого «преломления», очевидно, не заложены в самих вещах. И здесь невозможно не упомянуть о нашей отечественной традиции рассмотрения подобного рода проблематики, прежде всего о таких выдающихся исследователях, как Л.С. Выготский¹⁵, Г.Г. Шпет¹⁶ и М.К. Петров¹⁷.

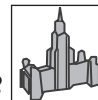
Изложенные выше доводы свидетельствуют о том, что сознание, феноменальный мир человека – это не то явление, которое можно компактно смоделировать в рамках некоторой концептуальной структуры. В этом, возможно, и состоит причина того, что данная проблема никак не хочет поддаваться решению, несмотря на все титанические интеллектуальные усилия: многообразие экспланандума соответствует бесчисленное разнообразие контекстов, коннотаций, ассоциативных связей и подтекстов. Их невозможно формализовать и уж тем более редуцировать к физическим структурам и событиям. Ведь они черпаются нами не из самих окружающих предметов и их непосредственных свойств и характеристик, а из пространства культуры, смыслов и идей. К изучению таких структур идеального призывал еще Э.В. Ильенков¹⁸. Очевидно, что эта задача актуальна и сегодня.

¹⁵ См.: *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Психологи. М., 2000. С. 512–745.

¹⁶ *Шпет Г.Г.* Заметки // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2009. № 2. С. 191–208.

¹⁷ *Петров М.К.* Язык. Знак. Культура. М., 1991.

¹⁸ См.: *Ильенков Э.В.* Проблема идеального. Статья первая // Вопросы философии. 1979. № 6; *Он же.* Проблема идеального. Статья вторая // Вопросы философии. 1979. № 7.

Диалог поколений в век интернет-коммуникаций¹

Современные телекоммуникации предоставляют новые возможности в образовательном процессе. Электронная почта позволяет почти мгновенно связаться с собеседником. Преподаватель может оперативно передавать информацию для студентов, практикуются проверка рефератов и консультации по почте. Благодаря Skype воспроизводится эффект визуального присутствия собеседников. Коммуникация обогащается с помощью тонкой подстройки, если задействовать не только информативный, но и эмоциональный канал. Реакция собеседника улавливается благодаря мимике, выражению глаз, тембровым нюансам интонаций. В масштабах Российской Федерации, более того, планеты исчезают барьеры в образовательном пространстве. Сегодня рядовой студент российского вуза может вести беседу с ведущими специалистами страны, обсуждая актуальные проблемы науки.

15 ноября 2012 г. состоялась первая интернет-конференция, в которой приняли участие студенты и преподаватели кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета и сотрудники Института философии РАН. Проблемы настоящего и будущего образования и науки в России сегодня не могут не волновать ни молодое, ни старшее поколение. Вниманию читателей предлагаются материалы первой интернет-конференции.

Участники круглого стола: В.Г. Буданов (доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, ИФ РАН); И.А. Гераси-

¹ Публикация подготовлена по материалам интернет-конференции «Интерактивный диалог поколений в университетском образовательном пространстве» и проекта «Проблема системности и согласованности знания в образовательном процессе в эпоху объективации транснаучной парадигмы» в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.В37.21.1997).

мова (доктор философских наук, ИФ РАН); И.А. Асеева (доктор философских наук, ЮЗГУ); Е.И. Боев (кандидат социологических наук, ЮЗГУ); Е.Г. Каменский (кандидат социологических наук, ЮЗГУ); П.Ф. Кравчук (доктор философских наук, ЮЗГУ); Э.М. Сороко (доктор философских наук, Институт философии НАН Беларуси); А. Ржиская (магистрант 2-го курса ЮЗГУ); Н. Музалёва (студентка 5-го курса ЮЗГУ); А. Ельчина (студентка 4-го курса ЮЗГУ).

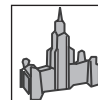
И.А. Асеева. Уважаемые коллеги! У нас сегодня первый опыт проведения интернет-конференции, которая состоялась благодаря возможностям интерактивных технологий, соединивших Институт философии РАН в Москве и Юго-Западный государственный университет в Курске. Темы, предложенные для обсуждения, чрезвычайно актуальны и болезненны для российского образования: проблемы организации студенческо-преподавательского общения, повышение статуса науки и российского ученого, сложности трансляции знания, привлечение молодежи в высшую школу. Студенты и магистранты ЮЗГУ представят свое видение сложившейся ситуации в высшей школе России. Это говорит о том, что решать множество проблем образования необходимо, объединив усилия студентов и преподавателей, создав поле для сотрудничества и реального взаимодействия.

Позвольте дать слово первому докладчику – Анжелике Ржиской, магистранту 2-го курса ЮЗГУ по специальности «Социология». Тема ее выступления «Барьеры на пути преемственности поколений в образовательном процессе. Молодежный взгляд»².

А. Ржиская. Воспитание и образование невозможно без передачи опыта. В реальной жизни этот важный процесс сталкивается с многочисленными преградами. Прежде чем их перечислить, следует оговориться: имеются в виду талантливые, компетентные представители старшего поколения и перспективные, жаждущие знаний – молодого. Такое уточнение позволяет избежать рассмотрения факторов, связанных с недостатком умений и навыков у первых и ленью, отсутствием желания получать знания у вторых.

К объективным психологическим барьерам можно отнести барьер *авторитета*. С одной стороны, в его основе лежит разумная субординация. С другой стороны, преподаватель обладает своего рода властью над студентами, что ставит их на ступень ниже и в некотором смысле лишает права голоса. Грубо говоря, общение основывается на устоявшемся принципе: «я начальник, ты дурак». Студенту достаточно сложно открыто высказать точку зрения, противоречащую убеждениям преподавателя. Далее, необходимость следовать *учебной программе* и *образовательным стандартам* приводит иногда к скрыто-

² С полным текстом докладов учащихся можно ознакомиться на сайте НОЦ ЮЗГУ: http://www.swsu.ru/structura/centrs/research_and_education_center_quot_transdisciplinary_research_philosophy_of_science_and_technology_q/

му формализму. Передаче опыта мешает *юношеский максимализм и нигилизм*. Преподаватели довольно часто не рассматривают студента как личность, достойную диалога. Им свойственно общаться свысока и на расстоянии. Этот барьер назовем *покровительственной снисходительностью* или *высокомерием*. В научном отношении многие преподаватели не отличаются широтой взглядов, разрабатывая в течение жизни одну концепцию. Этот барьер назовем *консервативностью убеждений и отрицанием всего нового* со стороны старшего поколения. Серьезным препятствием является *лексико-понятийная рассогласованность*, когда преподаватель читает лекцию на научном языке, непонятном аудитории.

Отличительной чертой субъективных барьеров является возможность преодолеть возникающие преграды при наличии усилий со стороны «препятствующего» субъекта. Так, молодые люди, желающие получить знания, должны понимать, что без опыта прошлых поколений, знания фундаментальных законов, понимания основных концепций невозможно развиваться в профессиональном и научном смысле. Осознание именно этого положения вещей убирает субъективный барьер преемственности поколений в виде максимализма молодых.

Объективные барьеры на пути преемственности поколений в образовательной системе, на наш взгляд, непреодолимы: отсутствие плана и стандарта в работе приведет к хаосу, а потеря каких-либо авторитетов, даже условных, – к нравственной деградации и беспорядку.

И.А. Герасимова. Прежде всего определимся с понятиями. Будем различать естественные условия диалога поколений и барьеры. Разница в возрасте, опыте, умениях и знаниях принадлежит к естественным условиям диалога, но может стать барьером в конкретных обстоятельствах, которые созданы действиями людей (акторов на политическом языке). Другое условие – различие между фактическим положением дел и нормой, или, говоря словами Аристотеля, положением дел «по общественному установлению». Отдельные примеры касались фактов (эмпирических наблюдений), а не норм. Без четкого различения нормативного и эмпирического выводы получаются путанными. В начале доклада сказано, что речь пойдет о талантливых и компетентных преподавателях и жаждущих познаний студентах. Однако талантливый преподаватель не только не скажет, но и не подумает: «Я начальник, а ты дурак». Гуманитарное мышление предполагает понимание разницы мировоззрений и картин мира собеседников, а также свои собственные возможности и границы. Если четко провести различия между «естественным» («по природе») и его реализацией в конкретных обстоятельствах, между нормой и ее нарушениями, между нормой и фактами, то основная мысль доклада приобретет ясное выражение.

Барьеры характерны не только для образовательной ситуации, но и для коммуникаций в науке, где проблема преемственности поколе-

ний так же актуальна. Диалог, научная дискуссия являются не только формами передачи информации и обмена опытом, но главным образом формами организации научного исследования. Сегодня ставится задача интегрировать высшую школу в научно-исследовательский процесс. Можно присмотреться к ценностям общения, которые накоплены в научной практике. Так, исследовательский диалог – это синтез науки и искусства, предполагающий творческий обмен идеями. В образовательном процессе он станет возможным, когда преподавателям-«авторитетам» в одном отношении удастся сделать «авторитетами» самих студентов в другом отношении.

И.А. Асеева. А у вас, уважаемые коллеги старшего поколения, есть проблемы в преподавательской деятельности?

И.А. Герасимова. Анжелика совершенно права, каждая ситуация конкретна. Не без влияния постмодернистских ориентаций культивируется «искусственность» в поведении, отрицание традиционных ценностей, нарочитое пренебрежение авторитетами. Приходится тратить много сил на восстановление «естественного» состояния доверия друг другу и желания вместе работать. В то же время с каждым годом усиливается бюрократический пресс, что выражается в расширении формальной нагрузки на преподавателя: увеличении количества аудиторных часов за счет дополнительных групп, уменьшении лекционных часов и возможностей непосредственного общения со студентами, вменении в обязанность многоаспектной рейтинговой проверки и оцифровки, резких переменах в стандартах образования, которые не проходят согласований с представителями науки. Как обеспечить преподавателя главнейшим ресурсом времени для самообразования и творческой работы? Несмотря на бюрократические преграды, все-таки понимаешь, что обучение – это главное в образовательном процессе. Я считаю, что надо вспомнить античную культуру, где обучение предполагало прежде всего воспитание гармоничной личности.

В.Г. Буданов. Есть крылатая фраза, что ученик это не сосуд, который надо наполнить, но факел, который надо зажечь. Мне посчастливилось со школьных времен: у нас был замечательный физик, я и физиком стал благодаря ему. Система считывания личностного знания есть высшая система обучения. Обучаться по алгоритмической системе, по учебникам, конечно, хорошо, есть «самоходные» люди, у которых к этому есть дар, но их не так много, в основном же мы учимся думать, наблюдая за тем, как думают наши учителя. В этом ценность образования.

Барьеры общения – проблема серьезная, преодолевать ее надо с двух сторон, и в первую очередь это работа преподавателей. Слово «снисходительность» здесь не очень адекватное. Если у преподавателя есть отеческое отношение к ученику, барьер проходит без проблем. Вы должны быть готовы работать в любых дискурсах, обсуждать любые вопросы, тогда вас будут уважать как личность, а ваше мнение не обязательно должно быть беспрекословным. Вас уважают за то, что вы

оставляете человеку свободу, интересуетесь его нестандартным мнением, не презираете его за незнание, которое он может поправить и имеет к этому намерение. Намного хуже, когда человек, как студент, так и преподаватель, формально относится к своим обязанностям. По стандартам время тратится на то, чтобы побыстрее завершить некую работу, курсовую, выпускную, пройти комиссию и забыть друг о друге. Если преподавание приносит радость и является смыслом жизни, то возникает, как сейчас говорят, *экономика дарения*. Парадоксально, вроде бы нет выгоды, но она есть, когда ты отдаешь и неожиданным образом, опосредованно, может быть, через годы, к тебе возвращается человеческое тепло. Люди помнят даже не мысли, которые высказал преподаватель, а личность, с которой они общались. И основное здесь – проблема взаимности, движения навстречу друг другу.

И.А. Герасимова. Я много лет преподаю. Чтобы наладить отношения учителя и ученика, вывести их на какой-то приемлемый уровень общения, доставляющий радость, требуется время – месяц, полтора, может, и больше. Общение – это всегда творчество. И нас узнают, и мы узнаем. В образовательном процессе ситуация меняется. Сейчас складывается такое ощущение, что студентов, во всяком случае очень многих, обучает Интернет. Можно отметить как положительные, так и негативные стороны такого обучения. Крайне негативно то, что нерадивые студенты не понимают, что мышление само по себе представляет ценность. С мыслью обращаются как с вещью: рефераты скачиваются из Интернета (преподаватель должен за этим следить), работы пишутся в форме склейки вырезанных из Интернета материалов, т.е. компиляций без ссылок на авторов. В научной работе плагиат и компиляция запрещаются. Повторю слова Иммануила Канта: «Имейте мужество пользоваться собственным умом».

В.Г. Буданов. В позитивном аспекте Интернет становится другой. Наверное, все присутствующие обратили внимание на то, что у вас на кафедре появился НОЦ – научно-образовательный центр и его сайт. Приезжают ведущие философы, культурологи, все доклады и обсуждения фиксируются в видеозаписях. Набирает силу еще одна форма, которую я очень рекомендую: сайт «Устная история», или oralhistory.ru. На кафедральном сайте можно посмотреть, как ведутся беседы с выдающимися учеными, которым есть что сказать молодежи. Этот сайт – своеобразное продолжение традиций передач С.П. Капицы «Очевидное – невероятное». Такие беседы предоставляют уникальную возможность наблюдать, как человек мыслит. Беседуя с такими людьми, я пытаюсь задавать им неудобные вопросы, чтобы получать нешаблонные ответы. В эти моменты вы становитесь сопричастными к творчеству ученого, а по какому поводу творчество, не так важно.

И.А. Герасимова. Это уже искусство.

В.Г. Буданов. Так и есть, преподавание это искусство. Если вы смотрите «Что, где, когда?» и иногда угадываете правильный ответ

раньше, чем команда, то вы не в одиночку это сделали, а потому что наблюдаете за тем, как мыслит команда. В этом процессе зарождается неявное знание, которое вы и считываете. И чем дольше вы будете общаться с хорошим преподавателем, тем скорее станете мыслителями. Знание многообразно, в нем есть и элементы интуиции, и, как Ирина Алексеевна сказала, элементы искусства.

П.Ф. Кравчук. Согласна с вами, уважаемые коллеги. Проблемой творчества я занимаюсь всю свою профессиональную жизнь. Этот процесс раскрывает все самое сокровенное в личности, обнажает ее родовые признаки, а преподавательская деятельность без этого немислима, если она осуществляется по призванию и с пониманием истинных целей образования и воспитания. Здесь и устанавливается собственно диалог поколений во всем своем содержательном многообразии.

Н. Музалёва в своем выступлении «Проблемы трансляции современного знания в образовательном процессе» оценила состояние науки и образования в России на сегодняшний день если не как кризисное, то во всяком случае как переходное. Проблемы трансляции современного знания порождаются низкой степенью адаптивности к запросам общества и государства преподавателей старшего поколения. Речь идет не о конкретных преподавателях, а о тенденциях образовательного процесса в конкретно-исторических условиях.

Первая группа трудностей связана с новыми условиями жизни общества, возникшими благодаря *Интернету* и *телекоммуникациям*. Интернет представляет собой глобальный информационный и образовательный ресурс, и перед преподавателями стоит задача правильно сориентировать в нем учащихся, научить отбирать достоверную и актуальную информацию. Однако низкая компьютерная грамотность многих преподавателей затрудняет процесс активного взаимодействия со студентами. Вторая группа трудностей фокусируется вокруг проблемы объективного *старения информации*. В этой ситуации многие преподаватели, в особенности старшей возрастной категории, продолжают проводить занятия по заведомо устаревшим программам, использовать теряющую актуальность литературу (чаще всего периодику) и приводить «жизненные примеры», на самом деле уже далекие от повседневной реальности. Подобная тенденция отрицательно отражается на специфике преподавания многих дисциплин, особенно социальных.

Третья группа трудностей обусловлена несостоятельностью некоторых *методов подачи материала* и проверки усвоения его студентами. Тенденция либерализации стиля преподавания встречает противодействие со стороны авторитарного стиля. Например, реализуется практика дословного воспроизведения материала при ответе на семинаре, данного под запись на лекции. В современном образова-

тельном процессе на первый план выходит не насаждение знаний, которые в любой момент могут потерять свою актуальность, а стремление научить студента понимать изложенный материал и применять его на практике, развить его аналитические способности и критическое мышление, способствующие лучшей адаптации к постоянно изменяющейся среде.

По существу при делении на молодых и старших возрастной критерий не стоит рассматривать как определяющий. Если человек считает педагогическую деятельность своим призванием, с интересом изучает новые технологии, стремится к повышению собственной компетентности в преподаваемых дисциплинах и во главу угла ставит профессиональное и личностное развитие студентов, то, как правило, проблем с диалогом между поколениями не возникает.

И.А. Герасимова. Насколько я поняла докладчика, представители младшего поколения могут оказаться старыми, а представители старшего поколения – молодыми. Критерии молодости – постоянная открытость запросам жизни и научный поиск. Согласна. Если сам преподаватель работает творчески, если научный поиск – его образ жизни, то никаких проблем не возникает. Рассмотрим указанные докладчиком трудности. Быстрое старение информации – реалии развивающегося общества знания. Я читаю курсы по философии науки и техники в основном естественникам – химикам-технологам, механикам, инженерам. Многие темы я осваиваю вместе с магистрантами – будущими специалистами в конкретных областях науки и ее приложений. И естественные, и технические, и социально-гуманитарные науки развиваются стремительно. Это касается и философии: меняется ее язык и методология, иногда приходится читать рефераты, написанные старым идеологическим языком.

В вопросе о старении информации в методологическом ключе стоит внести ясность. Теоретически правильно будет различать знание и информацию, знание и инновации, понимать суть диалектики абсолютной и относительной истины. В среде естественников различают феноменологические, конструктивные и фундаментальные теории. *Феноменологическими* называют эмпирические теории, описывающие и систематизирующие данные наблюдений и позволяющие работать с ними. *Конструктивные* теории рассматриваются как теории-гипотезы, инструменты, выполняющие функции объяснения и предсказания в определенных границах. Некоторые уравнения в конструктивных теориях получены эмпирическим путем, что не позволяет им стать *фундаментальными*, другими словами, претендующими на полное понимание законов природы. Теория считается совершенной, если она охватывает большинство известных фактов. Фундаментальной теорией мало, но именно в них аккумулируются зерна абсолютной истины, добываемые упорным трудом и благодаря осознанию истин относительных. Фундаментальное знание дает старт

последующему научному поиску и открытиям. В журнале «New Scientist» № 11 за 2012 г. есть статья под названием «Гниение истины». Исследователи взяли пример из медицины – изучение болезней печени – и показали, что за 45 лет примерно 50 % из того, что считалось истиной, ушло. В данном случае предлагаю обратить внимание на различие между фундаментальным знанием, предполагающим в своем определении аспект истины, и конструктивными объясняющими моделями.

В условиях техногенной цивилизации конструктивные теории быстро реализуются на практике, затмевая фундаментальные исследования, для которых быстрота не способствует поиску истины. Преобладание конструктивности над познавательностью заставляет проводить различия между инновацией и знанием. Инновация – изобретение и внедрение нового в практику, целенаправленное изменение природы, социума, самого человека сообразно с установками и ориентациями конструктивиста.

Я иногда отдаю себе отчет, что для меня не столько важно развитие собственного направления в науке, сколько мысли о судьбе человека, культуры, планеты. От науки и образования во многом зависит судьба нашей планеты. В наше время каждый специалист должен быть философом, задумываться над основаниями науки и результатами своей деятельности. В определенной степени такая установка и стиль мышления вырабатываются в курсах по философии и методологии науки. Именно философия организует пространство всеобщего диалога специалистов, консолидируя силы в решении глобальных проблем современности.

Что касается гуманитарных наук, в том числе и философии, то требование относительно литературы «не старше 5 лет» неправильно.

В.Г. Буданов. Аристотеля издавали в советское время.

И.А. Герасимова. Это была скрупулезная работа. В социально-гуманитарных науках фундаментальное знание обогащается возникновением новых методологий и технологий, которые задают новые измерения интерпретации и понимания. Понятия «социального проектирования» и «социальных технологий» входят в научный обиход. Относительно инноваций в социально-гуманитарных дисциплинах в ЮЗГУ беспокоиться не нужно. Насколько мне известно, коллектив кафедры философии и социологии проводит трансдисциплинарные исследования. Мне, правда, не совсем ясно, что означает термин «транснаучная парадигма».

Е.И. Боев. Данный термин сегодня воспринимается многопланово. Его категориальный статус пока еще не стабилен, однако в рамках работы над проектами мы адаптируем его конкретное содержание к определенным целям и задачам работы. В основном «транснаучность» выступает синонимом «наднаучности», базирующейся на принципах постнеклассической рациональности, синергичных под-

ходов, включающих науку в более широкий контекст разнообразных познавательных практик. Такая методологическая ориентация, как нам кажется, позволяет добиваться самых полноценных, глубоких результатов научной деятельности. В настоящее время коллектив нашей кафедры совместно с Институтом философии НАН Беларуси осуществляет совместный проект «Проблема системности и согласованности знания в образовательном процессе в эпоху объективации транснаучной парадигмы». Суть нашей идеи заключается в необходимости использовать трансдисциплинарные идеи и принципы при построении адекватных реалиям конфигураций современного образовательного и научного пространства.

Э.М. Сороко. Трансдисциплинарные идеи и принципы, привносимые в образовательное пространство, дают целую обойму принципиально новых научных методов и подходов к решению застарелых задач, неразрешимых или трудноразрешимых в рамках классической линейной науки. Продемонстрировать эти подходы и методы в действии, а также в создании новых критериев для диагностики нормы и «патологии» организации сложных систем (включая образовательные), исследований реальных сложных объектов как органичных целостностей, их эволюции, становления их качества – таков базовый подход к изучению и выработке методик коррекции стратегий инновационной политики развития образования, обоснование состоятельности и актуальности которой вполне отвечает вызовам времени.

В.Г. Буданов. Есть еще одна проблема: чему учить, зачем учить, как учить. Действительно, знания устаревают очень быстро. Поэтому ваша задача научиться учиться, а наша задача научить вас учиться. Есть фундамент, который не устаревает, – концепты методологического и онтологического характера, которые заложены в мировой культуре и в самих структурах нашего сознания. К ним надо всякий раз обращаться, когда вы сталкиваетесь с новыми проблемами. Не факт, что вы всю жизнь будете социологами, или юристами, или управленцами. Скорее всего вам придется освоить еще одну, а может, и не одну профессию, а учиться в зрелом возрасте это далеко не то, что сейчас. Научитесь сейчас формировать новые картины мира, дисциплинарные дискурсы. Они составят вашу энерговооруженность, и вы не пропадете.

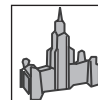
По поводу модных образцов, соли земли и т.д., будьте уверены, мы переходим к обществу знания, и это отнюдь не новые русские. Новые русские – это люди, обладающие большой личной энергией, волей и часто не обладающие должными этическими качествами (уровень культуры и образования также не всегда у них на высоте), что характерно для всех обществ периода накопления первичного капитала. Так было всегда при зарождении капитализма, а меценатствующие Третьяковы и Морозовы – уже следующие поколения. Однако это происходило в XIX в., сейчас мы ускоренным темпом идем в общест-

во знаний. Российская действительность, накопленный интеллектуальный багаж, дореволюционный и советский, – все это должно быть интегрировано. Почему так важно обратиться к ценностям культуры, хотя слово «культура» дискредитировано? Речь идет о культуре мышления, отношении к жизни, к ближнему, она не была утрачена. Поэтому когда вы вступаете в контакт с человеком, который не только несет профессиональные знания, но и обладает культурой общения, уважения к собеседнику, вы можете приобрести очень многое. Хочу подчеркнуть, что ваше время – это время открытости, несмотря на жесткие внешние рамки учебного процесса, вы располагаете свободой воли. После того как вы попадете на работу в достаточно непростую реальность, у вас действительно не окажется времени, да и среда не будет стимулировать вас к развитию – ни к интеллектуальному, ни к личностному. Цените свою студенческую пору, уникальное время осознанного становления личности, формирования мировоззрения, это время большинства социальных откровений и понимания смысла жизни, а интересных людей, у которых есть чему поучиться, много и среди молодежи, и среди преподавателей.

Э.М. Сороко. Хотелось бы дополнить. Особенно это касается вопроса культуры мышления менеджмента «от науки и образования». К примеру, непродуманные инновационные внедрения, проводимые в обществе, разрушают принятые нормы и правила, расшатывают социальные устои, вызывают серьезные системные последствия. В сложившейся ситуации требуется переосмысление комплекса социальных проблем: эффективности управления, безопасности, способов выхода из кризиса, компенсации ущерба, трансформации «человеческой природы» в рамках антропокоординат технокультуры и т.д. Отсюда актуальная потребность в фундаментальных исследованиях, интеграции их результатов в современный образовательный процесс и привитие через это культуры мышления новым поколениям.

А. Ельчина в выступлении «Перспективы построения карьеры в научно-образовательной сфере» пришла к выводу о том, что после получения диплома о высшем образовании существуют два пути развития: продолжить послевузовское образование или уйти «в профессию». Число желающих продолжить послевузовское образование уменьшается. Изучение выводов социологов, занимающихся проблемами образования и науки, позволяет выделить ряд основных проблем снижения интереса молодежи к занятости в научно-образовательной сфере. Первая проблема – падение статуса научного работника и ученого в целом. Так, в США, по данным «Wall Street Journal», наиболее престижной является профессия ученого. В России, по данным опросов, в глазах жителей страны профессия ученого занимает только 22-ю позицию. Многие одаренные молодые специалисты стремятся продолжить научную деятельность за рубежом. Одно из следствий – низкая конкурентоспособность аспирантуры по сравне-

нию, например, со вторым высшим образованием или карьерой в бизнесе.

Вторая проблема – недостаточная оплата труда. Ярко иллюстрирует эту проблему сравнение зарплат научных работников в России и в СССР. К примеру, в СССР доцент получал 320 руб., в то же время судья – 210, в настоящее время средняя зарплата доцента с ученой степенью составляет 12 тыс., а у судьи в среднем 100 тыс. руб. Еще одна проблема – низкий уровень образованности выпускников. Остро стоит вопрос «застаивания» кадров, своеобразная мода оставаться после наступления пенсионного возраста в основном составе вузов, НИИ и, как следствие, отсутствие достаточного количества свободных рабочих мест.

С 2009 по 2013 г. работает федеральная целевая программа «Научные и научно-преподавательские кадры инновационной России», целью которой является создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании. Открываются новые научные центры, например инновационный центр Сколково, реально действует система грантов (РГНФ, РФФИ), заключаются договоры сотрудничества с западными вузами, налаживается система стажировок. Эти факторы позволяют надеяться на улучшение условий для молодых талантливых ученых, а также ученых в целом. Тем не менее проблема остается: как изменить отношение молодежи к образованию, доказать, что вуз – это не только «корочки» для устройства на работу, но и реальные знания в развитом информационном российском обществе?

В.Г. Буданов. Тема очень злободневная. Не знаю как в Курске, а в Москве существует огромный кадровый провал: практически настоящих доцентов, т.е. опытных лекторов в возрасте от 30 до 50 лет, просто нет, их считанные единицы. Раньше звание доцента человек получал к 40 годам, были грамотные ассистенты, сегодня в ассистенты никто не идет, а доцента дают уже сразу после защиты, лишь бы удержать в вузе. Профессура, нижняя граница, это уже за 50, под 60 лет, а вообще-то средний возраст профессуры уходит за горизонт пенсионного возраста. Это сейчас колоссальная проблема.

И.А. Герасимова. И звание профессора сейчас не так просто получить.

В.Г. Буданов. Основная проблема высшей школы – замещение кадров, преемственность. Вы присутствуете при очень драматичном моменте, когда уходит высокая высшая школа. Люди по возрасту, по немоги просто не могут вести занятия, а смены нет. Поэтому перспективы российской науки и образования стандартными вливаниями денег спасены быть не могут, проблему кадров так не решить. На подготовку кадров нужно время, которого уже нет, нужны нестан-

дартные подходы. Здесь была затронута очень актуальная тема – о социальных статусах. Если взять Японию, которая ушла в отрыв от всего мира по высоким технологиям, то там самая уважаемая профессия – школьный учитель, на втором месте – профессор университета, а у нас они в самом низу рейтинга.

И.А. Герасимова. Обращу внимание на преимущество школьного и вузовского образования. Многие студенты первого курса не умеют писать, испытывают затруднения в устной речи, не могут выразить свою мысль. Проблема в русском языке!

В.Г. Буданов. У них нет уважения к учителю. Они не понимают, почему должны слушать этого седовласого человека. Вот такая школа у нас сегодня!

И.А. Герасимова. Это плоды политики в области школьного образования. И, к сожалению, ученые не могут повлиять на нее.

В.Г. Буданов. Сейчас может произойти некий поворот к культуре, а наука и образование – часть большой культуры. Вероятно, это последний ресурс России на ее возрождение и выживание как особой цивилизации, как особой идентичности. А уже раздаются голоса, что проще пригласить плохонькую профессуру с Запада, а свою систему науки и образования зачистить, вроде их и не было. Якобы так сделал Петр, но до него науки действительно не было, мы же – наследники великой научной культуры.

Интерес к науке падает и во всем западном мире, что связано и с психологией потребления, и с прагматизмом. Наука как источник чистой радости творчества перестает быть ценностью. Вот как сейчас решают проблемы образования американцы. Они помещают в открытом доступе лучшие лекции нобелевских лауреатов, причем не обязательно популярные лекции, а полными курсами. Это способ использовать мягкую силу англосаксонской культуры, дать глобализирующемуся миру свои научные коды и ценности. Подобную идею мы независимо пытаемся реализовать по мере сил в нашей российской культуре через НОЦ. И.А. Асеева здесь многое делает с коллегами. Студенты проводят социологический опрос, ребята голосуют за лучших лекторов, и организуются видеозаписи их полных курсов. Все будет в открытом доступе. Такая конструктивная самоорганизация студенческо-преподавательской соции. В ней реализуются и идеи передачи опыта среди преподавателей, и от старших мастеров, и от талантливой молодежи, и дистантное образование, и возможности заочного и даже частично бесплатного образования. Кроме того, мы масово переходим на бакалавриат, а бакалавриат не терпит полных курсов, там дефицит времени, но мы сохраняем полноценные курсы для будущих поколений, для возрождения, для самообразования людей.

Е.Г. Каменский. У меня и вопрос, и реплика. Я представляю молодых ученых, кандидатов наук до 35 лет, и скажу от лица всего сооб-

щества, которое представляю. Почему старшее поколение, говоря о возрастном разрыве в несколько поколений в кадрах, в науке, достаточно неохотно пускает в эту среду людей моего возраста? Я не хочу перечислять фамилии и факты, но это очевидная вещь. Нам очень трудно пробиваться. Кандидатские диссертации, защищенные 5–6 лет назад, уже позволяют нам думать о докторских степенях, если есть желание и способности на самом деле. В чем состоит проблема, по вашему мнению? Это первый вопрос.

В.Г. Будапов. Давайте начистоту. С одной стороны, ученый – это рационалист и узкий профессионал, с другой – следует законам зоопсихологии, которые используются в обществе, с третьей – носитель культурно-нравственных идеалов, отличающих нас от животных. Последний компонент сегодня слабо востребован обществом. Признанный ученый-авторитет четко видит проблему защиты своей территории и своего сообщества от молодого и энергичного чужака и решает задачу сдерживания не всегда безупречно нравственными средствами. Во времена научных школ и карьерных лифтов в СССР эта проблема снималась тем, что молодежь не считалась чужой, она могла быть строптивой, но чтит старших в своем клане и гарантировала им спокойную старость. Сегодня научных школ и кланов нет, сообщество атомизировано. В самом научном сообществе возник конфликт поколений, целевая грантовая поддержка и кадровые льготы для молодых иногда вызывают ревность старших, а нищенская пенсия профессора заставляет его опасаться сокращения по возрасту с появлением молодых докторов на кафедре. Кстати, этот конфликт поколений уже пытаются разыграть для развала РАН (типа сценария хунвейбинов в Китае).

Тенденции в преемственности поколений очень противоречивые. И в советское время были проблемы кадровых лифтов. Вспомним гонения и драматические дискуссии по генетике и кибернетике, когда определенные круги ученых решали свои проблемы руками власти, от лица трудящихся, партии и правительства. Так что ничто «человеческое» ученым не чуждо. Но существует и другая сторона нашей природы, и студенты хорошо чувствуют, когда человек обладает этическим уровнем, а не только интеллектуальным. Научные школы, которые были в Советском Союзе, формировались не просто вокруг научных лидеров, но чаще всего вокруг моральных, культурных авторитетов.

И.А. Герасимова. Евгений Георгиевич! Я вам охотно уступлю все свои места – ведущего научного сотрудника Института философии РАН, профессора, эксперта, члена двух ученых советов, члена двух редколлегий журналов (ВАК), руководителя грантов, ответственного редактора монографий. Вместе с привилегиями примите обязанности и ответственность. Назначение на должность претенденты проходят по конкурсу. Ничто не мешает посоревноваться. Лично у

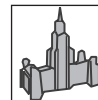
меня ревности к молодым и перспективным ученым нет. Только радость: если ученик превосходит учителя, значит можно быть спокойным за передачу социальной эстафеты и будущее науки.

Действительно, в сложившейся системе образования и науки довольно трудно «занять место» другого, но тем не менее настоящие реалии претерпевают удивительные метаморфозы. Сегодня проще создать свой новый институт, учебный или научно-инновационный центр. Стоит только проявить инициативу и выдвинуть ценные инновационные предложения (обратиться хотя бы в научно-инновационный центр Сколково). В решении проблемы молодых кадров можно усмотреть «движение сверху» (государственная политика) и «движение снизу» (самоорганизация научного сообщества). Научные сообщества изыскивают любые возможности привлечения молодежи в науку. Откройте в Интернете, например, страничку Института философии РАН. Там вывешены объявления о конкурсах молодых ученых. Одно из них: «Научно-теоретический журнал Института философии РАН “Эпистемология и философия науки” объявляет конкурс “Эпистемология и наука: теория, методология, история” для студентов, аспирантов и молодых ученых на лучшую публикацию по тематике журнала: теория познания, методология науки и специальные науки о познании, философия сознания и языка. Подача конкурсных работ до 15 ноября 2012 г.». Сроки конкурса прошли, но редколлегия готова рассмотреть присланные статьи по всем рубрикам журнала.

Е.Г. Каменский. Спасибо. И, если можно, короткий второй вопрос. Хотелось бы узнать ваше личное мнение как маститых ученых: каков образ вашего ученика-продолжателя? Чего вы от него ждете? Как он должен себя вести, какими качествами обладать?

В.Г. Буданов. У меня помимо научной работы есть не менее важным поприще: я четвертый десяток лет преподаю и считаю очень важным то, что меня помнят выпускники, хотя я им всем преподаю на первых двух курсах. На старших малая часть слушает мои спецкурсы. Я не считаю, что они мои ученики по профессии. Для меня важно то, что я что-то заронил в их души. Повторюсь, что если преподаватель оставил след в жизни студента, то это дорогого стоит. Ну а подготовка преемника, ученика – я так задачу не ставлю.

И.А. Герасимова. В восточной традиции обучения первое правило для ученика – любить учителя. Как показывает мой опыт, ученики приходят сами, находя своего учителя. Часто идеи находят отклик не в повседневном общении на лекциях или семинарах, а через открытую печать и средства информации. При больших потоках, когда читаются курсы лекций, порой трудно бывает проследить оказанное тобой влияние. Для меня важнее, как уже сказал В.Г. Буданов, возжечь факел в душе каждого ученика, пробудить в нем его личный творческий потенциал. Я искренне радуюсь, когда рядом начинают мыслить. Для меня стало привычкой «подключать» свою мысль к мысли

ученика. Часто в рефератах встречаю фразы из моих статей, без ссылки, конечно. Но это меня радует: семена дают всходы. Прямых продолжателей моих исследований, активно сотрудничающих со мной, пока не было.

В.Г. Буданов. Надо помочь человеку раскрыть себя, а с кем он будет работать по жизни, какое будет поприще, не важно. Вот если бы это была, например, физика, да еще экспериментальная, там связка ученик–учитель в ежедневном общении – естественный процесс. Я работаю на философских факультетах, где, конечно, у меня есть студенты, курсовые, дипломники, аспиранты. Я очень радуюсь, когда они приносят что-то новое, увлекаются чем-то. У меня нет ревности к их увлечениям, потому что у меня была своя траектория развития в зрелом возрасте от физики к философии, у них свой путь чистых философов. Мы с И.А. Герасимовой, видимо, не совсем типичные руководители научных школ. Сейчас создать научную школу крайне сложно в силу того, что ребята отвлекаются на жизненные обстоятельства, им нужно решать личные проблемы, зарабатывать на жизнь.

И.А. Асеева. Все собравшиеся поработали в экстремальном, интенсивном режиме. Многие из поднятых сегодня проблем требуют более глубокого и вдумчивого изучения. Уважаемые коллеги старшего поколения, вы хотите что-нибудь сказать в заключение?

В.Г. Буданов. Мы, конечно, всех проблем не решим, но они обозначены, и это было сделано очень грамотно.

И.А. Герасимова. У меня такое подозрение, что у учащихся хорошая научная школа, это видно по стилю их работ.

В.Г. Буданов. Все доклады взвешенные, зрелые, а не какой-то полуфабрикат. Такой прямой диалог – «первый блин», хотя и далеко не комом. Я, например, очень многое почерпнул из общения, надеюсь, и вам что-то было полезно. Спасибо за вдумчивые доклады и содержательные вопросы. Отдельное спасибо И.А. Асеевой за организацию и ведение.

И.А. Герасимова. Нашу интернет-конференцию и последующее обсуждение можно считать первым знакомством. Были поставлены и обсуждались: насущные проблемы интеграции высшего образования в науку; эстафета поколений в передаче фундаментальных знаний, культуры общения и совместного творчества; возможности новых форм диалога старшего и младшего поколений в условиях ускорения познавательной и инновационной деятельности; консолидация разумных сил общества в решении кризисных проблем современности. То, что вопросов было больше, чем ответов, говорит о плодотворности продолжения совместной работы.

От редакции. Мы публикуем статью финалистки конкурса 2012 г. журнала «Эпистемология и философия науки» среди молодых ученых, аспирантов и студентов на лучшую статью по теме «Эпистемология и наука: теория, методология, история».

Психологизм – парадигма *non grata*: от философии сознания Д. Юма к критике в работах М. Хайдеггера

А.С. ПОЗДНЯКОВА

В статье рассматривается попытка М. Хайдеггера преодолеть ряд проблем философии познания, теоретизированных и оформленных в понимаемом достаточно широко психологизме. В частности, к указанным проблемам относятся: релятивизация познания и лишение объектов познавательного опыта бытийственного статуса; трансформация «истины» как состояния абсолютной достоверности Dasein в принадлежащую субъекту оценку ситуации, каковая может принимать истинностные или ложные значения. В качестве общей почвы психологизма и хайдеггерианской критики автором статьи полагается онтологический тезис о тождестве бытия и мышления, восходящий еще к досократической философии. Философия Хайдеггера исследуется как альтернативный психологизму вариант развития теории познания. Этот вариант главным образом подразумевает деантропологизацию Dasein и интерсубъективное понимание бытия-в-мире.

Ключевые слова: теория познания, психологизм, скептический релятивизм, со-

липсизм, деантропологизация Dasein, кризис идентичности, Мартин Хайдеггер, Дэвид Юм, интерсубъективность, онтологический тезис.

Из ранних систем, непосредственно предпосылающих психологизм, наиболее полной является, пожалуй, философия Д. Юма. В частности, мы видим, как Юм доводит до совершенства классификацию восприятий Дж. Локка. В то же время Юм уже далек от изначального сенсуализма. После него Канту достаточно использовать декартовское «я мыслю», чтобы провозгласить Я «трансцендентальным единством апперцепции».

Базовые тезисы психологизма восходят к теории восприятий и ассоциаций Юма. Отметим, что мы понимаем психологизм наиболее широко, в том числе как необходимое условие субъективистского и релятивистского скепсиса. В данном исследовании не ставится задача подробного изложения философии Юма, так как этот предмет вполне изучен. Из последних работ по теме укажем только на материалы международной конференции ноября 2011 г.¹ Здесь же перечислим основные тенденции философии сознания Юма, имплицитно или явно содержащие проблематику психологизма.

1. Неопределенный бытийственный статус предметов (вещей в смысле «пред-намеченных» мыслью). Подобно воззрениям, приписываемым Гераклиту, «согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно течет, а знания о нем нет»². Тем самым намечается вопрос, характерный для феноменологии (в частности, Э. Гуссерля), о запрете категории «бытия» и понимании «сущностей» всего лишь как «значений»³.

2. Две линии развития психологизма: эмпирическая и математико-априористическая. Содержание сознания изначально дано либо в ощущениях, либо в форме абстрактных суждений (например, суждений математики).

3. Агностическая позиция в отношении источника ощущения (в опыте оказывается доступным только ощущающий субъект) как следствие идеи трансценденции и субъект-объектной разделенности. Отсюда развитие субъективизма (вплоть до солипсистских форм), видящего предельное основание в работе индивидуального сознания.

4. Антропологический подход к теории познания, который особенно четко разработан в «Трактате о человеческой природе»⁴. Ум окончательно становится свойством человека, его психическим

¹ Дэвид Юм и современная философия: материалы международной конференции (Москва, 15–17 ноября 2011 г.). В 2 т. М., 2011.

² См.: *Аристотель. Метафизика* // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 79.

³ В контексте данного исследования важно проследить, как Хайдеггер завершает критику психологизма, развернутую Гуссерлем, причем эта критика направляется в том числе и на самого Гуссерля.

⁴ См.: *Юм Д. Сочинения*. В 2 т. М., 1996. Т. 1.

актом. Занятый познанием природы, ум обнаруживает свою релятивность. Концепция опытного происхождения идей ума постепенно формирует натуралистическую позицию в отношении как внутренней психической жизни, так и историко-социальных процессов.

5. Признание априорных рассудочных структур (врожденных идей), не извлекаемых из опыта, но связанных с ним и являющихся частью человеческой природы. При этом природа мышления описывается, но не постигается его сущность.

6. Ряд парадоксов, описанных Юмом и использованных в дальнейшем в критике психологизма, в частности Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером: «парадоксы когнитивной реальности, эмпирической необходимости, экстерналистского значения, индуктивного обоснования, естественной ментальности, скептического теоретизирования»⁵.

На почве рефлексии учения Юма и его последователей формируется понятийный аппарат психологизма. Источником истины и достоверности провозглашается очевидность (например, постигаемая в атомарных суждениях). Логические законы – содержание сознания, которое «переживается», т.е. сами логические законы суть «переживания». Эмпирическое (прежде всего данное в ощущениях, как последние определял Юм) сознание определяет познание. Одновременно развивается понятие субъекта. И на фоне объединения этих категориальных линий – субъективность, очевидность, первично данное сознание, предельное обоснование – истина оказывается так или иначе «сокрытой» в индивидуальном сознании, проще говоря, приобретает статус мнения.

Для немецкой философии начала XX в. психологизм являлся угрозой существующему университетскому порядку: «Гуссерль, таким образом, связал психологизм с позицией, табуированной институциональными нормами гумбольдтовского “исследовательского университета”, основанного на идее поиска научной истины.

“Скептический релятивизм” – уже нарушение институциональной нормы. Это легко подтвердить, если обратить внимание на то, что осуждение скептицизма является общим местом для университетских философов. В особенности настойчиво эта норма утверждается, например, по отношению к философии Дэвида Юма...»⁶

Классическими аргументами против психологизма принято считать тезисы Фреге. «Задачей логики, по Фреге, является изучение законов истинности, а не мышления»⁷, т.е. необходимо отделить от ло-

⁵ Касавин И.Т. Эпистемологические парадоксы Юма // Дэвид Юм и современная философия: материалы конференции... С. 11.

⁶ Куренной В. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос. 2010. № 5. Т. 78. С. 181.

⁷ Сорина Г.В. Психологизм и антипсихологизм: возникновение, циклы подъема // Логическое кантоведение-4 : труды международного семинара. Калининград, 1998 (цит. по: Цифровая библиотека по философии. – <http://filosof.historic.ru>).

тики все, что можно отнести к эмпирической психологии – теорию восприятий и ощущений в том числе. «Мысли» же, дабы вывести ее из плена психологизма, надо придать надындивидуальный характер. В естествознании это положение закрепилось как принцип объективности – независимости постулатов от личности и состояний исследователя. Резюмирующей формулой данного положения Фреге о чистом мышлении является известный семантический треугольник, где можно увидеть четкие границы между смыслом (содержанием сознания), знаком (связующим звеном) и значением (предметом наблюдения или указания).

Гуссерль – еще более популярный критик психологизма своего времени. Согласно Гуссерлю, любое знание имеет самоочевидные предпосылки, которые обнаруживаются посредством феноменологической редукции, очищения сознания от эмпирического содержания. Это возможно, по мысли Гуссерля, если отказаться от естественной установки и не делать каких-либо суждений о мире (принцип *Epoche*).

Однако и та и другая попытки решить проблему психологизма обременены основным вопросом трансцендентальной философии, восходящим еще к онтологическому тезису Парменида и устанавливающим специфические для западной философии средства описания – бинарные оппозиции познаваемого и непознаваемого, априорного и апостериорного, внутреннего и внешнего, субъективного и объективного. Здесь необходимо указать на основную причину спора немецкого трансцендентализма (включая философию Хайдеггера) и психологизма, понятого как скептицизм, – общее поле проблемы. Не случайно Хайдеггер в «Бытии и времени» так настойчиво обращается к Пармениду⁸. Установленный им принцип тождества бытия и мысли ведет в обе стороны – радикальная субъективистская позиция, которая как раз и предполагает абсолютизацию саморефлексивности психики, и попытки указать на надындивидуальный характер первого закона логики.

Особого внимания заслуживают две ранние работы Хайдеггера: «Проблема реальности в современной философии»⁹ и диссертация

⁸ «Трактат, в собрании аристотелевских трактатов по онтологии стоящий на первом месте, начинается предложением: *pantes anthropoid tou eidenai oregontai fusei*. В бытии человека сущностно лежит забота видения. Тем вводится разыскание, стремящееся раскрыть происхождение научного исследования сущего и его бытия из названного способа бытия присутствия. Эта греческая интерпретация экзистенциального генезиса науки не случайна. В ней доходит до эксплицитной понятности то, что намечено в положении Парменида: *to gar auto noein estin te kai einai*. Бытие есть то, что кажет себя в чистом созерцающем внимании, и лишь это видение открывает бытие. Исходная и аутентичная истина лежит в чистом созерцании. Этот тезис остается впрямь фундаментом европейской философии...» (Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011. С. 170–171).

⁹ Heidegger M. Das Realitätsproblem in der modernen Philosophie // Gesamtausgabe. Frühe Schriften (1912–1916). Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann Verlag, 1978. XII.

«Учение о суждении в психологизме»¹⁰. Третья работа того же ряда, но более поздняя (зимний семестр 1925–1926 гг.), посвящена фундаментальным проблемам логики – *Logik. Die Frage nach der Wahrheit* («Логика. Вопрос истины»). В ней к нашей тематике непосредственно относятся параграфы 6–10, где представлены разбор самого понятия психологизма, критических тезисов Гуссерля и соотнесение проблемы с исходными позициями, а именно с философией Аристотеля. При изучении упомянутых работ необходимо учитывать, с одной стороны, связь философии раннего Хайдеггера с критикой психологизма Гуссерля, которая в свою очередь была неоднозначно воспринята современниками и в некоторых случаях даже привела к обвинению автора собственно в предмете критики¹¹, с другой стороны, в дальнейшем сформировавшуюся самостоятельную позицию Хайдеггера, позже проговоренную весьма четко в «Бытии и времени».

В «Учении о суждении в психологизме» Хайдеггер расширяет традиционную критику психологизма со стороны феноменологии, придав проблеме универсальный характер. Теперь психологизм обнаруживается и в учениях о суждении. Хайдеггер анализирует противоречивость психологизма, в пределе взятого как скептический релятивизм. Дело в том, что любая теория, в том числе теория психологизма, понимается как «единство замкнутых в себе тавтологически-истинных предложений... дедукция»¹² (таков греческий смысл понятия «теория»). Соответственно дедуктивная аргументация должна быть последовательной и непротиворечивой, она не содержит предположений и вероятностных суждений. Иначе говоря, особенность дедукции в ее аксиоматичности. Поэтому выводы такой теории не могут противоречить самой аксиоме: «Если теоретическое содержание высказывания теории явно отрицает условия ее возможности, то она по сути своей является абсолютно бессмысленной и предельно непоследовательной...»¹³

Скептицизм, отрицая возможность рационального знания, направлен, таким образом, против себя самого. Аналогичным способом доказывается противоречивость вытекающего из скептицизма релятивизма (антропологизма). Если речь ведется об истинности, то в понятие истины вкладывается ее тождественность. И когда говорят об относительной истине, эта тождественность нарушается. Что же касается самого психологизма, то суть его противоречивости состоит в

¹⁰ Heidegger M. Die Lehre vom Urteil im Psychologismus // Ibid.

¹¹ Куренной В. Указ. соч.

¹² Хайдеггер М. Гуссерлевская критика психологизма // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. 2003. Вып. 6. – <http://www.eunnet.net/sofia>; Husserls Kritik des Psychologismus // *Logik. Die Frage nach der Wahrheit* // *Logik. Die Frage nach der Wahrheit* (Wintersemester 1925/1926); hrsg. W. Biemel. Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann Verlag, 1976. VIII. S. 43–53.

¹³ Там же.

«смешении реального психического бытия и идеального бытия законов»¹⁴, в несводимости разумных истин к истинам фактическим и наоборот. Так, например, обстоит дело с самим законом противоречия. Закон гласит о невозможности сосуществования двух противоречащих суждений. Психологистский вывод – невозможность сосуществования отмеченных суждениями положений дел.

В рассуждениях Хайдеггера явно просматривается номиналистская тенденция. Но это не должно вводить в заблуждение. Еще в 1922 г. в «Феноменологических интерпретациях Аристотеля» Хайдеггер пишет: «При определении смысла “истины” обычно взывают к Аристотелю как к первосвидетелю. Согласно ему, “истина” есть якобы то, что “имеет место в суждении”, более точно – “истина” есть “соответствие” мышления предмету. В то же время это понятие истины понимается как основание так называемой теории отражения познания. У Аристотеля не обнаруживается даже следа ни от этого понятия истины как “соответствия”, ни от общепринятого понимания logos как значимого (geltenden) суждения, ни прежде всего от “теории отражения”. Призывать Аристотеля в главные свидетели теоретикопознавательного уродства так называемого “критического реализма”, возникшего в апологетике вопреки ложно понятому “идеализму”, означает в корне неверно понимать ситуацию с феноменами, как она представлена согласно первоисточникам»¹⁵. Скорее всего в этом месте Хайдеггер имеет в виду именно ответ трансцендентального идеализма Канта на скептицизм Юма.

Далее в критике психологизма Хайдеггер резюмирует: «Основной закон своим простым суждением затрагивает невозможность единого смысла, полагаемого в этих предложениях. А есть В и А не есть В – несовместимость мыслимых “В-бытия А” и “не В-бытия А” абсолютно ничего не говорит о психическом переживании и состоянии, или о их сосуществовании»¹⁶. То есть мы видим здесь противоположную номинализму точку зрения – положение о бытии надындивидуальных логических законов. Таким образом, в понятии «истина» уже заложена деантропологизация. При этом истине не придается статус «реальности». Реальность – мир чувственного опыта, из которого черпает свою проблематику психологизм. Реальность не может дать основания познания. Его дает только «идеальное бытие», понятое феноменологически, а не субъективно-идеалистически. Достоверность физических и психических законов реальна, выводится индуктивным методом, а потому вероятностна, правдоподобна. Аподиктическая достоверность доступна только теории, по Хайдеггеру,

¹⁴ Хайдеггер М. Гуссерлевская критика психологизма.

¹⁵ Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации). СПб., 2012. С. 116–117.

¹⁶ Хайдеггер М. Гуссерлевская критика психологизма.

не имеющей связи с фактами, в том числе с фактами мышления, психической жизни: «Они (законы мышления) не являются законами в качестве правил протекания психических событий, но законами о “предложениях”. Однако предложение есть то, что обсуждается в суждении, проговариваемое положение дел: В есть А, не В есть А, несовместимость которых не является невозможностью мышления, но мыслится как таковое. Психически больной человек, например, может весьма успешно осуществить оба тезиса, соединив их в сознании»¹⁷.

Критика психологизма в ранних работах является значимой предпосылкой в разработке Хайдеггером учения о смысле бытия. Так, важным аспектом психологизма Хайдеггер считает натуралистическую установку, противопоставляющую разум и дух (смысл). В «Бытии и времени», а также в поздних работах по греческой философии видно, как эта установка связывается с подменой вопроса о смысле бытия вопросом о способах существования сущего и далее – природного сущего (phusis)¹⁸.

В «Бытии и времени» Хайдеггер повторяет свой ранний тезис: причина психологизма – метафизическое разделение на реальное и идеальное. Однако его прежняя позиция претерпевает некоторые изменения: мы видим стремление видеть жизнь (бытие) в ее целостности, а посему концепция психологизма требует не столько радикальной деструкции, сколько критического уточнения: «И не вообще ли при внимании к “действительному” вынесению суждения разделение реального осуществления и идеального содержания неоправданно? Не расщепляется ли действительность познания и суждения на два бытийных способа и “слоя”, скрепить которые познавательному способу бытия никогда не удастся? Не прав ли психологизм, что противится этому разделению, хотя сам он и не проясняет, ни даже просто как проблему не знает бытийный способ мышления помысленного?»¹⁹

Требуемое уточнение находим в обращении к аристотелевскому положению о приравнивании «переживаний души» к вещам. Оно было транслировано на понятие истины, которая с тех пор стала определяться как «согласование» суждений с предметом. Но Хайдеггер отмечает, что Аристотель ни в коем случае в подобных суждениях не имел в виду истину. Истина не достигается путем согласования высказывания и сущего. «Быть-истинным (истинность) значит быть-раскрывающим... Бытие-истинным Logos'a как arophansis'a есть aletheuein по способу arophainesthai: давать видеть–изымая из потаенности–сущее в его не-

¹⁷ Хайдеггер М. Гуссерлевская критика психологизма.

¹⁸ См., например: Хайдеггер М. О существе и понятии Phusis // Т.В. Васильева. Семь встреч с М. Хайдеггером. М., 2004.

¹⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 217.

потаенности (раскрытости)»²⁰. «Непотаенность» в хайдеггеровской терминологии – «сами вещи», «сущее в *как* его раскрытости». Раскрытость сущего предполагает «разомкнутость» мира²¹. «Разомкнутость» в свою очередь – основная характеристика Dasein как вот-бытия. Индексировать и описать ее можно с помощью трех базовых экзистенциалов Dasein – расположением, пониманием и речью.

Dasein, однако, нельзя понимать антропологически, хотя многие авторы стремятся интерпретировать Dasein как человеческую реальность (таков, например, был французский перевод – «la realite humaine»). Изъятие из Dasein антропологических коннотативов формально представляется окончательным отходом от психологизма. В заблуждение, конечно, может ввести описание Dasein на первых страницах «Бытия и времени»: «Это сущее, которое мы сами всегда суть и которое среди прочего обладает бытийной возможностью спрашивания»²². И далее: «Рассмотрение присутствия сообразно *всегда-моему* характеру этого сущего должно постоянно включать *личное* местоимение: “я есмь”, “ты есть”»²³. Однако позже Хайдеггер акцентирует внимание на том, что антропологическая установка присутствует лишь на онтическом уровне понимания Dasein. Человек для Хайдеггера – это субъект повседневности. В повседневном бытии самости «каждый оказывается другой и никто не он сам»²⁴. «Кто» повседневности оказывается бытием самости. Внимание акцентируется на Dasein как событий других. Но и это дает повод интерпретировать Dasein скорее в смысле фейербаховского «рода», т.е. перенося субъективно-антропологическую проблематику в область антропологии человечества.

В поздней философии Хайдеггера направленность на дезантропологизацию Dasein становится еще более радикальной. «Что могло, – продолжает Хайдеггер, – навести на ложную мысль, будто вопрос о Dasein и соответственно о бытии (Sein) следует решать, лишь обращаясь к человеку». Между тем центральный для Da-sein момент «Да» «в качестве события исходит от самого бытия» (*Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 65. Beitrage zur Philosophie. Frankfurt a/M, 1989. S. 299*)²⁵.

Важнейшим пунктом психологической установки является апелляция к очевидности в опыте – от очевидности «атомарных» фактов

²⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 219.

²¹ Напомним, что, согласно Хайдеггеру, понятие мира утрачивается в натуралистической установке, которая отождествляет мир с физически или психически данным неприсутствиеразмерным сущим.

²² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 7.

²³ Там же. С. 42.

²⁴ Там же. С. 128.

²⁵ Цит. по: Мотрошилова Н.В. Экзистенциализм. Глава 1 // История философии: Запад–Россия–Восток (книга четвертая: Философия XX в.). М., 2000. С. 48.

внешнего мира до очевидности *Ego Cogito*²⁶. Но в потоке чувственно-го опыта («естественная установка», по Гуссерлю), в заботе о непри-сутствиеразмерном сущем мысль очевидностью не обладает. Пред-метом мысли может быть истина и только истина. Иначе мы имеем дело не с мыслью, а с чем-то другим – с «наличностью». Истина как «удержание в сохранности бытия» оказывается сокрытой и трансфор-мируется в свою противоположность. Сам этот поток рождается в субъекте, который в свою очередь – результат «падения» *Dasein* на мир. Деструкция психологизма через экспликацию *Da-sein* как вот-бытия была бы невозможна без устранения его основы – субь-ект-объектной познавательной структуры.

Оппозиции «субъект-объект», «физическое-психическое», «чув-ственный опыт-рассудок» – результаты забвения вопроса о смысле бытия («бытия с мыслью»). Одновременно происходит смысловая подмена: бытия – сущим, ума – интеллектом, истины (*Aletheia*) – псевдодостоверностью суждений о мире (*Pseudos*), мира – природой (*Phusis*). Если истина скрыта за индивидуальными ощущениями, эмо-циями и идеями, это еще не повод считать *Dasein* утратившим свою основанность в бытии. «Падение присутствия нельзя поэтому брать и как “трехпадение” из более чистого и высшего “прасостояния”. Та-кое не-бытие надо понимать как ближайший присутствию способ быть, в каком оно большей частью держится»²⁷. Однако эта ситуация последовательно порождает ряд установок, среди которых простран-ство, время, законы логики являются способами упорядочения содер-жаний сознания, перцепций (психологизм); поскольку о существовани-ии или несуществовании внешнего мира ничего не известно, все яв-ляется результатом творчества и содержанием индивидуального сознания (субъективизм); даже если существуют другие индивиды, познание относительно и условно (релятивизм).

Получив определение субъекта психологистская установка, каза-лось бы, должна изжить сама себя. Однако «кто», будучи присутствиеразмерным сущим и имея связь с бытием, начинает задавать самореф-лексивные вопросы, направленные на это бытие. Хайдеггер анализирует эту ситуацию «саморасщепления» субъекта. Не находя с помощью рассудка субстанции ни в окружающем, ни в себе (в силу обнаружения нерелевантного представлением о достоверности содержания созна-ния), *Dasein* справедливо ставит под сомнение реальность внешнего и внутреннего. «Субъект», «субстанция», «душа» как категории подвер-гаются номиналистической критике и объявляются «пучками впечат-

²⁶ Даже антипсихологистская установка Гуссерля не свободна от этого. Результа-том феноменологической редукции по Гуссерлю является чистая установка – направ-ленность сознания на объект (интенциональность). Последняя, однако, предполагает субъект-объектную взаимоотношенность. Это, по мнению Хайдеггера, и является причиной дальнейшего заблуждения.

²⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 176.

лений». «Бытие» же рассматривается как результат гипостазирования логической связки. Бесконечность опыта и принципиальная невозможность остановиться в чувствах на чем-то «неделимом» (хотя бы следуя определению Аристотеля «опыт – познание единичного») лишь усиливают энтропию смысла и порождают технологизированное, бесконечно жаждущее потребления сознание.

Наряду с критикой субъективистских и релятивистских категорий Хайдеггер отмечает фундаментальный кризис естествознания (эта тема восходит еще к философии Гуссерля). Здесь, конечно, имеет значение то, что и Гуссерль, и Хайдеггер в некоторых случаях обращались к узкому пониманию психологизма как наблюдаемого ими процесса определения философии через психологию, которая в свою очередь претендовала на статус естественно-научной дисциплины. Все, что касается «естества», «природы», «фюсис» как предельного и неизбежного предмета познания, вызывает у Хайдеггера неприязнь, порождая в нем радикальное переосмысление «физического» путем глубокой филологической интерпретации.

Деструкция психологизма ведется путем переосмысления таких понятий, как *Aletheia* и *Noein*. Именно они являются ключом, отпирывающим «бытие»: «дианоэтические добродетели» как «способы распоряджения возможностью осуществления подлинной сохранности бытия»²⁸. Прежде всего *Noein* необходимо вывести из смыслового круга *intellectio*. Ноэин не имеет отношения к рассудочно-рациональному отражению природных явлений, которое на поверку оказывается лишь верой в причинность, обусловленной привычкой (Юм). Рассудок перескакивает через феномен открытости мира, исчисляя неприсутствиеразмерное сущее и приписывая ему бытийственность. В частности, выступая против системы философии Декарта, Хайдеггер пишет: «Какой бытийный способ присутствия фиксируется как адекватный способ доступа к тому сущему, с чьим бытием как *extension* Декарт равняет бытие “мира”»? Единственный и подлинный доступ к этому сущему есть познание, *intellectio*, а именно в смысле математически-физического познания»²⁹. Здесь пусть не смущает читателя пример, на первый взгляд относящийся скорее к рационализму, нежели к эмпирической установке, в которой психологизм якобы зарождается. Сциентистские начинания XVII в. общи в натурализации и антропологизации разума. Об этой общности Хайдеггер продолжает: «Декарту нет надобности ставить проблему адекватного доступа к внутримирному сущему. Под несломленным господством традиционной онтологии об аутентичном способе постижения собст-

²⁸ Речь о *sophia* и *phronesis* как «подлинных способах исполнения *Nous* – чистого видения как такового» (Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации). С. 112).

²⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 95.

венного сущего заранее решено. Он лежит в *Noein*, “созерцании” в самом широком смысле, которого *Dianoein*, “мышление”, есть лишь фундированная форма осуществления»³⁰. Но Хайдеггер хочет понять *Noein* через его изначальный греческий корень *Nous* – даже не способность, а сфера, отождествляемая Парменидом с бытием. В более поздних работах Хайдеггер полностью изымает линейную рассудочность из *Noein*. Истинное мышление становится удержанием бытия в его несокрытости.

Интересным замечанием здесь было бы то, что Хайдеггер в отмеченной нами трактовке мышления (*Noein*) фактически углубляет положение Юма об ассоциациях идей, только одним из видов которых является причинность. Очистив мышление от субъективистской установки и субъект-объектной структуры, Хайдеггер по сути делает психологизм радикальным, объявляя мышление чем-то вроде «чувствилища» Бытия. «Мы мыслим еще не в собственном смысле слова»³¹, – говорит Хайдеггер в одной из поздних своих работ. Если бы мы мыслили по-настоящему, то не нуждались бы в поиске ответа на вопрос о смысле бытия: «По-настоящему более всего требующее осмысления по-прежнему сокрыто. Для нас оно еще не стало достойным мышления»³². Единственный способ, которым мы можем понять *Noein*, – через восприятие. Поэтому Хайдеггер переводит онтологический тезис Парменида: «Ведь то же самое есть восприятие и то, ради чего оно (восприятие) есть. Ибо без бытия сущего, в котором сказалось оно (т.е. восприятие), восприятия тебе не найти»³³. И здесь есть о чем подумать: тема достижения *Noein* остается открытой. «Главная черта мышления – это представление. В представлении разворачивается восприятие. Само представление – это ре-презентация. Почему же мышление основывается на восприятии?»³⁴

Итак, проблема сознания в своем историческом развитии сделала еще один виток. Где-то она обернулась абсолютным психологизмом без субъекта, где-то – апологией эстетически-ноэтического восприятия Космоса, греческой гармонией, гармонической синхронией вопреки линейной причинности.

Подведем итоги нашего обозрения обращением к социальному контексту. В широком смысле психологизм актуальной современности весьма многообразен: от популярных в массах слоганов американского кинематографа до тонких исследований в области математической логики. Надо отметить, что психологистская установка в ее

³⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 96.

³¹ Хайдеггер М. Что значит мыслить? // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 145.

³² Там же.

³³ Там же. С. 143.

³⁴ Там же. С. 144.

«расхожем» выражении: «Весь мир – мои впечатления/мой сон/моя воля» и, как следствие, «Все существует потому, что я мыслю/переживаю/чувствую» раскрывается на фоне распространения восточных учений, энтропии смысла в обществе потребления, большого количества неупорядоченной информации, развития института свободы личности и создания экранизированных фабул с простым философско-релятивистским подтекстом³⁵. Здесь психологизм работает в сцепке с крайним индивидуализмом и/или нигилизмом. Показательно в этом контексте количество изданий Ф. Ницше, выпускаемых в последнее время, в том числе издательствами, специализирующимися на издании беллетристики. Неужели так много людей, достаточно подготовленных для принятия идеи вечного возвращения равного или имморализма?

В социальном плане все это свидетельствует о кризисе идентичности – с одной стороны, размываемой скептическим отношением («Если нет объективных причин и следствий, то нет и смысла», «Все есть сон Брахмы»), а с другой стороны, радикализуемой как необходимый и неизбежный способ выживания Эго («Я – единственный»). Наиболее злободневным в связи с этим становится вопрос об «ответственности» философов перед обществом. Историческая практика показывает, что первые ступени скептицизма достаточно легко осваиваются не только студентами философских кафедр (и именно скептицизм в форме психологизма пользуется «наибольшим спросом»³⁶), тогда как его изощренные формы и критика оказываются доступными лишь немногим. Так, по-прежнему большая часть работ Хайдеггера требует знания немецкого языка, а фундаментальный труд «Бытие и время» на русском языке – понимания интеллектуальной изысканности переводчика.

Параллельно развивается академическая философия по вопросам, поставленным психологизмом. Последователи Хайдеггера разрабатывают обновленные концепции субъекта. Утраченная в ходе постструктуралистской критики субъективность вновь привлекает интерес. Это уже не поиск неделимого Я (после того как основным принципом внутреннего и внешнего опыта были провозглашены ассоциации, Я становится чем-то вроде предмета веры), но вопрос о существовании Другого субъекта (согласно Левинасу, например, единственный гарант моего Я – это Другой) или об «отрекающемся» субъекте.

³⁵ Примерами таких сюжетов насыщен современный западный кинорынок: «Нирвана» Г. Сальвадореса, «Беги, Лола, беги» Т. Тьквера, «Матрица» Э. и Л. Вачовски, «Господин Никто» Ж.В. Дормалья, «Начало» К. Нолана и многие другие.

³⁶ Привычное определение истины как характеристики суждений, а суждений как мыслей, отрицающих или утверждающих что-либо о предмете, превращается в психологистскую установку в тот момент, когда опыт познания предмета провозглашается индивидуально-уникальным. Поэтому психологизм можно назвать «естественной установкой», доступной каждому.

екте (как у Лаку-Лабарта, который, во многом следуя Хайдеггеру, разрабатывает концепцию дезистирующего, самоотрицающего субъекта).

Особого внимания заслуживает тема интересубъективности. Углубленную критику субъективизма и релятивизма предлагают сторонники консенсуса. Так, первичность диалога по отношению к индивидуальному сознанию провозглашает К.О. Апель в своей программе трансформации философии. Во многом под влиянием немецкой герменевтики Апель формулирует перформативный аргумент, призванный ответить на вопрос о дурной бесконечности сомнения: «Существа, встречающиеся в мире, с самого начала не рассматриваются как существующие или “наличные” объекты теоретического наблюдения и предикативной детерминации. Скорее они видятся как “подручные, рассматриваемые с точки зрения заботы и пред-понимаемые с этой точки как нечто” (т.е. как то, что имеет значение). Поэтому мир как таковой не просто некий агрегат наличных объектов... Но, согласно Хайдеггеру, мир – “обстоятельства, в которых происходит указывающее само на себя понимание как горизонт возможных встреч существ, имеющих особую значимость”... С точки зрения предпосылок этой хайдеггерианской концепции мира, те... вопросы, которые выдвигались в рамках традиционной рефлексии..., оказываются псевдопроблемами. Например, вопрос о том, являются ли все объекты... лишь содержанием человеческого сознания. Этот вопрос должно считать псевдопроблемой, так как те способы бытия-в-мире, которые предполагаются в критическом вопрошании, а именно “бытия с” простыми представлениями (репрезентациями), или данными чувственного опыта или бытия в принципе единичного, могут быть поняты нами только как “недостаточные способы” бытия-в-мире как “бытия с самими сущими” и “бытия-вместе-с” другими людьми»³⁷.

По-прежнему актуален поиск истоков психологической установки в древних пластах человеческой мысли. Такого рода археология сознания, достигшая апогея в трудах Хайдеггера, должна приобрести более четкие, рациональные очертания за счет филологической и герменевтической работы современных авторов.

³⁷ *Apel K.O. Meaning Constitution and Justification of Validity: Has Heidegger Overcome Transcendental Philosophy by History of Being? // From a Transcendental-Semiotic Point of View. Manchester ; N.Y. : Manchester University Press, 1998. P. 105.*

От редакции. Мы публикуем статью лауреата поощрительной премии конкурса 2012 г. журнала «Эпистемология и философия науки» среди молодых ученых, аспирантов и студентов на лучшую статью по теме «Эпистемология и наука: теория, методология, история».

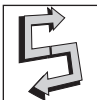
Совместимы ли натурализованная эпистемология и эволюционизм?

А.В. ХРАМОВ

В статье рассматривается натуралистический подход к решению основной проблемы эпистемологии – поиску обоснования знания. Отказавшись от традиционного предположения о привилегированном доступе познающего субъекта к первоначалам собственного познания, натуралисты в своих поисках обращаются к данным науки. При этом они сталкиваются с эволюционизмом, который лежит в основе современной научной картины мира. Автор, развивая аргумент Э. Плантинги о несовместимости эволюционизма и натурализма, показывает, что длительная эволюционная предыстория познавательных способностей человека не позволяет сделать заключение о достоверности знания, полученного с их помощью. Это заставляет либо признать проект натурализованной эпистемологии неудачным и вернуться к эпистемологии интерналистской, либо отказаться от современной науки в пользу телеологического мировоззрения.

Ключевые слова: натурализованная эпистемология, априорное знание, эмпиризм, эволюция, естественный отбор.

1. Натурализованная эпистемология и эпистемология кабинетная

Эпоха натурализованной эпистемологии (*naturalized epistemology*) началась с одноименной статьи Уилларда Куайна, которая увидела свет в 1969 г. В ней, к ужасу многих философов старой закалки, эпистемологическое исследование было провозглашено составной частью психологии. «Старая эпистемология пыталась включить в себя естественную науку... Напротив, эпистемология в ее новом облике сама включена в естественную науку как раздел психологии»¹. Приверженцы натурализованной эпистемологии, число которых с момента выхода статьи значительно увеличилось², считают, что теорию познания нельзя создать исключительно философскими средствами, без привлечения данных эмпирических наук, таких, как психология, социология, биология.

Подобное использование достижений науки в философских построениях не означает, что натурализованная эпистемология является возвратом к какому-то наивному эмпиризму. По удачному выражению Ричарда Фелдмана, в качестве основного объекта критики эпистемологических натуралистов выступает *кабинетная* (*armchair*) эпистемология. Сторонники этой парадигмы, которая ведет отсчет еще с времен Рене Декарта, могут придерживаться как эмпиризма, так и априоризма. Главное, что их объединяет, это *интерналистский* (субъектоцентричный) подход. Абстрагируясь от выводов науки о человеческом мозге, от когнитивной психологии и от истории развития и передачи идей, «философы полагают, что могут сказать что-то о человеческом знании, сидя в своих кабинетах»³.

Ситуация кабинетного мыслителя⁴ – это ситуация познающего субъекта, который, оказавшись наедине с собой, пытается дать ответ на вопрос о первоосновах познания. «Предположим, что я сижу в сво-

¹ Куайн У.В.О. Слово и объект. М., 2000. С. 380.

² Данная статья не претендует на то, чтобы дать обзор натурализованной эпистемологии: уже в 1994 г. список работ, посвященных этой теме, приведенный в сборнике «Naturalizing Epistemology» под редакцией Хилари Корнблит (Cambridge, 1994), насчитывал 854 наименования. За прошедшие 20 лет количество текстов, в которых обсуждается натурализованная эпистемология, возросло еще в несколько раз. Наша задача – лишь обозначить общую логику натуралистического подхода.

³ Feldmann R. Naturalism in Epistemology // EurAmerica. 1998. Vol. 28. P. 1–38.

⁴ «Интерналист полагает, что, просто размышляя над состоянием своего сознания, он может сформулировать эпистемологические правила, которые позволят ему выяснить, является ли обоснованным любое возможное суждение... <Эти правила>... можно применять, просто сидя в своем кабинете, без посторонней помощи» (Chisolm R. Theory of Knowledge. 3rd ed. NJ, 1996. P. 76).

ей комнате, обратившись лицом к огню... Моя кровать и мой стол, мои книги и бумаги всегда одинаково появляются передо мной и не меняются из-за перерыва в моем зрении... Если я теряю их из виду, закрыв глаза или повернув голову, то вскоре после того снова нахожу их перед собой...»⁵ Р. Декарт в этой ситуации сделал вывод о том, что единственным бесспорным первоначалом философии может быть уверенность в собственном существовании, Д. Юм – о первичности ощущения, И. Кант – о существовании универсальных и общеобязательных априорных категорий, которые предшествуют всякому эмпирическому познанию.

Однако в действительности кабинет не может быть первичной точкой отсчета: прежде чем в нем оказаться, философы родились на свет, затем научились формулировать свои мысли и получили образование, пронизанное духом их эпохи. Более того, философы являются представителями вида *Homo sapiens*, который, прежде чем некоторые его отпрыски расселись по кабинетам, прошел длительную эволюцию. Поэтому физиологические процессы, речевые навыки и философские интуиции, присущие кабинетным эпистемологам, делающим свои выводы, не представляются самоочевидными, они сами нуждаются в прояснении. В этом и состоит основной посыл натурализованной эпистемологии.

2. Эмпиризм и привилегированный доступ

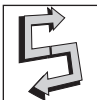
Кабинетная эпистемология основана на допущении о *привилегированном* доступе, которым обладает субъект по отношению к основаниям своего познания. Философ может заблуждаться даже относительно кровати, стоящей в его кабинете (вдруг это обман зрения?), но есть некие самоочевидные первоначала, относительно которых ошибка невозможна. «Обоснование находится полностью в моих руках... Я могу быть мозгом в банке или находиться во власти демона Декарта, но обоснованность убеждений все равно зависит от меня»⁶, – описывает этот подход Элвин Плантинга. «*S* исключительно при помощи *размышления* может выяснить, обоснованно ли для него то или иное убеждение, с *уверенностью* определив, обладает ли оно свойствами, позволяющими считать его обоснованным»⁷ (курсив мой. – А.Х.).

Эмпирическая версия кабинетной эпистемологии говорит о том, что познание может быть сведено к сумме ощущений познающего

⁵ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании. М., 2009. С. 282–283.

⁶ Plantinga A. Warrant: The Current Debate. N.Y., 1993. P. 19.

⁷ Ibid. P. 6.

субъекта (неважно, является он мозгом в банке или нет)⁸. Именно эта максима легла в основу философского проекта Рудольфа Карнапа («Логическое построение мира», 1928), крах которого и послужил исходной точкой рассуждений Куайна. Карнап попытался «перевести все предложения о мире в термины, выражающие чувственные данные, или наблюдения, плюс логику вместе с теорией множеств»⁹. В этом смысле он принадлежал к классическим кабинетным философам, пытающимся сделать выводы о познании мира, не вставая с кресла. Как указывал Виктор Крафт, «в системе Карнапа все понятия могут быть лишь преобразованием квазисоставных частей *собственного* потока переживаний»¹⁰ (курсив мой. – А.Х.).

Куайн подчеркивает, что эпистемологи не способны свести даже простейшие научные понятия к высказываниям об элементарных единицах чувственного опыта субъекта. Из этого следует, что не эмпирическая наука должна быть объяснена при помощи познавательных способностей философа (которые якобы взялись из ниоткуда), а, напротив, сами эти способности должны быть осмыслены с использованием научного инструментария. Натурализованная эпистемология принадлежит к неклассическим теориям познания, согласно которым «познание не может начинаться с нуля», поскольку «всякая критика предполагает некую точку опоры, принятие человеком чего-то, что не критикуемо в данное время и в данном контексте»¹¹. Такую точку опоры натуралисты и предлагают искать в эмпирических науках.

3. Априорное знание: экстерналистский взгляд

Еще более рельефно интернализм традиционной эпистемологии проявляется в ее различных априористских изводах, когда в основу всей системы познания кладутся принципы, которые субъект находит в готовом виде, обращаясь к самому себе. Говоря словами Канта, ап-

⁸ Х. Корнблит в предисловии к сборнику текстов, посвященных натурализованной эпистемологии, трактует эмпиристскую программу, критикуемую Куайном, как фундаментализм (foundationalism): «Фундационалисты пытаются показать, что существует класс суждений – обычно суждений о нашем чувственном опыте – относительно которых ошибиться невозможно. Эти суждения рассматриваются как достаточные для обоснования всех остальных суждений» (Kornblith H. Introduction: What is Naturalistic Epistemology? // *Naturalizing Epistemology*. Cambridge, 1994. P. 1–15). По сути понятие фундаментализма перекрывается с понятием интернализма, так как выявить первоначала («фундамент») познания невозможно вне особого режима доступа к ним.

⁹ Куайн У.В.О. Указ. соч. С. 372.

¹⁰ Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., 2003. С. 133.

¹¹ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 109–110.

риорное знание – это все то, что «рассудок черпает из самого себя (aus sich selbst schöpft) без заимствований из опыта»¹². Трансцендентальное исследование, в ходе которого выявляются априорные категории, с точки зрения натуралистов представляет собой «разновидность интроспективного осмысления процессов и конституции сознания. Но что такое сознание?.. Его процессы и конституция зависят от того, что происходит в нашем теле, сознание не парит свободно над эмпирическим миром»¹³.

Отрицательное отношение приверженцев натурализма к априорному знанию в глазах многих философов стало чуть ли не главным отличительным признаком этого направления. Так, согласно «эмпирическому тезису», который сформулировал Ноа Лемос, «натурализованная эпистемология утверждает, что эпистемологические проблемы должны быть разрешены эмпирически и эмпирическая наука является центральной для решения этих проблем»¹⁴. В качестве иллюстрации этого тезиса Лемос приводит слова натуралиста Джеймса Маффи: «Эпистемология, подобно науке, это предприятие a posteriori. Эпистемологические вопросы – суть вопросы эмпирические, они разрешаемы a posteriori». Иначе говоря, в основе натурализованной эпистемологии лежит «отрицание картезианской идеи построения первой философии, априорного оправдания всего знания»¹⁵.

В действительности натурализм в эпистемологии связан не столько с полным отрицанием априоризма, сколько с его переосмыслением с позиций экстернализма. Так, согласно Э. Голдману, ведущему теоретику релейабиллизма (одно из основных направлений в натурализованной эпистемологии¹⁶), натурализм «не отбрасывает автоматически все априорные источники обоснования (warrant) как неизбежно неопределенные, непостижимые, оккультные и эпистемо-

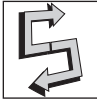
¹² Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 237; Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Hamburg, 1956. S. 288.

¹³ Johansson L.G. Kant versus Quine: Transcendentalism or Naturalism? // Uppsala Philosophical Studies. 2011. Vol. 54. P. 115–128.

¹⁴ Lemos N. An Introduction to the Theory of Knowledge. Cambridge, 2007. P. 208.

¹⁵ Johansson L.G. Op. cit.

¹⁶ Релейабиллизм в середине 1970-х был предложен Э. Голдманом как один из способов разрешения парадокса Геттиера: «Истинность предложения не должна была быть случайной, а значит, внешний мир должен как-то воздействовать на предложение... По этому пути пошел Голдман, связав процесс генерации знания с каузальными – материальными – процессами переноса неких внешних обстоятельств на свойства предложения – скажем, через фактическое восприятие, подразумевающее... цепь причинно связанных событий, ведущих от события во внешнем мире через физические и физиологические процессы к конечному формулированию высказывания» (Антоновский А.Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология и философия науки. 2010. № 4. С. 101–118). Этот подход (доработанный позднее самим Голдманом и его последователями) получил значительную популярность: «Эпистемологические натуралисты тяготеют к различным версиям релейабиллизма» (Kvanvig J. Scientific Naturalism and the Value of Knowledge // Knowledge and Reality : Essays in Honor of Alvin Plantinga. Dordrecht, 2006. P. 193–214).

логически скомпрометированные»¹⁷. При этом философ, настаивая на возможности знания *a priori*, сохраняет за ним лишь три характеристики: это знание (1) не происходит из ощущений (опыта), (2) является необходимым и (3) относится к абстрактным сущностям (таким, как математические объекты).

Три другие характеристики, которые традиционно приписываются априорному знанию (непогрешимость, достоверность и рациональная безупречность (*incorrigibility*)), Голдманом отвергаются. В отрицании *абсолютной* достоверности априорного знания с ним сходится и Плантинга, другой типичный представитель натурализма. Плантинга оспаривает утверждение Хилари Патнэма: «Если у вас есть априорное обоснование для *p*, то в будущем у вас не может появиться никаких рациональных или эмпирических поводов пересмотреть это обоснование». Но, как пишет Плантинга, хотя «априорное обоснование действительно независимо от опыта... из этого не следует, что оно неотъемлемо, непогрешимо, рационально неоспоримо в картезианском смысле... или что суждения, сформулированные *a priori* независимо от опыта, не могут быть скорректированы или опровергнуты суждениями, происходящими из других источников...»¹⁸

Натуралисты в отличие от кабинетных эпистемологов, которые выводят априорное знание из будто бы непогрешимой философской интуиции познающего субъекта, видят в нем (как и в знании апостериорном) продукт естественных процессов, *не застрахованных от ошибки*. Как сказал Куайн, эпистемологические проблемы – это проблемы вида приматов¹⁹. Едва ли у кольчатого червя или у шизофреника есть априорное представление об универсальном законе причинности. Чтобы оно появилось, требуется пересечение процессов²⁰, имеющих разный временной масштаб: знание *a priori* – это одновременно и результат эволюции головного мозга, и продукт правильного взаимодействия между нейронами в этом мозгу.

Для Голдмана источниками обоснования априорного знания (*a priori warranters*) являются *врожденные* процессы («составная часть фундаментальной когнитивной архитектуры личности») в противоположность методам (то, чему можно научиться). Причем познающий субъект

¹⁷ Goldman A. A Priori Warrant and Naturalistic Epistemology // *Noûs*. 1999. Vol. 33. P. 1–28.

¹⁸ Plantinga A. Warrant and Proper Function. Oxford, 1993. P. 112.

¹⁹ Quine W.V. The Nature of Natural Knowledge // *Mind and Language*. Oxford, 1975. P. 67–81.

²⁰ Собственно, субъективное познание – это всего лишь точка, образованная пересечением нескольких процессов, от которых зависит его надежность, причем существование этих процессов далеко не всегда очевидно самому познающему субъекту, особенно если он абстрагируется от данных науки. Никто не способен заглянуть под крышку своего черепа или же, сидя в кресле философского кабинета, проследить эволюцию своих предков. Разумеется, подобный подход исключает возможность привилегированного доступа субъекта к основаниям собственного познания.

ект самостоятельно не может определить, где же заканчиваются процессы и начинаются методы, для этого ему следует обратиться к психологии. «Если философы хотят отличить обоснования a priori от других типов обоснований (warranters)... то психология нужна нам, чтобы сказать, какие процессы являются частями нашей фундаментальной когнитивной архитектуры, а какие относятся к вновь усвоенным методам»²¹.

Голдман, основываясь на работах психологов и этологов, указывает, что «детеныши человека и животных, начиная с 5 месяцев, чувствительны к числам», а «обычные люди обладают неким подобием дедуктивной системы, *встроенной в их головы*» (курсив мой. – А.Х.)²². Все это, считает философ, свидетельствует об априорном характере математического знания и дедуктивной логики. Надо ли говорить, насколько такой характер аргументации противоречит интерналистскому подходу кабинетной эпистемологии? Натурализм, выводящий априорное знание из научных наблюдений, а не из философской интроспекции, по выражению Голдмана, «преодолевают традиционную дихотомию между знанием a priori и a posteriori».

4. Естественный отбор – гарант достоверности знания?

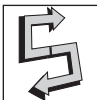
Отказ приверженцев натурализма от абсолютных критериев достоверности, связанный с пересмотром статуса априорного знания и сопровождающийся обращением к эмпирическим наукам, заставляет некоторых исследователей видеть в нем чуть ли не тотальное отрицание всей философской традиции прошлого. Например, как утверждает Том Рокмор, «общая суть притязаний натурализма может быть описана как поворот к докантианскому, а в действительности даже доплатоническому подходу к знанию с акцентом на единстве философии и науки, к эмпирическому подходу к природе и науке как главному и даже единственному когнитивному ресурсу»²³.

Но использование данных психологии или биологии при решении эпистемологических вопросов не предполагает, что философия должна прекратить свое существование, растворившись в этих дисциплинах. Можно спросить: зачем вообще нужен философский анализ познания, если о процессах чувственного восприятия и том, что происходит в нашем мозгу, могут сказать ученые? Однако научный

²¹ Goldman A. Op. cit.

²² Ibid.

²³ Рокмор Т. Натурализм как антикантианство // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 14–29.

подход – сугубо дескриптивный, он не предписывает никаких *норм*, которым мы *должны* следовать, чтобы достигнуть истины²⁴. «Умеренные натуралисты»²⁵ настаивают, что эпистемология не может обойтись без *нормативного* компонента. Натурализованная эпистемология не отказывается от поиска *обоснования* знания, и в этом плане она остается в рамках философского проблемного поля²⁶.

Руководствуясь экстерналистским подходом, натуралисты пытаются найти критерии обоснованного знания в различных научных дисциплинах: в когнитивной психологии, как это делал Голдман в своих первых книгах, в социологии²⁷, к которой он обратился впоследствии, в эволюционной биологии. В ходе этого поиска неизбежно встает вопрос не только о работе познавательных способностей (памяти, логического мышления, органов чувств), но и о процессах, чьи продукты являются сами эти способности. Обоснование знания неотделимо от контекста его *возникновения*: «Эпистемологическое обоснование (justification) суждения есть функция надежности (reliability) процесса, приводящего к нему»²⁸. Поэтому натурализованная эпистемология, прослеживая эти процессы и «отматывая» их

²⁴ Экстерналисты, как указывает Р. Чизолм, отождествляют обоснованность и истинность (*Chisolm R. Theory of Knowledge... P. 77*). В рамках интерналистского подхода если те или иные суждения представляются субъекту обоснованными, это не значит, что они истинные. Но для экстерналистов обоснованность суждений зависит от внешних процессов, а не от мнения самого субъекта на этот счет. Поэтому знанием могут обладать даже животные.

²⁵ В качестве примера умеренного натурализма большинство исследователей приводят взгляды Голдмана (См.: *Roth P.A. Naturalizing Goldman // The Southern Journal of Philosophy. 1999. Vol. 37. P. 89–111*). Подходу Голдмана часто противопоставляют подход Куайна, которого принято причислять к сторонникам радикальной версии натурализованной эпистемологии, предполагающей полное вытеснение философских вопросов естественно-научными (*strong replacement thesis*). Однако едва ли это справедливо – взгляды Куайна не были столь радикальны (См.: *Johnsen B. How to Read "Epistemology Naturalized" // J. of Philosophy. 2005. Vol. 102. P. 78–93*).

²⁶ «Теория познания (эпистемология) – это не просто анализ способов получения и структуры знания... Эпистемология как раздел философии... это проблематизация того, что считается знанием», а «вопрос об обосновании и есть главное в проблеме знания». *Лекторский В.А. О проблеме знания // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 74–76.*

²⁷ Обращаясь к социологии, Голдман оппонирует «ревизионистской» версии социальной эпистемологии, к представителям которой можно отнести Д. Блура и С. Фуллера. (См.: *Goldman A. Why Social Epistemology is Real Epistemology // Social Epistemology. Oxford, 2010. P. 1–28*). Следовательно, не совсем справедливо утверждение Е.А. Мамчур: «Сторонники натуралистического подхода настаивают на том, что они порывают с классической эпистемологией, рассматривавшей науку как особую сферу деятельности, цель которой – добывание объективно истинного знания. Отказываясь от классической эпистемологии, они исследуют процесс и результаты познавательной деятельности безотносительно к вопросу об их истинности и ложности» (*Мамчур Е.А. Существуют ли границы социологического подхода к анализу научного знания? // Наука: возможности и границы. М., 2003. С. 216–236*). Голдман, будучи сторонником натурализма, при этом не отказывается от поиска критериев обоснованности знания.

²⁸ Этот принцип лежит в основе релябилизма: *Miller S.I., Fredericks M. Reliabilism «Naturalized» // Social Epistemology. 2002. Vol. 16, № 4. P. 367–376.*

все дальше в прошлое, в конечном счете приобретает *историческое, эволюционное* измерение.

Такой подход хорошо согласуется с современными научными тенденциями, которые, по словам В.С. Стёпина, «выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма»²⁹. В соответствии с этими принципами «все, что происходит в мире, действие всех природных и социальных законов можно представить как постоянный *отбор*, когда из множества возможностей выбираются лишь некоторые классы и типы состояний» (курсив мой. – А.Х.). Из этого следует, что поведение большинства объектов, изучаемых наукой, «определяется предшествующей историей их эволюции»³⁰.

Обращаясь к современной науке, буквально пропитанной эволюционизмом, натурализованная эпистемология вольно или невольно вынуждена искать источник обоснования знания в эволюции познавательных способностей. Одним из первых это осознал Карл Поппер – предложенная им «эволюционная теория познания» с полным правом может быть отнесена к образцам натуралистской³¹ мысли. Подобно Голдману и другим натуралистам, Поппер отрицает «необходимо истинный» характер знания а priori, предшествующего восприятию, и считает его погрешимым и предположительным. Априорное знание, согласно Попперу, является врожденным и наследуемым, оно воплотилось в структуру организма, нашло отражение в его физиологии и органах чувств. «Изобретение глаза есть изобретение нового теоретического знания а priori, нового приспособления к окружающей среде»³².

Содержание априорного знания в такой натуралистической трактовке практически совпадает с его традиционным пониманием: «Зна-

²⁹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. С. 641.

³⁰ Там же. С. 657.

³¹ В том, что касается методологии науки, Поппер отвергает натуралистический подход: «Воззрение, согласно которому методология является эмпирической наукой, т.е. изучением действительного поведения ученых или реальной “научной деятельности”, может быть названо натуралистическим» (Поппер К. Логика научного исследования. М., 2005. С. 49). Неважно, как рождаются теории и о чем думают ученые, когда их выдвигают. Важно лишь, фальсифицируемы они или нет. Однако когда Поппер обращается к эпистемологии в целом, он рассуждает как натуралист, поскольку эволюционный механизм *происхождения* знания (познавательных способностей) является для него критически важным.

³² Поппер К. К эволюционной теории познания // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2006. С. 208. Примечательно, что для Поппера, как и для Голдмана, важен тот факт, что «животные могут иметь какое-то знание». Согласно Голдману, это свидетельствует о том, что знание – это просто продукт надежного познавательного процесса, и для того чтобы им обладать, не требуется дополнительная рефлексия и дополнительные суждения (meta-beliefs). В противном случае «дети и животные не смогут иметь обоснованные суждения и знания... так как обычно у них нет никаких суждений по поводу генезиса или надежности способов, которыми они получают знание» (Lemos N. Op. cit. P. 86–87).

ние а priori включает, в частности, знание о структуре пространства и времени... и о причинности»³³. Однако его обоснование, предлагаемое Поппером, радикально иное и строится на теории естественного отбора. Поскольку организмы, обладающие априорным знанием, допустим, о локализованности явлений в пространстве, в процессе эволюции не вымерли, то его можно считать обоснованным (пусть и не абсолютно). Отсюда вытекает, что обоснованы и знания, получаемые с помощью органов чувств, так как их работа построена на априорных категориях (например, зрительный анализатор представляет организму информацию об окружающем мире в пространственной форме).

По схожей схеме развивает свою аргументацию и Х. Корнблит. Она задается вопросом: отличается ли способ, которым мы приобретаем знание, от способа, каким мы *должны* его приобретать? Положительный ответ на этот вопрос (означающий, что наше знание обоснованно) можно дать в том случае, «если природа так сконструировала процессы производства суждений (belief-generating processes), что они неизбежно предрасположены в пользу истинного знания»³⁴. По мнению Корнблит, подобную «предрасположенность к истине» гарантирует эволюционный процесс: организмы, не способные адекватно познать окружающую среду, просто отбраковываются. «Естественный отбор работал в пользу способностей, ответственных за получение знаний, поэтому процессы производства суждений, как правило, производят истину»³⁵.

5. Адаптивность и эволюция познавательных способностей

Можно ли сделать заключение о достоверности наших познавательных способностей исходя из их эволюционной предыстории? Является ли эволюционная теория тем базисом, на который натурализованная эпистемология может опереться, не отказываясь при этом от рассмотрения проблемы истинности наших знаний? От ответов на эти вопросы во многом зависит судьба всей эпистемологии как философской дисциплины. Вот почему тезис американского философа Плантинги, известный как «эволюционный аргумент против натурализма» (evolutionary argument against naturalism) и посвященный несовместимости эволюционистской картины мира и натуралистического подхода к познанию, привлек значительное

³³ Popper K. К эволюционной теории познания. С. 206.

³⁴ Kornblith H. Naturalizing Epistemology. Cambridge, 1987. P. 3.

³⁵ Kornblith H. Knowledge and its Place in Nature. Oxford, 2002. P. 57.

внимание³⁶. Теологическая подоплека этого тезиса, как мы увидим ниже, вторична по отношению к его общефилософскому содержанию.

Сам Плантинга стоит на позициях натурализованной эпистемологии: «Позиция, которую я занимаю, – это радикальный натурализм: подчеркнуто натуралистическая поза модна в наши дни, и это большое наслаждение – присоединиться к общему празднику. Взгляды, которые я отстаиваю, лучше всего могут быть поняты как пример натуралистической эпистемологии, здесь я следую за Куайном (сохраняя небольшую дистанцию)...»³⁷ Плантинга не оставляет никаких сомнений в ортодоксальности своего натурализма: «Тип обоснования (warrant), предлагаемый мной, – это пример натуралистической эпистемологии, он не предполагает привлечения видов нормативности, которые не содержатся в естественных науках, единственный приемлемый тип нормативности должен строиться на данных таких наук, как психология и биология»³⁸ (пусть и переосмысленных в теистическом ключе). При этом, как указывает Плантинга, «натурализм в эпистемологии наиболее приемлем в контексте теистического восприятия человеческих существ: натурализм в эпистемологии требует сверхъестественного в антропологии»³⁹. Философ считает, что современная эволюционная биология, не предполагающая участия Бога в возникновении *Homo sapiens*, не позволяет обосновать надежность человеческого аппарата познания. Дело в том, что если наши познавательные способности «вышли на сцену после миллиардов лет эволюции, происходившей путем естественного отбора, дрейфа генов и других слепых процессов, источником которых являются случайные генетические мутации»⁴⁰, то мы не можем быть уверены в истинности нашего знания. «Вероятность того, что познавательные способности человека надежны (reliable), т.е. по большей части производят истинные убеждения», довольно низка в том случае, если они «являются результатом слепых механизмов наподобие естественного отбора»⁴¹.

Существуют как минимум три причины, по которым натурализованная эпистемология и эволюционизм не совместимы. Все они так или иначе были обозначены в книге Плантинги «Обоснование и должная функция» (особый упор был сделан философом на первый довод).

³⁶ Так, был выпущен специальный сборник статей, посвященный обсуждению этого аргумента (См.: *Naturalism Defeated? : Essays on Plantinga's Evolutionary Argument Against Naturalism*. N.Y., 2002).

³⁷ *Plantinga A. Warrant and Proper Function*. P. 46.

³⁸ *Ibid.* P. 194.

³⁹ *Ibid.* P. 46.

⁴⁰ *Ibid.* P. 217.

⁴¹ *Ibid.* P. 219.

1. *Адаптивность представлений не всегда предполагает их истинность*: «эволюция заинтересована не в истине, а в выживаемости или приспособленности»⁴². Вообразим себе, говорит Плантинга, человекообразных существ, населяющих одну из отдаленных планет. Мы знаем, что эти существа долго эволюционировали и сумели выжить. Можем ли мы из этого заключить, что они способны добывать истинные знания? Плантинга считает, что нет: поведение, способствующее выживанию, может основываться и на убеждениях, далеких от истины. С точки зрения естественного отбора неважно, о чем думали наши предки-гоминиды, убегая от тигра. Они могли представлять себя спринтерами на стадионе, а рычание тигра воспринимать как выстрел сигнального пистолета. Их поведенческая реакция в этом случае была бы так же адаптивна, как и у гоминид с истинными представлениями об окружающем мире.

2. *Аппарат познания истины может мешать выживанию*: «не обязательно, что надежные познавательные системы сильнее повышают приспособленность по сравнению с ненадежными»⁴³. Производство истинных суждений предполагает память, в которой может храниться большой объем информации, органы чувств, сканирующие окружающую действительность с высокой точностью, развитой аналитический аппарат. Однако содержать все это для организма может быть слишком затратно с энергетической точки зрения. Поэтому нельзя исключать, что естественный отбор действует против организмов, обладающих познавательными способностями, наиболее соответствующими задаче получения обоснованного знания.

3. *Многие эволюционные изменения, включая те, что затрагивают наши познавательные способности, вообще не несут адаптивного смысла*⁴⁴. Этот аргумент, на мой взгляд, наиболее принципиален в свете обсуждаемой проблемы. Рассматривая его, уместно вспомнить об известной статье «Надсводное пространство собора св. Марка и панглоссианская парадигма: критика адапционистской программы»⁴⁵, написанной палеонтологом Стивеном Гулдом в соавторстве с биологом Ричардом Левонтином. В ней критикуется стремление мно-

⁴² Plantinga A. Op. cit. P. 219.

⁴³ Ibid. P. 221.

⁴⁴ Н. Луман отмечал, что «не все изменения фенотипа живых существ могут быть объяснены как более удачное приспособление» (Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 39). Луман небезосновательно распространял эволюционную модель на общество (вспомним об универсальном эволюционизме современной науки). Из этого следует, что те натуралисты, которые в надежде доказать обоснованность нашего знания обращаются к социологии, сталкиваются с теми же проблемами неадаптивности, с которыми мы имеем дело в эволюционной биологии. «Эволюция системы вовсе не приводит к более эффективной приспособленности (к внешнему миру) одних систем сравнительно с другими» (Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. С. 46).

⁴⁵ См.: Gould S.J., Lewontin R.C. The spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: a Critique of the Adaptationist Program // Proc. Roy. Soc. L., 2005. P. 581–598.

гих ученых видеть чуть ли не в каждой детали строения живых организмов то или иное приспособление к окружающей среде. Подобно вольтеровскому Панглоссу, который полагал, что нос предназначен для ношения очков, такие исследователи считают, что все (или почти все) анатомические, физиологические или поведенческие особенности, раз уж они появились в ходе эволюции, обязательно выполняют какую-либо функцию: бесполезных органов не бывает.

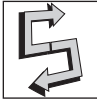
В действительности ход эволюции во многом определяется исторической инерцией и конструктивными ограничениями. Организм, адаптируясь к новым условиям, не начинает с нуля, он вынужден пользоваться багажом, который достался ему от предков. Если ваши предки миллионы лет жили в водной среде, то, чтобы перейти к жизни на суше, вам придется приспособлять для этого структуры, совершенно не предназначенные к сухопутному образу жизни. Сложно ожидать, что в подобной ситуации результат будет оптимальным⁴⁶ – те или иные ограничения неизбежно дадут о себе знать. Гулд и Левонтин в своей статье писали об участках пространства, которые образованы полукруглыми арками собора св. Марка. Эти участки существуют не потому, что они кому-то нужны, нет, просто у здания подобного типа их не может не быть. Подобным образом у каждого организма есть процессы и органы, чье существование определяется его исторически сложившейся конструкцией, а не задачами, поставленными естественным отбором⁴⁷.

Как указывал Гулд в книге, посвященной кембрийской фауне, «множество структур может быть объяснено лишь тенью их прошлого... Дарвин понял, что совершенство не может быть доказательством в пользу теории эволюции, поскольку оптимальное устройство скрывает следы истории. Если перья устроены превосходно, то они могут быть как сотворены всемогущим Богом из ничего, так и возникнуть из предшествующей анатомии в ходе естественного процесса. Дарвин показал, что главным доказательством эволюции должны быть причуды, странности⁴⁸ и несовершенства, свидетельствующие

⁴⁶ Как подчеркивает Плантинга, ссылаясь на философа Стивена Стича, «нет причин полагать, что у естественного отбора всегда есть возможность добиться оптимального устройства» (*Plantinga A. Op. cit. P. 221*).

⁴⁷ Даже если подобные структуры выполняют какие-то функции, они сугубо вторичны: надсводное пространство в соборе св. Марка появилось не ради выполненных на нем росписей. Наоборот, эти росписи были выполнены, чтобы найти хоть какое-нибудь применение пустующему пространству.

⁴⁸ Классическим примером такой странности является «нерациональное» устройство возвратного гортанного нерва – прежде чем подойти к гортани, которую он иннервирует, этот нерв спускается из черепа в грудную клетку, делая тем самым лишнюю петлю. Такая сложная траектория объясняется происхождением наземных позвоночных от предков-рыб. Бессмысленность подобного устройства особенно очевидна в случае длинношеих животных, таких, как динозавры-зауроподы: длина возвратного гортанного нерва у них могла достигать 28 м, что не способствовало скорости передачи сигнала. Некоторые ученые даже называют этот нерв *памятником неэффективности* (См.: *Wedel M.J. A Monument of Inefficiency: The Presumed Course of the Recurrent Laryngeal Nerve in Sauropod Dinosaurs // Acta Palaeontologica Polonica. 2012. Vol. 57. P. 251–256*).

о путях истории»⁴⁹. Например, уже первый палеонтолог-дарвинист Владимир Ковалевский писал об *инадаптивных* примерах редукции у парнокопытных, когда «кисть, теряя свои боковые пальцы, *не приобретает лучшего приспособления* к изменившимся механическим условиям передвижения и опоры тела, кроме утолщения оставшихся пальцев... часть ее занята *бесполезным* остатком (рудиментом) пятого пальца... При этом способе унаследованные признаки сильнее изменений»⁵⁰ (курсив мой. – А.Х.).

Особенно важно помнить о таком неадаптивном и в общем-то случайном историческом багаже, если говорить об эволюции познавательных способностей. Плантинга, развивая свою аргументацию, цитирует письмо Ч. Дарвина к Уильяму Грэхему (1881): «У меня всегда возникают страшные сомнения по поводу убеждений нашего разума, который произошел от разума низших животных, – имеют ли они какую-либо ценность и полностью ли они заслуживают доверия. Будет ли кто-нибудь доверять убеждениям в сознании обезьяны, если там вообще найдутся какие-либо убеждения?»⁵¹ Если наши познавательные способности являются продуктом длительного исторического развития, они неизбежно нагружены неадаптивным и случайным балластом, что ставит под сомнение надежность их работы.

Поппер отдавал себе отчет в существовании этой проблемы, но панглоссианский оптимизм не позволил ему осознать всю ее глубину. «Возможно, существуют *некоторые* формы человеческого знания, не являющиеся... формами приспособления или попытками приспособиться. Однако, грубо говоря, *почти все* формы знания некоторого организма... служат ему для приспособления к выполнению задач, актуальных для него в данный момент времени, или же задач, которые могут встать перед ним в будущем»⁵² (курсив мой. – А.Х.). Но именно эти «некоторые» формы, не затрагиваемые напрямую действием естественного отбора, имеют, как правило, гораздо большее значение для познания мира, чем представления, сопряженные с адаптивным поведением.

Допустим, естественный отбор гарантирует истинность⁵³ ваших представлений о том, как выглядят самки и самцы тигров, поскольку в случае ошибки вы не оставите потомства или будете съедены. Но что тогда гарантирует обоснованность ваших научных или математи-

⁴⁹ Gould S.J. Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History. N.Y. ; L., 1989. P. 300.

⁵⁰ Цит. по: Борисяк А.А. В.О. Ковалевский, его жизнь и научные труды. Л., 1928. С. 101–102.

⁵¹ Plantinga A. Op. cit. P. 219.

⁵² Popper K. К эволюционной теории познания. С. 200.

⁵³ Впрочем, Плантинга доказывает, что естественный отбор не гарантирует обоснованность даже элементарных представлений, непосредственно связанных с выживанием (см. п. 1 на с. 171).

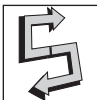
ческих представлений? Познавательные способности, лежащие в их основе, могли эволюционировать *как угодно*, поскольку ничто не мешало особям, не способным к адекватному познанию истин космологии или теории множеств, успешно выживать и размножаться.

Конечно, можно сказать, что процессы познания, не имеющие *прямого* отношения к выживанию и размножению, тем не менее являются *побочными продуктами* развития адаптивных навыков. Индуктивная логика, необходимая для научного познания, выросла из умения наших предков делать выводы о повадках всех тигров после столкновения с одним из них. Дедуктивная логика, лежащая в основе математического мышления, развилась из представления о том, что одно и то же животное не может быть одновременно и тигром, и антилопой. Изменения в нервной системе, вызванные давлением естественного отбора, в силу физиологических причин повлекли за собой более глубокие перестройки, не связанные напрямую с приспособляемостью. Но где гарантия, что познавательные способности, возникшие таким окольным путем, могут производить достоверное знание? Значит ли, что стружки, необходимый продукт столярного производства, столь же функциональны, как и столы со стульями?

Далее вспомним о самом материале, который подвергался эволюционным перестройкам. Кто знает, в каком направлении трансформировалась когнитивная архитектура, не имеющая прямого адаптивного смысла, когда наши предки перестали быть мелкими ночными зверьками и перешли к жизни на деревьях, а потом вновь спустились с них, приспособившись к обитанию на открытых пространствах? Какие конструктивные ограничения по части познания существовали в связи с такой эволюционной историей? Быть может, если бы наши предки вели иной образ жизни, то и суждения, получаемые при помощи наших неадаптивных познавательных способностей, были бы иными? Конечно, если бы экологическую нишу первых гоминид заняли потомки каких-нибудь грызунов, они тоже научились бы отличать тигра от антилопы. Но разве были бы выводы их науки (предположим, что она у них возникла) тождественны результатам научного познания *Homo sapiens*?

6. Натурализм и телеология

Итак, надежность наших познавательных процессов нельзя обосновать ссылками на их генезис. Напротив, именно то, что наши познавательные способности являются продуктом длительной эволюции, заставляет сомневаться в их надежности. Это означает крах не только эволюционной эпистемологии, но и всего современного натурализма, который пытается искать обоснование познания во внешнем контек-

сте. Из этой ситуации существует всего три выхода: (1) вообще отказаться от исследования оснований нашего знания и растворить эпистемологию в эмпирической науке; (2) вернуться к интерналистской парадигме и поиску самоочевидных первооснов познания, относительно которых нельзя ошибиться; (3) пренебречь научными данными и пересмотреть внешний контекст, чтобы «спасти» натурализм. Поскольку первый рецепт особых комментариев не требует, а интерналистский подход был рассмотрен выше, то вкратце обсудим третий вариант.

Показав, что естественный отбор не гарантирует надежность наших познавательных способностей, Плантинга, стремясь остаться на натуралистических позициях, предложил с *теистических* позиций пересмотреть эволюционистскую картину мира, созданную современной наукой. Если в формировании человека принимало участие благое и всемогущее Существо, то у нас нет повода сомневаться в том, что мы способны к познанию истины. «Бог хотел, чтобы Его создания могли оценить красоту мира, силу искусства и поэзии, поэтому наши познавательные системы наделены соответствующей функцией и эта функция реализуется должным образом вне зависимости от того, дает ли это какое-либо преимущество, необходимое для выживания»⁵⁴.

Конечно, указывает Плантинга, мы можем отвергнуть тезис о существовании Бога – но тогда нам придется распрощаться и с надеждой обосновать наши знания о мире. По сути философ предлагает вернуться к *телеологическому* мировоззрению, в рамках которого функции (цели) вещей предшествуют их появлению. «Природа двояка: с одной стороны, как материя, с другой – как форма, она же цель, а ради цели существует все остальное, она и будет причиной “ради чего”... В растениях полезные им части возникают ввиду определенной цели, например листья ради защиты плода»⁵⁵. Про наши познавательные способности также можно сказать, что они существуют ради познания истины, и тогда вопрос об обоснованности человеческого знания отпадает⁵⁶. Правда, вопреки Плантинге, телеология не обязательно предполагает личного Бога-Творца – скажем, Аристотель и другие античные авторы, рассуждавшие в телеологическом ключе, обходились без этого представления.

Примирить телеологический подход с современной наукой не представляется возможным. Идея «управляемой эволюции», кото-

⁵⁴ *Plantinga A.* Op. cit. P. 209.

⁵⁵ *Аристотель.* Физика. М., 2007. С. 45.

⁵⁶ «Животное же необходимо имеет ощущение, если верно, что природа ничего не делает напрасно. Ведь все в природе существует ради чего-то...» (*Аристотель.* О душе // Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 445). Чтобы животное не существовало напрасно, у него должны быть ощущения, чтобы ощущения не существовали напрасно, они должны быть достоверными – «ощущения всегда истинны» (Там же. С. 431).

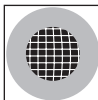

рую Плантинга предлагает в качестве компромисса, не снимает противоречий. Если Бог не сотворил человека сразу, а лишь управлял эволюционными процессами, которые привели к его возникновению, то это не отменяет проблемы конструктивных ограничений. Бог, вынужденный творить человека не из куска глины, а из продуктов эволюции тероморфной рептилии, при всем желании не сможет оптимизировать⁵⁷ все человеческие органы и навыки, включая наши познавательные способности. Лодку нельзя переделать в самолет без некоторых потерь в функциональности. Если структура предшествует функции⁵⁸, то между ними всегда будет некий зазор, в который, если мы говорим о работе познавательных способностей, ускользает обоснованность нашего знания.

В конечном счете если мир является результатом стихийных исторических процессов, не подчиненных никакой цели, то, желая отыскать в нем точку опоры, мы можем уповать лишь на самих себя, обращаясь к самоочевидным (self-presenting, пользуясь выражением Родерика Чизолма) данностям сознания. Кабинетная эпистемология и историческое, эволюционистское мировоззрение – это продукты одной эпохи – Нового времени. В рамках статичного аристотелевского универсума, где все подогнано и приспособлено друг к другу, бессмысленно спрашивать о том, могут ли наши органы чувств добывать адекватную информацию об окружающем мире, поскольку они как раз и существуют *для того*, чтобы делать это. Плантинга, желая спасти натурализм, советует нам обратиться к подобным взглядам. Но не проще ли признать, что сама натурализованная эпистемология ошиблась эпохой? В телеологическом контексте она, пожалуй, уместна. Но в свете эволюционистского мировоззрения мы волей-неволей должны быть интерналистами, чтобы вообще оставаться философами.

⁵⁷ Сторонники телеологии настаивают именно на *оптимальности* устройства *всех* структур организма. Так, обсуждая анатомию кисти, К. Гален пишет: «В строении органов»... ни в одном случае нет ни в чем ни недостатка, ни избытка... Безумец тот, кто не понимает функций, приданных рукам, или тот, кто думает, что иное строение могло быть для них полезней... природа всякую вещь создала искусно» (Гален К. О назначении частей человеческого тела. М., 1971. С. 148). Разумеется, в рамках этого подхода сомнений в надежности работы наших познавательных способностей (мышления, памяти, органов чувств) быть не может: как и все остальное, они устроены наилучшим образом.

⁵⁸ Родоначальник палеонтологии Жорж Кювье, который полагал, что функция предшествует структуре, был поэтому активным противником эволюционизма. «Всякое организованное существо образует целое, единую замкнутую систему, части которой соответствуют друг другу и содействуют, путем взаимного влияния, *одной конечной цели*» (Кювье Ж. О переворотах на поверхности земного шара. М., 1937. С. 130. Курсив мой. – А.Х.). Очевидно, что такая тотальная целесообразность организма непредставима, если свой план строения он унаследовал от предков, живших в иных условиях. Кстати, Кювье непосредственно вдохновлялся телеологической философией Аристотеля и часто его цитировал.

Толковая Палея о мироздании и познании

И.А. ГЕРАСИМОВА, В.В. МИЛЬКОВ

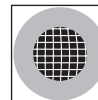
«Палея Толковая» – энциклопедический памятник Древней Руси, предположительно созданный в домонгольскую эпоху. Представляет интерес онтологическая и эпистемологическая проблематика Палеи. Анализируются своеобразие сочетания античной науки с житейским опытом, особенности аргументации и ментальности древнерусского книжника.

Ключевые слова: древнерусская книжность, Палея, Шестоднев, картина мира, антропология, познание, античная наука, житейский опыт, аргументация.

Толковая Палея: аспекты исследования

Памятник древнерусской книжности «Палея Толковая» можно по праву назвать энциклопедией богословских, философских, естественно-научных и повседневных знаний. Он был создан русским автором и представляет собой опыт оригинальной переработки весьма значительного объема книжных источников в первые столетия христианизации Руси. Создатель «Палеи» использовал уже существующие русские перево-

ды библейских книг¹, тексты произведений святоотеческого круга и апокрифы². В историографии утвердилась точка зрения, что памятник был создан в Древней Руси еще в домонгольскую эпоху³, хотя древнейшие списки этого произведения датируются XIV–XV вв.⁴ Разные списки памятника, а также философски значимые отрывки из него издавались как в оригинале, так и с переводом, снабженным комментариями текстологического, исторического и философского характера⁵.

Не только по частоте встречаемости, но и по своим содержательным признакам Палея Толковая с полным правом может быть отнесена к разряду ключевых памятников древнерусской книжности. Сюжетно-тематически памятник выстроен из толкований бытийных и исторических разделов ветхозаветной части Библии. В контексте богословской экзегезы в Палее рассматриваются различные аспекты космогенеза и мироустройства, сотворение первого человека и устройство человеческого организма, взаимодействие души и тела, формы духовных сущностей, природные стихии, естественно-научное понимание физических явлений, библейский этап истории человечества. В Палее формулировались основы православного мировоззрения, задававшиеся компактной суммой протолкованных постулатов Св. Писания и принятых в восточно-христианской церкви вероучительных истин. Православное мировоззрение задавало ориентиры в

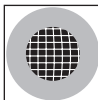
¹ См.: Михайлов А.В. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи // *Варшавские университетские известия*. 1895. № 7. С. 1–21; *Он же*. К вопросу о тексте Книги Бытия пророка Моисея в Толковой Палеи // Там же. № 9. С. 1–35; 1896. № 1. С. 1–23; *Он же*. К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой Палеи // *ИпоРЯС*. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 49–80.

² См.: *Истрин В.М.* Редакции Толковой Палеи // В.М. Истрин. Исследования в области древнерусской литературы. I–V. СПб., 1906. С. 71–72, 88–90; А.В. Михайлов. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи. С. 18–19.

³ Текстологи обосновывают русское происхождение текста и обычно датируют его создание XIII в. (См.: Михайлов А.В. К вопросу о тексте Книги Бытия. С. 21; *Истрин В.М.* Исследования в области древнерусской литературы. С. 46); *Рыстенко А.В.* Материалы для литературной истории Толковой Палеи // *ИОРЯС*. 1908 Т. XIII, ч. 2. С. 324–350; См.: *Адрианова В.П.* К литературной истории Толковой Палеи. Киев, 1910. С. 5–7; 26–29; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 12–13, 18, 31–33; *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. I. XI–первая половина XIV в. Л., 1987. С. 286. Более ранняя датировка произведения обычно увязывается с гипотезой о его южнославянском или даже византийском происхождении (См.: *Успенский В.М.* Толковая Палея. Казань, 1876. С. 127; *Жданов И.Н.* Соч. Т. 1. СПб., 1904. С. 468).

⁴ О рукописной традиции памятника и списках ее представляющих см.: *Мильков В.В.* Палея Толковая: редакции, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника // Палея Толковая. М.: Согласие. 2012. С. 601–629.

⁵ Публикации текста см.: Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892; *Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли*. М., 2000. С. 114–204; Палея Толковая. Антропологический раздел // М.Н. Громов, В.В. Мильков. *Идейные течения древнерусской мысли*. СПб., 2001. С. 561–712; Палея Толковая. М., 2002. (2-е изд. М., 2012). Палея Толковая и содержащаяся в ней проблематика космологического характера // *Космологические произведения в книжности Древней Руси*. Ч. II. СПб., 2009. С. 158–369.

жизни средневекового русича, составляло общую канву, в которую вплетались естественно-научные познания и житейский народный опыт. Составитель Палеи вложил в свое произведение сведения самого широкого характера, включая научные данные из астрономии, календаря, медицины, географии, климатологии, этологии, истории, физиологии, психологии и некоторые другие.

Текст памятника изучался в основном в произведениях текстологов⁶, историков и филологов разного профиля⁷, исследователей межкультурных контактов (особенно русско-византийских и русско-еврейских)⁸. Имеются отдельные работы, посвященные философским и естественно-научным аспектам Палеи⁹.

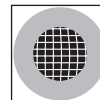
Целью данного исследования является вычленение смысловых аспектов Палеи, значимых в контексте проблематики эпистемологии и философии науки. Памятник древнерусской культуры представляет интерес не только тем, что дает возможность судить о своеобразии отечественной ментальности, но еще и тем, что имеет отношение к такому феномену духовной жизни, который можно назвать *народной*

⁶ См.: Михайлов А.В. К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой Палеи. С. 49–80; Michailov A. Zur Entstehungsgeschichte der «Tolkovaja Paleja» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1927. Bd. 4. S. 115–131; Славова Т. За протографа на Тълковната Палея // Palaeobulgarica. 1991. № 3; Баранкова Г.С. О взаимоотношениях «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и «Толковой Палеи» (текстолого-лингвистический аспект) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 262–277.

⁷ См.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 105; Борцова И.В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1989. С. 178–185; Пиотровская Е.К. Древнерусская версия «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова и «Толковая Палея» // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 138–141; Черная Л.А. Взгляд на человеческую природу в древнерусской литературе // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 131; Демин А.С. Древнерусская литературная анималистика // Там же. С. 91; Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XVIII вв. М., 1980. С. 184.

⁸ См.: Jonge M. de. The Testaments of the Twelve Patriarchs and the New Testament // Studia Evangelica. 1959. P. 546–556; Idem. Christian Influence in the Testaments. 1960. № 4; Idem. Testaments of the Twelve Patriarchs. The Study of their Text, Composition and Origin. N.Y., 1975; Алексеев А.А. Русско-еврейские литературные связи до XV в. // Jews and Slavs. Jerusalem: St. Petersburg. Vol. 1. 1993. P. 63–67; Мецкерский Н.А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода // Мецкерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 271–272, 298–299; Он же. К вопросу о византийско-славянских литературных связях // Там же. С. 314; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 355–356.

⁹ См.: Палея Толковая. Антропологический раздел // М.Н. Громов, В.В. Мильков. Идейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 561–712; Палея Толковая и содержащаяся в ней проблематика космологического характера // Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. II. СПб., 2009. С. 158–369; Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков: очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л., 1940. С. 74–76, 100–104; Водолазкин Е.Г. К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 677–683; Симонов Р.А. Календарь Палеи Толковой // Проблемы источниковедения истории книги: межведомственный сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2000. С. 39–52; Щеглов А.П. Философское содержание «Толковой Палеи» по материалам русских рукописей. М., 1994.

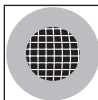
наукой. В Палее приводятся выводы и данные античной науки, а наряду с этим обобщаются обыденный житейский опыт и практики, которые подкрепляются аргументацией и описанием реальных и мысленных экспериментов. В Палее содержатся сведения эпистемологического характера о познавательных способностях, уме и чувствах, об ошибках чувственного восприятия, о роли образования и интуиции верующего. Особый интерес представляет аргументация от сверхъестественного, которой в соответствии со средневековыми стереотипами широко пользуется составитель Палеи.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой проблематики, обратим внимание на некоторые особенности произведения. Текст представляет собой компиляцию с последующим творческим развитием идей самого автора. В ряд сюжетов включены заимствования из апокрифов, что свидетельствует об определенной свободе действий автора, периодически выходявшего за рамки канона. Разнородный компилятивный материал объединяется личностью составителя, отдавшего предпочтение тем или иным сюжетам и мнениям. Две позиции – *что* написано и *как* написано, – позволяют судить об индивидуальном стиле мышления древнерусского книжника. Религиозно-философское мышление составителя сочеталось с житейской мудростью, для которой характерно образное, предметно-чувственное мировосприятие. Символизм воспринимается, если он расшифрован, в противном случае преобладает буквалистское прочтение смыслов.

Стремление увязать метафизическое с физическим, сверхъестественное с естественным, философски-богословское с житейским отвечает общей установке архаичного миропонимания, в основе которого лежит осмысленный в античной философии принцип гармонии как скрепы, соединения макро- и микрокосма, согласованности социума, человека и мира. Доктринальные установки задают ориентиры в общей картине мира. В нее вписываются осмысленные античной наукой знания и житейский опыт, который можно назвать народной наукой. Включенность нравственных устоев и эстетических установок относительно красоты как гармонии целого в общую картину мира – характерная черта архаической, природосообразной науки.

Следует иметь в виду, что натурфилософские представления о космоустройении и объяснения естественно-научного характера официально не считались доктринальными. Антиохийская, каппадокийская и александрийская богословские традиции предлагали свои модели космоустройства¹⁰. Общей чертой христианской экзегетики было стремление отгородиться от античной натурфилософии, притом что имелись прямые заимствования у предшествующих мыслителей.

¹⁰ См.: Мильков В.В. Геоцентризм и другие космологические концепции в древнерусской книжности // Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. I. СПб., 2008.

Тексты Аристотеля, систематизировавшего античные знания, заимствовались без указания первоисточника. Размежевание проходило и по способу познания. Боговдохновенность усматривалась в простоте непосредственного разума истины и ее изложения. Считалось, что античные ученые претендовали на всеведение без помощи свыше, вторгаясь в сферу сокровенного, а это в новозаветном понимании грех гордыни. Христианские экзегеты (одни в большей, а другие в меньшей степени) обращались к философии как к логическому инструменту, опирались на некоторые философские положения, изымая их из общего контекста древнегреческих философских систем. Данная установка красноречиво выражена в Палее: «Как мы можем познать ту высшую славу, которую Творец установил своей властью и о которой божественный Павел сказал “Иная слава небесных, иная слава земных” (1 Кор. 15:40) <...> Владыка потому сказал: “Отче, Ты утаил от мудрых и разумных” (Мф. 11:25), что древние философы, Платон и Аристотель и прочие витии, много думали о небесном творении, но познания не получили; нам же, сущим младенцам, [через] евангелие Христово и апостольское Предание Владыка открыл по своей благодати»¹¹.

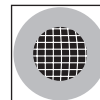
Характерно, что в Палее естественно-научное объяснение часто заменяется аргументами от авторитета и от сверхъестественного, а понятийное мышление уступает место предметному. Средством отмежевания от античной науки в определенной мере служили буквализм или буквалистское понимание символов, что наиболее характерно для антиохийской традиции богословия, к которой тяготел и составитель Палеи.

Представляется, что метод сравнения наилучшим образом позволит прояснить детали индивидуального стиля мышления древнерусского книжника.

Самобытность космологической модели в Палее

Не выходя за рамки, постулируемые христианской доктриной, Палея определяет предельные основания бытия, когда повествует о Боге, о творении материального мира и о ноуменальной (ангельской) сфере. Автор строго и последовательно руководствуется мировоззренческими установками ветхозаветной части Библии, в соответствии с которыми он реализует принципы дуальной онтологии. Как в Библии, так и в начальных разделах Палеи картина мироздания структурирована и иерархизирована, но при этом структурно-иерархи-

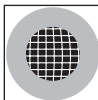
¹¹ Палея Толковая ; пер. А.М. Камчатнова. М., 2012. С. 108. Далее: Палея... Ссылки делаются на перевод. При необходимости даются отсылки на листы оригинала, с которого сделан перевод.

ческая схематика полярна. Высшая супранатуральная сфера, где пребывает Бог-Творец (абсолютная, высшая реальность), противопоставлена природной материальности, описываемой в понятиях креационизма, финализма и трансформаций. Составитель Палеи исходит из того, что полярные сферы, принципиально отличные друг от друга по своей природе, находятся в состоянии разорванности. В экзегезе на события первого и последующего дней творения Бог описывается как трансцендентный Абсолют, пребывающий вне пределов материальности. Он вечен, неизменен и бесконечно превосходит сотворенную им низшую реальность – изменчиво-текущую, склонную к распаду и поэтому весьма несовершенную. В дуальной онтологии Палеи надприродный Абсолют противопоставлен творению, а сотворенный мир по отношению к Творцу назван «иным миром», соответственно постулируется сущностное несмещение духовного и материального начал и удвоение (причем неравноправное) бытия.

Палея выделяет в картине бытия срединный слой – ангелов, которые обладают более высоким онтологическим статусом, чем природа, но более низким, нежели Бог. Они относятся к числу первотворений и наделяются почти духовной, а точнее сказать тонкоматериальной световой природой. В онтологическом смысле – это смешанные духовно-материальные сущности. Обладая такой природой, ангелы могут одновременно находиться в ноуменальной сфере и быть причастны вещественному миру, с которым они имеют общее свойство сотворенности, но от которого отличаются почти нематериальностью и бессмертием. Бесплотные силы разделены на три иерархии, каждая из которых в свою очередь членится на три иерархически соподчиненных ступени. Здесь – влияние неоплатонических установлений Псевдо-Дионисия Ареопагита, согласно которым ангелы олицетворяют собой пограничность в дуально организованной структуре мироздания. В силу двойственности (сопряженность идеальности с сотворенностью) они рассматривались в качестве связующего звена между Богом и материальным миром. Палея представляет ангелов служебными духами, которые осуществляют «несмесное» соприкосновение вечного и тленного. Как исполнители божьей воли – они посредники, но в этой своей функции они, соединяя, разграничивают горнюю и дольную сферы. С помощью этих посредников Вседержитель управляет природными процессами и народами. Ангелология – характерный признак антиохийской богословско-философской традиции и важный типологический признак рассматриваемого памятника.

Материальные сущности вторичны, их бытийный статус всецело подчинен божественному надприродному началу. В качестве материального субстрата бытия Палеей полагается четверица первоначал: огонь, воздух, земля и вода. В данном случае составитель Палеи воспроизводит те же генетически восходящие к античности взгляды, что и хорошо известный ему «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, в

котором в качестве первооснов многообразного мира фигурируют четыре первоэлемента¹². В обоих памятниках при описании космогенеза каждая из стихий отождествляется с одним из первотворений: самоотжествленные себе земля и воды, воздух, описываемый как дыхание ветренное, и огонь как стихия, причастная небу и свету и проявляющая себя в земном мире.

В Палее в образной форме воспроизводится философский принцип единого во многом (единства множественного), который мыслится как закон, данный Творцом тварному миру. Примечательно пояснение данного принципа со ссылкой на слова апостола Павла о единстве источника – Святого Духа и множестве его даров людям: «Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Кор. 12:8–10). Слова апостола пересказываются неоднократно. Пояснение действия принципа единого во многом в отношении природы делается по аналогии с действием Святого Духа в словах Павла. О воде говорится, что ей дан закон «претворять себя многообразным образом». Различаются горные и дольные воды; воздушные, надземные и подземные воды; состояния воды и проявления ее в природе. Многообразны функции воды: горная вода охлаждает светила на небе, дольная вода мыслится как живица, дающая питание живым существам, она даже ответственна за цветное многообразие.

Многообразно проявление стихии земли в зависимости от ее естества (конкретной среды). По слову Создателя земля «взрастила бесчисленное множество [растений] и покрыла [ими] свою поверхность»¹³. Принцип проявления единого во многом охватывает весь мир природы: многообразны условия среды обитания, многообразна растительность, многообразны пернатые и животные, разнообразны приспособления к жизни¹⁴.

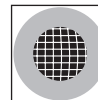
Вопросу о природе огня в Палее отведено особое место: «В Писании сказано, что огонь, самая мощная субстанция, является составной, содержащейся в [других] вещах. Вначале Бог повелел быть свету»¹⁵. Огненной природой наделялись ангелы – существа ближайшей к земле сферы – невидимого неба. Огонь понимается как символ активности, он разрушает и созидает, он – творческое начало природы и человека. В Палее светоносные ангелы обладают высшей психиче-

¹² См.: «Палей Толковая» и содержащаяся в ней проблематика космологического характера // Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. II. СПб., 2009. С. 164. Ср.: Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 91, 664.

¹³ Палей. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 26–27.

¹⁵ Там же. С. 103.

ской способностью телепатической передачи мысли: «Ангелам по природе [свойственно] понимать смысл слов безмолвно и сноситься друг с другом только мысленно»¹⁶. Мысль есть действие огненной природы.

Огонь как первоначало составляет основу всего природного мира, но для человеческого восприятия бывает невидимым. Составитель «Палеи» поясняет многочисленные проявления стихии огня на конкретных примерах. Уже сам свет есть огонь. Физическое пламя невидимо, но при ударе камня об камень, при трении кости по кости, дерева по дереву возникает огонь, молнии также огненной природы (данные примеры – общее место в «Шестодневах»). В разделе «О громе» грозовые явления объясняются преимущественным преобладанием в данном природном явлении огненной стихии. Огонь на современном языке символизирует энергию, и вполне логично предположить, что стихия огня была создана первой, поскольку творение материального мира и движение в нем невозможны без энергии.

Природная сфера мироздания рассматривается в Палее Толковой с позиций плоскоотно-комарной космологии. Во многом составитель ориентируется на антиохийскую концепцию космоустройства. Согласно этой концепции, мир представляется созданным по образу дома, в котором потолочное перекрытие отождествляется с твердью, а с кровлей символически отождествляется небо-небес, в которых пребывают ангелы. В соответствии с этой концепцией Палея описывает землю плоским пространством, а светила перемещающимися горизонтально над плоской землей. Как и у прочих антиохийцев, смена дня и ночи объясняется сокрытием солнца на ночь за высокие северные горы. Такое объяснение дня и ночи восходит к Анаксимену. Все детали космологии не прописаны. Ничего не говорится о форме Земли. Нет данных о Мировом океане, который является неотъемлемым компонентом плоскоотно-комарной космологии. В антиохийской картине мира Океан заключается в пределы дальних земель, которые служат опорой стенам космического дома, а с восточной стороны в их пределах к тому же еще локализуется земной рай¹⁷.

Гипотеза об охвате плоской земли пространством Мирового океана восходит к Фалесу и Гекатею Милетскому. Антиохийцы использовали эти идеи применительно к христианской космологии, но именно этих деталей и не воспроизвел составитель Палеи Толковой. Он перерабатывает антиохийскую концепцию и постулирует безопорное положение тверди в небесном пространстве. А при таком ре-

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ См.: Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 129, 130, 155–161; «Христианская топография» Козьмы Индикоплова и содержащаяся в ней космологическая проблематика // Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. II. СПб., 2009. С. 26–28; Баранкова Г.С., Мильков В.В. Указ. соч. С. 105–106.

шении космоустройства стены космическому дому не нужны. Образ космоса, где земля и небо удерживаются Божьей силой, а не физическими опорами, хорошо понимали средневековые художники. Безопорное положение тверди четко просматривается на миниатюре «Шестодневца», предвосхищающего Палею¹⁸, и на фреске из Успенского собора Свяжского монастыря, где второй день творения изображается на основании палейных сведений¹⁹. Таков вклад русского автора в развитие плоскостно-комарной космологии.

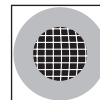
Составитель Палеи использовал и комбинировал в своем труде тексты, авторы которых придерживались разных космологических воззрений, но назвать его произведение эклектичным нельзя. Чуждые космологические постулаты просто не попадали на страницы Палеи. Достигалось это умелым отбором и редактированием заимствованных фрагментов. Составитель последовательно обходил все геоцентрические постулаты своих первоисточников, ограничиваясь либо комплиментарными своим космологическим представлениям, либо нейтральными заимствованиями. Как следствие, никакой ревизии плоскостной версии земного устройства при включении в компиляцию извлечений из трудов геоцентристов не наблюдается. Сторонников геоцентризма из богословов древнерусский книжник нигде поименно не обозначает и даже заимствует из их трудов выдержки. Выразителями идеи геоцентризма и многослойности небес у него выступают некие баснословцы, иудеи, мирские философы. О том, что геоцентрический принцип мироустройства присутствовал в экзегезе Василия Великого, Григория Нисского, Георгия Писиды, Иоанна Дамаскина, в Палее тактично умалчивается. Свою космологию составитель Палеи Толковой строит от противного. Вместе с тем мы не найдем у него апологии ни одной из существующих версий плоскостно-комарного мироустройства. Автор-составитель Палеи придерживается своей версии космоустройства.

Палея о познании

В специальном разделе Палеи «О душе, уме и мысли» излагается понимание составителем произведения природы знания и познавательных способностей, которое имеет некоторые отличия от ортодок-

¹⁸ См.: Редин Е.К. Толковая Палея XVI-го века из собрания гр. А.С. Уварова // Памятники древнерусской письменности и искусства. Вып. СХLl. СПб., 1901. С. 6. Рилуж. Рис. 1.

¹⁹ См.: Квливидзе Н.В. Сотворение мира и история Адама и Евы в росписи Успенского собора Свяжского монастыря: к проблеме интерпретации сакрального пространства в русском искусстве XVI в. // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 346. Рис. 2.

сальной точки зрения. Автор синтезирует взгляды Платона и Аристотеля, точнее их интерпретацию в христианской экзегезе. Но в этих переработках присутствует обобщение и авторского опыта. В христианской онтологии душа трактуется как особая нематериальная субстанция, всеваемая в человека Богом. Согласно доктрине, духовное и телесное соединены в человеке не слитно, но и не раздельно. В иерархической системе душа–тело в нормальном состоянии душа есть царица тела, но в греховном, падшем состоянии, напротив, душа становится служанкой тела. В древнерусской культуре преобладали аскетические установки, ориентирующие на «брань» духа и плоти, на дисциплинирование телесной природы человека постом и изживанием страстей, на очищение молитвой. Во многих произведениях аскетической литературы повествуется о том, что душа тяготится узами плоти и стремится к освобождению от плотской зависимости (ср. у Платона «тело – темница души»). В Палее отражен принцип золотой середины в отношениях тела и души, их гармоничного взаимоотношения, что характерно для раннего отечественного православия («Изборник 1076 года», «Слово о законе и благодати» Илариона, «Поучение» Владимира Мономаха).

«Человеческая душа, получив силу от Божественного вдохновения, животворит тело и управляет [им]»²⁰. Благодаря душе тело получает тепло (внутреннюю энергию) и влагу (гуморальная система)²¹. Союз телесных органов – мозга и сердца с невидимой душой неразрывен, одно предполагает другое, одно влияет на другое. «Душа наблюдает за телом – своим жилищем, а сердце и мозг в свою очередь наблюдают за душой, и в общей сокровищнице они рождают разумную мысль и отпускают ее от себя, как слугу и подчиненного, в невидимые и непроходимые места, которые невидимы телесными глазами, но становятся видимыми износимой мыслью»²². Мысль способна отрываться от земного окружения и путешествовать в иных пространствах, как низших, адовых, так и высших – ангельских, обогащаясь сомыслием (со-зерцанием) недоступных чувственному опыту духовных сфер. Одновременно мысль возвращается к душе, сердцу и мозгу, которым приносит советы, но их восприятие и соответственно принятие решения зависит от самого человека.

Согласно Палее, природа ума тройственна: «Часть ума от сердца, часть от мозга и часть от души, но они содержат ум для общего совета в едином хранилище»²³. Человек ответствен за порождение мысли и поддержание согласия между душой, мозгом и сердцем. Если душа не нужна сердцу, а сердце – мозгу, то они, образно говоря, «заперев свои

²⁰ Палея. С. 127.

²¹ Сопоставимо с древними и средневековыми медицинскими представлениями.

²² Палея. С. 127.

²³ Там же. С. 129.

сокровища, вывалявшись в грехах, предстают смердящими; когда же они “оттерты” и “выглажены” духовными мужами и книжными беседами, они снова очищаются»²⁴. Человек в антропологии Палея – это существо разумное, его мозг способен воспринимать умной свет.

Возможны ли мысленные эксперименты априори? В палейной онтологии это возможно. Путешествующая мысль в незримых пространствах может почерпнуть нечто ранее неизвестное. Только стоит оговориться: приносимые ею вести воспринимаются по уровню духовного развития человека и осознаются на привычном языке. Другими словами, скрытый смысл в речи приобретает форму конкретного выражения. Напрашивается сравнение подобного подхода с суфийским учением о мирах воображения, в котором последнему придается онтологический статус. В зависимости от уровня психоментального развития человеку доступны низшие или высшие области иерархически устроенных миров воображения²⁵. Низшие области творятся обычным человеческим воображением («мысль самоорганизуется»). Поэт, пророк, философ могут получать образы из высшего мира воображения, который мыслится существующим независимо от человеческого ума и не связан с земными образами. Речь не идет о прямом заимствовании восточных идей древнерусскими книжниками, но об их созвучии, которое возможно благодаря пониманию глубинной природы человеческого разума.

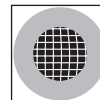
При чисто рациональном восприятии палейной онтологии можно сделать вывод о неотягощенности ума «ощущениями». Однако стоит принять во внимание двойственное прочтение древнерусского слова «чутье», его можно перевести как «ощущение», и тогда имеют в виду сердце как физический орган²⁶, но в то же время и как «чутье»-интуицию в случае сердца как духовного органа (ипостаси сердца, откликающейся на душу). Мысль, которую отпускают путешествовать по незримым телесными очами пространствам, приносит советы душе, сердцу и мозгу «своим видом» (Л. 45г). Можно предположить, что речь идет о мыслеобразах эйдетического мышления, которое наблюдается в древности, у детей, у мистиков и творческих личностей. Эйдосы внутреннего созерцания представляют собой своего рода сплав (синтез) духовного чувства и смысла – «мыслящее чувство»²⁷.

²⁴ Палея. С. 128.

²⁵ См.: Степанянц М.Т. Исламский мистицизм. М., 2009.

²⁶ Ср.: «Сердце [располагается] посреди груди, [и] к нему сходятся жилы от всех органов, принося различные ощущения» (Л. 46а). Палея. С. 129.

²⁷ Преодолевая ограниченность отвлеченного рационализма, русские философы Серебряного века подошли к осознанию того, что «мысль, не проникнутая чувством, не есть полная мысль». Осмысление возможностей синтеза интуитивно-духовного, интеллектуального и эмоционального привело к созданию особого языка говорения о высших возможностях человеческого разума. Смысл «живого созерцания» передают выражения «чувствознание», «вчувствующее постижение», «цельное знание», «живознание», «сердечное созерцание», «разум сердца», «мыслящее переживание».

Палея и народная наука

В Палее установки христианской экзегезы сочетаются с обобщениями житейского опыта и мироощущения, которые формируют практики той эпохи. В естественно-научной и технической литературе наблюдается интерес к вековому опыту народа и его обобщениям. Систематические наблюдения за природой отразились в календарных знаниях, приметах, поговорках, а также обычаях и ритуалах. В житейском опыте растения, насекомые, рыбы, животные играли роль живых приборов, по которым судили о разнообразных состояниях природы и составляли прогнозы. Живые приборы играли исключительную роль в прогностике стихийных бедствий. Тезис о том, что человек должен учиться у природы в своем техническом творчестве, в античной мысли не случаен. Изучающие традиционные технологии исследователи предлагают называть их «народными технологиями»²⁸. Рассмотрим несколько примеров народной науки, а также присущих ей способов доказательства. Заимствованные из Шестоднева примеры осмыслены составителем по-своему.

Астрометрия. Автор-составитель привлекает житейский опыт для доказательства объективных причин искаженных представлений о расстояниях от Земли до небесных тел. Он отдает отчет, что физические чувства могут вводить в заблуждение: «Божественное Писание учит нас не так, как говорят эллины: не планеты затемняют ясность взора, а наше зрительное восприятие»²⁹. После простых описаний доступного опыта, когда предлагается взойти на гору и посмотреть внимательно вдаль, делается заключение: «Когда мы смотрим в воздушной среде, наше зрение воспринимает все в уменьшенном виде. Когда же мы обращаем взор к безмерной высоте, как же мы можем увидеть [истинные] размеры светил?»³⁰ Можно отметить разумно-критическое отношение к процедуре астрономического измерения. Сегодня технически оснащенный ученый уже не смотрит непосредственно в телескоп. Это делает электронная техника. Проводятся измерения разными способами, делаются оцифровки и составляется фотография-композит. Однако проблема сохраняется: точность измерений ограничена не только теоретическими и техническими возможностями практики, но и естественной причиной – колебаниями космической пыли в межзвездном пространстве.

²⁸ Например, народные технологии водосбора и хранения воды в пустынях стимулировали современные усовершенствования. См.: *Колодин М.В.* Вода и пустыни. Гл. 2. Традиционные способы добычи воды в пустыне. М., 1981. – <http://tapemark.narod.ru/voda/index.html> 03-02-2013.

²⁹ Палея. С. 51.

³⁰ Там же. С. 52.

В космологических разделах Палеи содержится много астрономических сведений, почерпнутых из книжных источников. Размеры Земли (по окружности) определяются в 250 000 стадий, Луны в 120 000 и Солнца в 3 000 000 стадий³¹. При этом земные параметры близки данным Эратосфена, а указанная величина Солнца совпадает с расчетом Посидония. Кроме того, в памятнике даны угловые характеристики эклиптики, в связи с перемещением Солнца по 12 знакам Зодиака. На астрономической основе базируются расчеты солнечного и лунного счисления времени, даны понятия об эмболическом месяце, покрывающем разницу между солнечным и лунным годами³². Здравый житейский смысл сочетается с добытыми еще в античное время научными данными.

Северный опыт. В разделе «О природе огня» есть замечательный пример: «И когда сквозь замерзшую воду, то есть лед, проходит солнечный луч, то он возжигает огонь»³³. Пример дается без пояснений, предполагается, что для читателя это обычный житейский опыт. Для современного горожанина, выезжающего *на* природу время от времени, утверждение о наличии огня в замерзшей воде покажется фантастическим, но для жителей Севера, живущих *в* природе, использовать лед в качестве оптического устройства в солнечный день и получить огонь не составит труда. Для этого лед сначала нужно растопить в воде до тонкой прозрачной льдинки соответствующей формы, затем вылить воду, подложить горючий материал, и устройство готово.

Народные приметы. Астрология как теория и практика составителем Палеи вслед за другими христианскими экзегетами отвергается. При этом возможность прогностики в некоторых жизненных ситуациях, не покушающихся на промысел Божий, не отрицается. Примеры приводимых предзнаменований будущего говорят о наблюдательности над силами природы, систематические наблюдения за погодой были важны для аграрного общества Средневековья. Например, по характеру заката можно судить о погоде следующего дня: «Когда из-за тумана, происходящего от земных испарений, солнечные лучи помрачатся, тогда солнце кажется человеку словно кровавым; это служит знаком того, что в этих местах большая влажность, возникшая вследствие испарений и дуновения ветра»³⁴. Другими словами, атмосферная пыль и испарения преломляют солнечные лучи, создавая эффект цвета. Следующий эффект хорошо знаком любителям природы: «Если же солнечные лучи похожи на волосы или “горят” облака, то это предвещает ветер и холод»³⁵. Знамения судь-

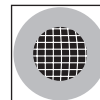
³¹ Палея. С. 50–51.

³² Там же. С. 37.

³³ Там же. С. 104.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ Там же.

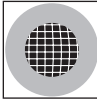
бы христианская доктрина отрицает, а вот погодные приметы жили веками.

В сказаниях о семени и о сотворении человека содержатся ценные психофизические наблюдения и практические психологические советы. Мать ответственна за развитие плода в отношении своего питания, своих мыслей и поведения. «Понемногу младенец растет и прибывает благодаря сладости потребляемых брашен от Дающего пищу всякой плоти. И так сладостью входящей понемногу пищи он растет и этим прибавляет в теле, и Божественной рукой непостижимо образует задуманное. Как некий ваятель, взяв от скалы камень, обтесывает его ежедневно и этим вытесыванием дает ему форму задуманного образа, так по неизреченной мудрости мать принимает в себя безобразное и невидимое плотскими очами для воплощения в видимый образ, установленный срок носит его, день и ночь создавая на нем тело, согревая теплотой, природной кровью и дыханием, и через девять месяцев, до пытки терзаемая многообразными болями и в утробе, и в жилах, рождает совершенного младенца по образу Первозданного»³⁶. На развитие ребенка влияет состав пищи и ее умеренное употребление, но главное – подчеркивается важность *начала* – зачатия в любви. Данное понимание сохранилось у многих народов до сих пор. Будущее нового существа во многом зависит от зерен, которые мы сами создаем: «Что посеешь, то и пожнешь».

Принцип гармонии. В Четвертой беседе на «Шестоднев» Василий Великий прямо отмечает, что в «Писании красота определяется относительно к мирозданию». Автор-составитель Палея, опуская философские тонкости, не пропускает самое важное – устройство мира по законам гармонии, соразмерности, ритмичного циклизма. Создатель сравнивается с художником. Примечательно, что вслед за Василием Великим смысл фразы «Земля была невидима и не устроена» передается как «Земля была невидима и не украшена»³⁷. Идея гармоничного устройства Вселенной и проявления гармонии в циклических поновлениях органически присуща древней науке и сохраняется в средневековом мышлении. Особое значение для земледельцев имело понимание годового жизненного цикла. Во многих текстах, в том числе и в «Палее», проводится аналогия между сменой времен года и возрастными изменениями человека: весна – младенчество, лето – возраст возмужания, осень – зрелость, зима – старость. Четырехчастная структура отражена в произведении медицинского содержания – неканоническом «Галеново на Гиппократе». В ортодоксальной христианской литературе более распространено семиступенчатое деление возрастов. Семеричное устройство жизненного цикла человека – выводы древней медицины и психологии.

³⁶ Палея. С. 121.

³⁷ Там же. С. 16.

В поэтической форме эти идеи отражены в стихотворении Солона «О седмицах человеческой жизни». Через семь лет вступают в действие «новые программы».

Особенности логики и аргументации в Толковой Палее

Аналогия – ключевой прием увязывания метафизического миропонимания с житейским опытом. Согласование воззрений можно рассматривать как следствие установки на восстановление и поддержание гармонии, скрепляющей социум. Аналогия используется не только относительно содержания мысли. В аргументах от сверхъестественного переносится когнитивный признак – отношение к предмету мысли: если ты твердо веришь в догмат, то должен принять на веру и рассматриваемое положение. Например, в третьем дне творения повествуется о том, что земля по слову Божию мгновенно взрастила семена. «Кто же дал земле такое великое множество семян? Как же непаханая земля смогла взрастить семя?» – задает вопрос палейный книжник. В ответе содержится перенесенное по аналогии свойство, заданное догматом, а также само отношение к событию: «Слышав все это, вспомни, как родила Дева». «Слово взрастило травы с семенами и плодоносные деревья; земля же, сперва услышав глас Господень и приняв Божие повеление как закон естеству, начала износить плод и в последующие дни»³⁸.

Аргументы от сверхъестественного часто сопровождаются подчеркиванием ограниченности человеческого разума и преклонением перед могуществом и разумностью Творца Вселенной, вложившего в свой замысел принцип красоты и гармонии-всесвязности: «Как сказано в Писании, сотворил Бог человека, но Он ничего не создает без пользы, но все по потребности и для красоты». Так, в лице человека «два глаза мы имеем и по потребности и для красоты»³⁹. «Чья мысль может постичь все то, что Господь сотворил единым словом?»⁴⁰ Человеку дано познавать Творца через познание законов природы, но его земная, плотская природа ограничивает разум.

В Палее приводится рассказ об ангеле Господнем, который при Навуходоносоре вошел в раскаленную печь и оросил ее, спасая трех юношей. В доказательство того, что человек не создан по огненному ангельскому образцу, приводятся (квази)контрфактические аргументы: «Если бы человек был сотворен по образу ангела, то он бы от пла-

³⁸ Палея. С. 22, 23.

³⁹ Там же. С. 91.

⁴⁰ Там же. С. 26.

мени не загорался и не умирал»⁴¹. В религиозном сознании священная история реальна, а ее события – несомненные факты, которые можно использовать в аргументации.

Установка на буквализм в антиохийской традиции, по-видимому, сказалась в доминировании предметно-образного мышления. В описании третьего дня составитель Палеи следует тексту «Бесед на Шестоднев» Василия Великого⁴², но воспроизводит его в вольном кратком изложении. Василий Каппадокийский свободно пользуется логической методологией Аристотеля в отличие от автора-составителя Палеи, который ее игнорировал. Проиллюстрируем сказанное на примере небольшого текста о водах.

В «Беседе 4» дан библейский текст в следующем виде: «И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино, и да явится суша: и бысть тако, и собрася вода, яже под небесем, в собрания своя, и явися суша. И нарече Бог сушу, землю: и собрания вод нарече моря» (Быт. 1, 9, 10). В современном синодальном переводе вместо «в собрание едино» дан вариант «в одно место»: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша» (Быт. 1:9)⁴³. В Палее в упрощенном варианте сказано просто: «Да соберется вода, которая под небом» (Быт. 1:9), под ней же не было видно земли»⁴⁴.

В ответ на возражение о том, «будто бы учение о нашем миротворении противоречит опыту», Василий Великий привлекает аргументы от логики и языка. Богослов поднимает вопросы семантического характера: что означает слово «собрание» и словосочетание «собрание вод», «почему же Бог собрания вод назвал морями?» Рассматривая первый вопрос, каппадокийский богослов разъясняет смысл употребления общего имени для обозначения совокупности земных вод: «Творец наименовал собранием единым самое великое и полное сборище вод. Ибо колодцы делаются рукотворными собраниями вод, когда в углубления земли стекает рассеянная влага. Посему словом собрание означает не какое-либо стечение вод, но преимущественное и наибольшее, в котором оказывается собранною целая стихия». На современном научном языке «собрание вод» именуется «гидросферой» (калька с греч.). Очевидно, что ситуация отражает генезис данного понятия. В тексте каппадокийца речь идет о понятиях, тогда как в синодальном переводе дается вариант прочтения в стиле мышления о (самых) предметах: «Да соберется вода, которая под небом, в одно место» (Быт. 1: 9)⁴⁵.

⁴¹ Палея. С. 75.

⁴² Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. 1. М., 1891. С. 5–149; <http://www.orthlib.ru/Basil/sixday04.html>. 28.01.2013. Далее в сносках сокращено: *Василий Великий*. Беседа 4.

⁴³ Первая книга Моисея. Бытие // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М., 1979. С. 5.

⁴⁴ Палея. С. 21.

⁴⁵ *Василий Великий*. Беседа 4.

Отвечая на второй вопрос о значении имени «море», богослов различает родовое имя «собрание вод», сопряженное с ним видовое имя «море» (видовой признак – «иметь особенный вид, “будучи заключены окружающей водою”») и собственные имена, образованные от общего имени «море».

В пояснении относительно именованья земли сушей также приводятся аргументы от логики и языка. Рассмотрим текст Василия: «Почему, как выше сказано: *да соберется вода в собрание едино, и да явится суша*, а не написано: *и да явится земля*, так и здесь опять: *да явится суша, и нарече Бог сушу, землю?* – Потому что суша есть свойство, служащее как бы отличительным признаком природы предмета, а земля есть голое наименование сего предмета»⁴⁶.

Здесь и далее аргументация базируется на определении понятия через указание на существенный признак. В данном случае родовым понятием является понятие «стихии», а видовыми понятиями по отношению к роду будут четыре стихии, которые каппадокийский богослов определяет через существенный признак: «Вода собственным своим качеством имеет холодность, воздух – влажность, огонь – теплоту». Ранее сказано, что земля своим качеством имеет сухость.

В Палее нет логических доказательств, подобных приведенному. В древнерусских текстах различие между родовым (корневым) понятием «материального первоначала» и его конкретизацией в четырех видах передается непосредственно лингвистическими средствами. Древнерусское «толстота» передает смысл греческого *παχύτης* (толщина, гуща). Там, где речь идет о конкретизациях, употребляются выражения «составы земные», «стихии». В креационистской концепции Палея Творец в первый день создает небо и землю и «толстоты созидания» (Л. 2в – «вещество созидания») ⁴⁷.

Историко-культурный и методологический анализ Толковой Палеи позволяет по-новому взглянуть на идейные особенности этого выдающегося памятника древнерусской мысли. Обращение к целостному миропониманию наших предков приобретает особую актуальность сегодня: в расцвете техногенной цивилизации человек начинает всерьез задумываться над смыслами своего бытия. Современная наука вспоминает фундаментальные истины о гармоничном устройстве природы, связи всего со всем, космической среде обитания, нераздельности судеб человека и его космического дома. Палея передает древнюю мудрость: «И только человека еще не было, но не [из-за] неуважения, а [ради] чести, чтобы сначала приготовить ему дом. Ничего без меры и смысла не творит Владыка, но все нужное»⁴⁸. Хороший хозяин заботится о своем доме. Эта мысль становится доминантой экологического сознания.

⁴⁶ Василий Великий. Беседа 4.

⁴⁷ Палея. С. 16.

⁴⁸ Там же. С. 71.

От редакции. Мы публикуем статью лауреата второй премии конкурса 2012 г. журнала «Эпистемология и философия науки» среди молодых ученых, аспирантов и студентов на лучшую статью по теме «Эпистемология и наука: теория, методология, история».

Анатомия лабиринта: Юм о тождестве личности

Е.Н. БЛИНОВ

В статье рассматривается одна из наиболее обсуждаемых в современном юмоведении проблем – вопрос о тождестве личности. Глава «О тождестве личности», помещенная Дэвидом Юмом в конце первой книги «Трактата о человеческой природе», должна была продемонстрировать возможности нового «экспериментального» метода в области «моральных предметов». Однако ряд исследователей полагает, что именно проблема тождества личности позволяет говорить о фундаментальном методологическом конфликте между «ньютоновским» физикализмом и «натурализмом» Трактата, т.е. теорией «пучка перцепций» и юмовской моральной психологией, созданной под влиянием Ф. Хатчесона. Автор предлагает обратиться, с одной стороны, к историческому аспекту проблемы, который заключается в полемике как с картезианским рационализмом, так и с Дж. Локком, а с другой – к исследованию внутреннего генезиса юмовской теории идей.

Ключевые слова: Дэвид Юм, тождество личности, теория идей, пучок перцепций, Джон Локк, синхрония и диахрония.

Анатомия человеческой природы и тождество личности

Глава «О тождестве личности», помещенная Дэвидом Юмом в конце первой книги «Трактата о человеческой природе», должна была продемонстрировать возможности нового «экспериментального» метода в области «моральных предметов». По замыслу автора, раздел, посвященный тождеству личности, способен прояснить одну из наиболее «туманных научных проблем», занимавших «по преимуществу» британских философов на протяжении полувека. Юм излагает точку зрения своих анонимных оппонентов следующим образом: «Некоторые философы воображают, что мы ежеминутно и непосредственно (present) осознаем нечто, что мы называем своим Я (self): и будто наша уверенность, как в его совершенном тождестве (perfect identity), так и в его простоте, выше той очевидности, которую могло бы дать нам демонстративное доказательство... Попытаться найти добавочное доказательство этого положения значило бы ослабить его очевидность, ибо никакое доказательство не может быть выведено из факта, который мы непосредственно сознаем; а коль скоро мы сомневаемся в нем, мы уже ни в чем не можем быть уверены»¹.

Поставив под сомнение возможность экспериментального получения идеи Я, Юм в полном соответствии со своей программой называет подобную идею «фикцией». Поэтому, продолжает он, «за исключением подобного рода метафизиков, я решаюсь утверждать относительно других людей, что они суть не что иное, как связка или пучок (bundle or collection) различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном движении»². Последующее изложение призвано подтвердить правильность основных тезисов, выдвинутых в первой книге Трактата, и затрагивает наиболее важные темы юмовской философии, такие, как связь между перцепциями³, характер ментальных актов, вопрос причинности,

¹ Юм Д. Соч. В 2 т. М., 1996 (далее СДТ). Т. 1. С. 296.

² СДТ. Т. 1. С. 298.

³ Полагаю, что предложенный С.И. Церетели в начале XX в. перевод юмовского «perception» как «восприятие» является неудачным, хотя еще до публикации указанного перевода Г.Г. Шпет предлагал использовать кальку с английского и переводить просто как «перцепция» (см.: Шпет Г. Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма? Киев, 1907). Юм использует «перцепции» в качестве наиболее общего термина, чтобы обозначить объект мышления. «Восприятие» по нормам русского литературного языка вообще не употребляется во множественном числе, тогда как основной тезис юмовской «теории идей» состоял именно в пресловутом «психологическом атомизме». В современном русском издании сочинений Юма «perception» предлагается переводить как «перцепция» для второй и третьей книг и как «восприятие» – для первой. Обосновывается это тем, что в первой книге речь идет о «перцепциях внешнего опыта» (СДТ. Т. 1. С. 696). В современных исследованиях на русском языке

критику субстанциализма. Разобрав теоретические вопросы и устранив видимые противоречия, Юм планирует перейти к позитивной части своего проекта, а именно к «точной анатомии человеческой природы»⁴. Однако в «Приложении» к первой книге Трактата он дает удивительный по смелости пример самокритики, заявляя, что нашел непримиримое противоречие между двумя главными принципами своей новой науки о человеческой природе. И противоречие это связано с «пучковой теорией» (bundle theory), как принято называть его позицию, изложенную в гл. 6 ч. 4 первой книги Трактата в специальной литературе. Юм открыто признает свое фиаско в этом вопросе, добавляя, что видит в нем угрозу для всей своей теории «интеллектуального мира», которая до этого казалась ему «свободной от противоречий и абсурда»: «Но после более тщательного просмотра главы, касающейся *личного тождества*, я вижу себя запутавшимся в таком лабиринте, что, должен признаться, не знаю, ни как исправить свои прежние мнения, ни как согласовать их друг с другом»⁵.

Впрочем, эта несогласованность не мешает Юму во второй книге Трактата называть наше Я объектом всех наших аффектов, которое к тому же «непосредственно» обнаруживается в нашем сознании и в нашей памяти⁶. Объяснение столь видимому противоречию впервые дал Норман Кемп Смит, которого принято считать одним из основателей современного юмоведения⁷. Кемп Смит объяснял его, во-первых, композиционными особенностями Трактата, а во-вторых, фундаментальным методологическим конфликтом всего юмовского проекта. Он показал, что первая книга Трактата написана последней, поэтому гл. 1-4-6 была написана уже после второй книги и Приложение, таким образом, является окончательным высказыванием Юма по данному вопросу⁸. Что касается методологического конфликта, то именно в трактовке проблемы тождества личности наиболее ясно артикулируется противоречие между «ньютоновским» физикализмом и «натурализмом», т.е. юмовской моральной психологией, созданной под влиянием Хатчесона⁹.

Юмовская трактовка проблемы тождества личности в последней трети XX в. вышла далеко за рамки специальных исследова-

ке, например в работах В. Васильева, принят термин «перцепция», и я также придерживаюсь этого перевода (См.: *Васильев В.* История философской психологии. Западная Европа – 18 век. Калининград, 2003).

⁴ СДТ. Т. 1. С. 308.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Там же. С. 330; ср.: там же, с. 338–341, 352–354, 382–385.

⁷ О роли Кемпа Смита см.: *Блинов Е.* Дэвид Юм: долгая дорога в классики // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1 (27). С. 181–197; 188–190; *Garrett D.* “Introduction” in Norman Kemp Smith // N. Kemp Smith. The Philosophy of David Hume. Palgrave Macmillan, 2005.

⁸ *Kemp Smith N.* The Philosophy of David Hume. P. 73.

⁹ *Ibid.* P. 75. P. 497–505.

ний¹⁰. Едва ли будет преувеличением сказать, что она стала одной из основных тем ренессанса юмоведческих исследований в указанный период: только в журнале «Hume Studies» появилось около трех десятков публикаций¹¹. Если воспользоваться выражением Канта, она была причиной «философского скандала», спровоцированного новым прочтением работ Юма, в значительной степени вытеснив проблематику причинности, которая представлялась скандальной его современникам и создала ему прижизненную славу радикального скептика¹². Однако, как отметила в 1979 г. Джейн Макинтайр, «философы более не обсуждают юмовскую трактовку Я (self) исключительно для того, чтобы раскритиковать ее»¹³. Если раньше указанное самим Юмом уязвимое место в его системе использовалось для демонстрации ее непоследовательности, то начиная с определенного момента появляется все больше апологетических интерпретаций¹⁴. Я постараюсь изложить юмовскую теорию тождества личности с учетом как многочисленных возражений, которые выдвигались против нее, так и «позиции защиты» его «пучковой теории», которая приобрела немало сторонников.

¹⁰ См., например, классическую статью Дерек Парфита: *Parfit D. Personal Identity // The Philosophical Review*. 1971. Vol. 80. P. 3–27; *Martin R., Barresi J. Naturalization of Soul*. N.Y., 2004. P. 154–178.

¹¹ Не буду подробно останавливаться на интерпретативной истории проблемы тождества личности у Юма (См.: *Блинов Е.* Указ. соч.; *Baxter D. Hume's Labyrinth Concerning the Idea of Personal Identity // Hume Studies*. 1998. Vol. 24, № 2. P. 204–206). Из новейших работ стоит указать монографию Д. Кейла (*Kail D. Projection and Realism in Hume's Philosophy*. N.Y., 2010), а также критический отзыв Д. Гарретта (*Garrett D. Once More into Labyrinth: Kail's Realist Explanation of Hume's Second Thoughts about Personal Identity // Hume Studies*. 2010. Vol. 36, № 1. P. 77–88).

¹² Эту ситуацию Кант констатирует в знаменитом фрагменте «Пролегомен», защищая Юма от поверхностной критики: «Но судьбе, издавна неблагоприятной для метафизики, было угодно, чтобы Юм никем не был понят. Нельзя равнодушно смотреть, как его противники – Рид, Освальд, Битти и, наконец, Пристли – совершенно не задевали сути его проблемы и как они, постоянно принимая за признанное именно то, в чем он сомневался, с жаром и чаще всего с большой нескромностью доказывали то, в чем сомневаться ему и в голову не приходило; они настолько не поняли намека к улучшению, что все осталось в прежнем состоянии, как будто ничего не произошло. Вопрос был не в том, правильно ли понятие причины, пригодно ли оно для всего познания природы; в этом Юм никогда не сомневался; вопрос был в том, мыслится ли a priori это понятие разумом и имеет ли оно, таким образом, независимую от всякого опыта внутреннюю истинность, а потому и неограниченное одними предметами опыта применение, – вот на что Юм ожидал ответа» (*Кант И.* Собр. соч. В 8 т. М., 1994. Т. 4. С. 10).

¹³ *McIntire J. Further Remarks on the Consistency of Hume's account of the Self // Hume Studies*. 1979. Vol. 5, № 1. P. 55.

¹⁴ За примером подобной критики достаточно обратиться к известной работе Дж. Пассмора, в которой он называет Юма «философским щенком, который хватается то за одну, то за другую проблему, всегда оставляя на ней следы своих зубов, но забрасывая ее всякий раз, как она надоедает ему» (*Passmore J. Hume's Intentions*. Cambridge, 1952. P. 87–88). Ср. с ранней статьей Т. Пенелума: *Penelhum T. Hume on Personal Identity // Philosophical Review*. 1955. Vol. 64, перепечатанной в: *Penelhum T. Themes in Hume. The Self, the Will, the Religion*. Oxford, 2003. P. 23–39.

«Туманная проблема» тождества и «теория памяти» Локка

Юм отмечает, что именно в Англии к проблеме тождества личности относятся «с особым рвением и вниманием»¹⁵. В своем классическом виде она была сформулирована Локком, именно к его трактовке отсылают многочисленные аллюзии юмовского текста. Проблема тождества рассматривалась Локком как в контексте его онтологии и теории идей, так и в весьма своеобразном теологическом аспекте¹⁶. Не буду подробно останавливаться на локковской трактовке тождества личности, однако выделю несколько ключевых моментов, которые позволяют понять новизну и радикализм Юма в этом вопросе.

Локк дает следующее определение личности: «Я думаю, личность (person) есть разумное мыслящее существо (thinking intelligent being), которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо (the same thinking thing), в разное время и в различных местах благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления, и, на мой взгляд, существенно для мышления, ибо невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая то, что он воспринимает. Когда мы видим, слышим, обоняем, пробуем, осязаем, обдумываем или хотим что-нибудь, мы знаем, что мы это делаем. Так бывает всегда с нашими ощущениями и восприятиями; благодаря этому каждый бывает «самим собой», тем, что он называет Я (self), причем в этом случае не принимается во внимание, продолжается ли то же самое Я в той же самой или различных субстанциях»¹⁷.

Таким образом, он обозначает два базовых эпистемологических аспекта тождества личности. Их можно назвать синхроническим и диахроническим единством мыслящего Я. В синхроническом плане это тождество является условием возможности всякой «идеи ощущения или рефлексии» и позволяет считать их *моими* идеями в строгом смысле слова. В диахроническом плане оно объединяет различные временные фазы сознания этого Я, которое обеспечивается даже при полной смене материальной субстанции, как в приводимом Локком примере юноши и старца, которых мы считаем единой личностью. Он подчиняет вопрос о тождестве личности эмпирическому критерию единства сознания, отодвигая на второй план проблемы простоты и материальности субстанции, находившиеся в центре внимания карте-

¹⁵ СДТ. Т. 1. С. 304.

¹⁶ См.: Блинов Е. Учение Локка о тождестве личности // Философские науки. 2007. № 3. С. 47–66; Yolton J. The Two Intellectual Worlds of John Locke: Man, Person and Spirits in the Essay. N.Y., 2004.

¹⁷ Локк Дж. Соч. В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 387.

зианцев, в полемике с которыми были сформулированы основные положения Опыта о человеческом разумении: «Я (self) зависит от сознания. Я есть сознающая мыслящая сущность (безразлично, из какой она состоит субстанции, духовной или материальной, простой или сложной), которая чувствует или сознает удовольствие и страдание, способна быть счастливой или несчастной и настолько заинтересована собой, насколько простирается ее сознание (and so is concerned for itself as far as that consciousness extends)»¹⁸.

Сознание простирается настолько, насколько единство этой мыслящей сущности обеспечивается памятью, причем локковская память в первую очередь аффективна, как видно из приведенного фрагмента. Однако, несмотря на приоритет, который Локк закрепляет за эпистемологическим аспектом тождества, единство памяти позволяет ему найти решение важнейшей этической проблемы, а точнее – установить связь между дескриптивным и эмпирическим описанием Я с чисто нормативной проблематикой «рациональной» теологии. Он предлагает своеобразный вариант теодицеи, при котором единство сознания обосновывает справедливость посмертных наказаний, поскольку в час Страшного Суда «каждому будет вынесен приговор соответственно тому, осуждает или снимает с него вину его совесть»¹⁹. В таком случае даже возможное раскаяние грешника, которое в некотором смысле предполагает разрыв сознания (я больше не тот человек, кем был ранее), означает единство сознания в некотором высшем смысле, поскольку я осознаю, что все несправедливые поступки совершены именно мной, если даже теперь диспозиции моего сознания полностью изменились. Как мы увидим, подобная постановка вопроса напрочь отсутствует у Юма, для которого «единство мыслящего Я» не имеет никакого отношения к этике или религии. Подводя итог краткого обзора локковской трактовки тождества личности, можно сказать, что если у Локка мы находим деонтологизацию проблемы, то в случае Юма мы имеем дело уже с радикальной секуляризацией проблемы сознания.

Теория идей: от ментальных атомов к проблеме уверенности

Юмовская трактовка проблемы тождества личности является развитием его теории идей, хотя, по мнению некоторых исследователей, одновременно подрывает ее основы. Так, Барри Страуд полагает, что подобная трактовка была для Юма «шагом к пропасти», после кото-

¹⁸ Локк Дж. Указ. соч. С. 394.

¹⁹ Там же. С. 397.

рого ему оставалось либо полностью отказаться от своего проекта, либо предпринять маневр, во многом схожий с кантовским, установив некоторое формальное, а не эмпирическое единство сознания²⁰. По этой причине необходимо сделать краткое резюме юмовской теории идей, без которого его трактовка тождества личности может показаться странной, если не сказать абсурдной.

Для Юма, как и для Локка, анализ перцепций был своего рода «первой философией», поскольку описывал единственно доступное содержание опыта. Кант позже критиковал картезианцев и Локка за способ употребления самого термина «идея». Он предлагал вернуться к «идее» в ее более традиционном платоническом смысле, локковским идеям в критический период примерно соответствовали «представления» (*vorstellungen*)²¹. На первый взгляд Юм вкладывал в термин «идея» похожий смысл, поскольку относил «идеи» к сфере «мышления» (*thinking*), а впечатления к сфере «чувствования» (*feeling*). При этом он отмечает, что всякая идея скопирована с впечатления, однако она в свою очередь «возвращается в душу» и вызывает новые впечатления, такие, как отвращение или страх²². Подобные перцепции он называет «впечатлениями рефлексии», они также копируются и превращаются в идеи. Таким образом, Юм устанавливает естественный цикл взаимного перехода впечатлений в идеи и обратно, что позволяет ему избавиться от двусмысленной локковской гипотезы о неких силах, посредством которых первичные качества «предметов» воздействуют на ум. Хотя из употребления им термина «перцепции» ясно, что он согласен с Беркли в том, что существование этих атомов зависит от способности ума к их «восприятию».

Предмет своего исследования Юм описал следующим образом: «Исследование наших ощущений (*sensations*) касается скорее анатомов и естественников, чем моралистов, поэтому мы и не приступим здесь к нему. А так как впечатления рефлексии, которые главным образом заслуживают нашего внимания, т.е. «аффекты, желания и эмоции» (*passions, volitions and emotions*), возникают по большей части из идей, то нам необходимо будет придерживаться метода, обратного тому, который казался естественным на первый взгляд; желая объяснить природу и принципы человеческого духа, мы должны будем подробно рассуждать об идеях, прежде чем перейти к впечатлениям»²³.

Юм также считает, что Локк использовал термин «идея» в слишком широком смысле, обозначая им не только «впечатления» или

²⁰ См.: *Stroud B. Hume. L. : Rutledge & Keagan Paul, 1977. P. 140.* Интерпретация Страудом юмовской «теории идей» во многом построена именно на этом тезисе. Ср.: *Op. cit. P. 231–239.*

²¹ *Кант И.* Собр. соч. В 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 288.

²² См.: СДТ. Т. 1. С. 68.

²³ Там же.

«идеи рефлексии», но и аффекты, эмоции и т.п. Если мы примем это словоупотребление, то получится, что, например, эгоизм или половое влечение не врожденны. Вместе с тем он согласен с Локком в том, что любая идея скопирована с впечатлений. Для разрешения этой трудности он и прибегает к нейтральным «перцепциям»²⁴. Юм, собственно говоря, не занимается исследованием «перцепций», он изучает отдельно первичные «идеи» и отдельно – идеи «вторичных впечатлений» или эмоции. «Первичные впечатления», которые он также называет «впечатлениями ощущений», он оставляет «естественникам». Здесь важно, что идеи или впечатления не «воспринимаются» в прямом смысле слова, т.е. не зависят от конкретной способности. Сам процесс первичного «восприятия» или происхождения перцепций остается для нас загадкой. Таким образом, «идеи» и «впечатления» обладают известной автономией и только по этой причине мы можем иметь о них достоверное знание²⁵.

Локк доказывал, что сознание не может действовать на волю²⁶. В юмовской модели сознания память также не действует на воображение, просто идеи постепенно утрачивают свою «живость» и переходят из одного класса в другой. В то же время главным оценочным критерием силы определенной идеи является наша «уверенность» (belief) в ней. Юм долго и подробно объясняет, что только «уверенность» позволяет вынести оценочное суждение, удостоверяющее силу идеи: «Живость идеи всегда пропорциональна степени импульса, или же тенденции к переходу, а уверенность, согласно изложенному выше учению, есть то же, что живость идеи»²⁷.

Следовательно, идеи, в которых мы уверены, и есть самые «реальные», т.е. действующие идеи. Проблема в том, что эти идеи действуют не на некий идеальный объект, а на индивидуальное сознание, обладающее набором определенных характеристик. Мы можем описывать «состояние» (disposition), в котором находится конкретный «ментальный ландшафт». Все это необходимо для того, чтобы выявить динамические характеристики идей и построить свой вариант ньютоновской вселенной морального мира. Если говорить о развитии ньютоновской модели, то придется признать, что для своих движу-

²⁴ СДТ. Т. 2. С. 19.

²⁵ В Исследовании Юм несколько отходит от своей изящной схемы и говорит о принципе «предустановленной гармонии», которая существует между «ходом природы и сменой наших идей» (СДТ. Т. 2. С. 19). Принцип «предустановленной гармонии» Юм также выводит из опыта, основываясь на многократном совпадении наших ожиданий и наличных идей, которые мы получаем из ощущений. При этом он подчеркивает, что управляющие «порядком природы» силы нам неизвестны, но привычка служит залогом того, что ритм смены наших идей синхронизирован с всеобщим ритмом природы (см.: Vasilyev V. Hume between Leibniz and Kant (The Role of Pre-established Harmony in Hume's Philosophy) // Hume Studies. 1993. Vol. 19, № 1. P. 19–30).

²⁶ Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 1. С. 294–299.

²⁷ СДТ. Т. 1. С. 185.

щихся тел Юм так и не смог разработать подходящую теорию абсолютного пространства. Картина сознания, представленная Юмом, изобилует искривлениями и черными дырами.

С одной стороны, только о связи между простыми идеями мы можем иметь сколько-нибудь достоверное знание, с другой – всякое знание, полученное в прошлом, переносится на будущее за счет природного механизма, который мы не можем назвать иначе как привычкой. Моральный мир имеет свои объективные законы, которые можно уподобить гравитации и создать новую дисциплину, своего рода «ментальную динамику»²⁸. В то же время проверить их действие можно только одним способом – проследив всю цепочку идей вплоть до наличного впечатления. Подобная процедура далеко не всегда осуществима. Если перевести в кантовские термины противоречие, с которым столкнулся Юм, то можно сказать, что он хотел выяснить, почему объективные законы мышления должны иметь субъективную значимость.

Юм утверждает, что естественных принципов связи между идеями всего три: сходство, смежность во времени и пространстве и времени, а также причина и действие. Он, как известно, утверждал, что причина и действие это «всего лишь» принцип связи между идеями. В вопросе причинности мы видим переломный момент, в котором Юм переходит от «психологического атомизма» к новой области исследований. Он намерен выяснить природу уверенности, которая сопровождает возникающие в уме идеи. На первый взгляд может показаться, что это дальнейшее развитие атомарной модели. При этом Юм заходит гораздо дальше предшественников в своем психологическом номинализме: «Чтобы узнать, доступны ли разделению в идее объекты, связанные во впечатлении, нам следует только рассмотреть, отличны ли они друг от друга, а если это так, то ясно, что они не могут быть представлены раздельно. Согласно объясненным выше принципам, все, что различно, может быть разделено, а все, что различимо, может быть разделено. Если же, напротив, объекты неразличны, они не могут быть и различены, а если они неразличимы, их нельзя разделить»²⁹.

Но в первую очередь Юм хочет найти критерий, с помощью которого мы могли бы отличить «живые» или устойчивые идеи от фикций или «химер воображения». При этом он недвусмысленно утверждает, что в повседневной жизни это в состоянии сделать любой человек благодаря «природной уверенности». В нормальных условиях этот инстинкт действует почти столь же безотказно, как чувство, которое позволяет отличить боль от удовольствия. По Юму, человек – своего рода верующее животное – *homo credens*. Вопрос состоит лишь в том,

²⁸ См.: *Stroud B.* Op. cit. P. 9; *Kemp Smit N.* Op. cit. P. 73–78.

²⁹ СДТ. Т. 1. С. 93.

чтобы объяснить этот важнейший принцип человеческой природы. В данном случае Юм не может довольствоваться «определенными идеями». Определенная идея часто оказывается химерой воображения: мы вполне определенно можем представить себе кентавра.

Юм весьма любопытно описывает деятельность воображения. В отличие от Канта он не акцентирует внимание на его продуктивной или синтетической функции. Скорее, напротив, в ментальном мире Юма воображение играет роль своего рода космического вакуума. Оно как бы засасывает любой объект, на который больше не действует сила естественного притяжения идеи, связанной с наличным впечатлением. Уверенность же в определенной идее, которая и дает возможность установить степень ее воздействия на наши суждения и поступки, связана с впечатлением, причем вполне конкретным. Чтобы осуществить подобную процедуру, необходимо проследить всю цепочку идей вплоть до «начала движения», т.е. до наличного впечатления. Отсюда и возникает потребность обратиться к «личному чувству каждого»: «Я заключаю с помощью индукции, которая кажется мне весьма убедительной, что мнение, или уверенность, не что иное, как идея, отличающаяся от фикции не по природе и не по расположению частей, а по способу, которым мы представляем ее... Идея, с которой мы соглашаемся, чувствуется нами иначе, чем фиктивная идея, которую доставляет нам воображение; это-то особое чувство я и стараюсь объяснить, называя его силой, живостью, прочностью, твердостью, стойкостью»³⁰.

О перцепциях, находящихся в орбите наличных впечатлений, мы имеем демонстративное или интуитивное знание. Никто в здравом уме не может сомневаться, что дважды два будет четыре, а тела действительно существуют. В то же время любое суждение, подразумевающее причинную связь, является лишь вероятным, хотя зачастую погрешность подобного суждения находится за пределами «различающей способности наших чувств». Когда мы переносим наш прошлый опыт на будущее, мы все дальше отходим от того наличного впечатления, которое позволяет установить, что идея А всегда сопровождается идеей Б. И чем больше мы расширяем область, на которую распространяется действие этой аналогии, тем слабее становится связь, а следовательно, наша уверенность в ней.

Что касается привычки, то ее можно назвать способностью в каком-то формальном смысле. Она действительно обладает силой, ведь она способствует тому, чтобы элементарные операции ума проходили незаметно. Но, делая этот переход «незаметным», она, строго говоря, вообще не является ментальным актом. Как выражается Юм, душа обладает «магическим свойством» переноса прошлого на будущее. Это заставляет нас приписывать «тождество» материальным телам,

³⁰ СДТ. Т. 1. С. 153.

хотя реальная связь между нашими перцепциями абсолютно непостижима. Наш ум образует «фикцию» (благодаря которой мы верим в длительное и непрерывное существование тел), основанную исключительно на «связности и постоянстве определенных впечатлений»³¹.

Тождество объектов и тождество личности

Краткое изложение теории идей позволяет вернуться к юмовской трактовке тождества личности. Юмовский анализ перцепций не оставляет место для субстанции, ведь она ничего не добавляет к нашим представлениям о сущности души. Спор о ее нематериальном статусе он вообще считает «незаконным»³². Для того чтобы получить право на использование понятия души как материальной или нематериальной субстанции, мы должны понять характер «локальных соединений» наших перцепций с этой целостностью. Его интересует, как у нас появляется идея «локального соединения», т.е. устойчивой связи отдельно взятой перцепции с простым и неделимым целым, для обозначения которого обычно используют слово «душа». Другими словами, Юм хочет выяснить, каким образом простая и неделимая душа осуществляет синтез отдельных представлений: «Окончательный вывод из всего сказанного таков: вопрос о субстанции души совершенно непостижим для ума. Все наши перцепции не могут вступать в локальное соединение как с тем, что протяженно, так и с тем, что не протяженно, ибо некоторые из них принадлежат к первому разряду, другие же – ко второму»³³.

Из его критики субстанциалистских представлений о душе становится понятно, что первой мишенью Юма является не только картезианский, но и всякого рода рационализм, который приписывает ей «простоту»³⁴. Против «подобного рода метафизиков» Юм выдвигает несколько модифицированные локковские аргументы. Так, в состоянии глубокого сна «я в течение всего этого времени не осознаю своего я и поистине могу считаться несуществующим»³⁵. Ссылка на слабые перцепции в данном случае не действует, так как под идеей Я подразумевается наличная идея. Причем Юм не придает особого значения вопросу, какой тер-

³¹ СДТ. Т. 1. С. 246.

³² Роберт Фоглин находит аргументативные параллели между главами «О нематериальности души» и «О тождестве личности» (*Fogelin R. Hume's Sceptical Crisis. N.Y. : Oxford University Press, 2009. P. 101–124*).

³³ СДТ. Т. 1. С. 296.

³⁴ Об объектах критики Юма см.: *Swoyer C. Hume and Three Views of the Self // Hume Studies. 1982. Vol. 8, № 1. P. 43–61*. О простоте души как рационалистическом аргументе см.: *Mijuscovic B.L. The Achilles of Rationalist Arguments. The Hague : Martinus Nijhoff, 1974*.

³⁵ СДТ. Т. 1. С. 298.

мин использовать для ее обозначения: он употребляет как синонимы «Я» (self), «душу» (soul), «ум» (mind) и даже «субстанцию» (substance). Кроме того, он демонстративно обходит вниманием проблему другого сознания, когда решается «утверждать относительно остальных людей», что они представляют собой «пучок перцепций»³⁶.

В соответствии с основным принципом теории идей Юм пытается найти наличное впечатление, которое отсылало бы к идее Я, но не находит там только «то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения»³⁷. Идея Я в некотором смысле куда более «фиктивна», чем идея внешних предметов, поскольку представление о том, «что именуется своим Я», не отличается ни живостью, ни устойчивостью. Юм настаивает на том, что опыт имеет предметный характер: в обычном состоянии ум не замечает перехода от одной смежной идеи к другой. Это самая естественная и элементарная операция нашего ума, механизм ее действия поддерживается привычкой. Человеческий ум от природы склонен приписывать простоту и тождество смежным идеям. Юм объясняет эту природную склонность необходимостью заполнить перерыв между двумя последовательными перцепциями. Отсюда у нас и возникает идея души, или субстанции, обладающей непрерывным существованием. Тогда как любое тождество, в том числе и тождество нашего Я, представляет собой не более чем «последовательность соотносительных объектов»³⁸.

Юм подробно объясняет, как воображение образует эту фикцию. При этом, как неоднократно отмечали комментаторы начиная с Кемпа Смита, термин «фикция» в юмовском употреблении отнюдь не имел исключительно негативного смысла, который ему придавали рационалистические мыслители³⁹. «Фиктивный» (fictitious) практически отсылает к «фактическому» (factitious), т.е. взятому из опыта. Мы можем не доверять этой фикции, так как она вполне может быть продуктом отождествления смежных идей, которые не восходят к наличному впечатлению. Но это ничего принципиально не меняет в самом механизме: фикции сперва производятся воображением, а затем «погибают» (perish) под воздействием «разделительного принципа»⁴⁰. На следующем этапе образуются новые «фикции», и весь процесс имеет выраженный циклический характер. Поэтому «фиктивность» нашего Я ничуть не страшнее фиктивности любого другого предмета.

³⁶ Тем не менее предпринимались попытки реконструировать его взгляды на эту проблему: *itson* . Hume's Philosophy of the Self. . : Rutledge, 2002. P. 142–159.

³⁷ СДТ. Т. 1. С. 298.

³⁸ СДТ. Т. 1. С. 301.

³⁹ Как замечает Кемп-Смит, его нельзя рассматривать как синоним «иллюзии» (*Kemp Smith N. Op. cit. P. 137*).

⁴⁰ О «разделительном принципе» см.: *Garrett D. Cognition and Commitment in Hume's Philosophy. N.Y. : Oxford University Press, 1997. P. 58–75.*

Наиболее устойчивой связью обладают идеи, которым мы приписываем причинное взаимодействие. Но представление о причинности мы не можем получить, не имея перед этим идею последовательности перцепций, сменяющих друг друга в определенном порядке. В этом и состоит основная роль памяти при образовании идеи тождества личности: она фиксирует причинную связь между нашими перцепциями. В этом и состоит принципиальное отличие юмовской трактовки тождества личности от теории Локка. Юм полагает, что «память» не столько «открывает» (discovers), сколько «производит» (produces) тождество личности: «Кто может, например, сказать мне, каковы были его поступки 1 января 1715 г., 11 марта 1719 г. или же 3 августа 1733 г.? Быть может, ввиду того, что вы совершенно забыли происшествий этих дней, вы будете утверждать, что ваше настоящее я не то же, что ваше тогдашнее я, и таким образом ниспровергнете самые твердые наши представления о тождестве личности? Итак, с данной точки зрения память не столько производит (produces), сколько открывает (discovers) личное тождество, указывая нам отношение причины и действия между нашими различными перцепциями»⁴¹. Таким образом, память не является некой привилегированной «способностью» или «изначальной силой души», а только одним из способов организации идей.

Повторные рассуждения о тождестве личности

Перед тем как отдать в типографию рукопись третьего тома Трактата, Юм добавил к нему так называемое Приложение, относящееся к первому тому, напечатанному годом ранее. В нем он во второй и последний раз возвращается к проблеме тождества личности. Он признается, что не может дать удовлетворительного объяснения тождеству личности, не нарушив базовых принципов своей системы: «Итак, изложенное мной учение остается пока многообещающим. Но все мои надежды разбиваются, когда я дохожу до объяснения принципов, связывающих наши последовательные перцепции в мысли или в сознании, я не могу найти теорию, которая удовлетворила бы меня в этом отношении. Говоря коротко, существуют два принципа, которые я не могу согласовать друг с другом и ни одним из которых я не в состоянии пожертвовать, а именно: наши отдельные перцепции суть отдельные предметы (existences) и наш ум никогда не воспринимает реальной связи между отдельными предметами. Если бы наши перцепции были присущи чему-нибудь простому и единому или если бы наш ум воспринимал между ними какую-ни-

⁴¹ СДТ. Т. 1. С. 307.

будь реальную связь, никакого затруднения этот вопрос не представлял бы»⁴².

Другими словами, перед Юмом встает дилемма: или отречься от основного постулата теории идей, или вернуться к идее души как простой субстанции, которую он столь подробно и обоснованно критиковал. Юм не утверждает, что сама по себе проблема «абсолютно неразрешима», но констатирует, что не может найти выход из лабиринта, не пожертвовав одним из базовых принципов своей «моральной психологии».

Дополнительную сложность создает то обстоятельство, что Юм больше нигде не возвращается к тождеству личности, воспользовавшись «привилегией скептика». В Исследовании о человеческом познании, в котором он через 7 лет после опубликования Трактата дает основные положения своей доктрины в новых формулировках, вопрос о тождестве личности не упоминается вовсе. Мы также не располагаем ни одним текстом Юма, свидетельствующим о том, что эта проблема по-прежнему его интересовала. Таким образом, гл. 1-4-6 и Приложение являются единственными источниками для ее исследования. Я склонен согласиться с мнением Теренса Пенелума, который утверждал, что если бы «за повторными рассуждениями» о тождестве личности последовали бы еще одни, то и они были бы выдержаны в духе редукционизма, который предполагала «пучковая теория» Юма⁴³. В свою очередь автор наиболее подробной работы о юмовском скептицизме Роберт Фоглин отмечает: сам текст Приложения настолько короток и амбивалентен, что его сложно использовать в качестве доказательной базы для обоснования большинства гипотез, которые до сих пор выдвигались для его объяснения⁴⁴. Он также является свидетельством глубины его «скептического кризиса», причем предложенные самим Юмом пути выхода из него являются не более чем «полу-мерами»⁴⁵.

Я уже отмечал, что «повторные рассуждения» – нечто вроде архимедова рычага юмовского «интеллектуального мира»⁴⁶. Существует не менее десяти различных интерпретаций, которые можно истолковать как в пользу Юма, так и против него⁴⁷. Если попытаться их обобщить, то, на мой взгляд, можно выделить три различные стратегии. Во-первых, можно искать «ответы Юму» в работах других мыс-

⁴² СДТ. Т. 1. С. 326.

⁴³ Penelhum T. Themes in Hume. The Self, the Will, the Religion. Oxford, 2003. P. 119.

⁴⁴ Fogelin R. Hume's Skepticism in the Tractise of Human Nature. L.: Routledge & Keagan Paul, 1985. P. 100–108.

⁴⁵ См. последнюю работу Фоглина: Fogelin R. Hume's Sceptical Crsis. N.Y.: Oxford University Press, 2009. P. 137.

⁴⁶ См.: Блинов Е. Дэвид Юм: долгая дорога в классики. С. 196.

⁴⁷ Подробную классификацию см.: Garrett D. Op. cit. P. 169–180.

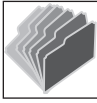
лителей, как это делает, к примеру, Страуд, полагавший, что шотландский мыслитель искал нечто вроде кантовского «формального единства апперцепции»⁴⁸. Во-вторых, можно обратиться к второй и третьей книгам Трактата, чтобы выяснить, будет ли «фиктивное» Я пригодно для анализа «аффектов»⁴⁹. Наконец, можно, буквально следуя Юму, утверждавшему, что спор о тождестве личности относится «скорее к грамматическим, чем к философским проблемам»⁵⁰, искать в его тексте терминологические нюансы⁵¹. Возможно, последний путь в наибольшей степени соответствует намерениям Юма, потому что своим последующим молчанием он как будто хотел сказать, что правильная трактовка проблемы означает понимание того, как мало она значит.

⁴⁸ *Stroud B.* Op. cit. P. 231–239.

⁴⁹ Наиболее известной попыткой подобного рода является монография Эннетт Бейр: *Baier A.* A Progress of Sentiments: Reflections of Hume's Treatise. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.

⁵⁰ СДТ. Т. 1. С. 307.

⁵¹ К подобного рода дискуссиям относится, к примеру, полемика о «совершенном» и «несовершенном» тождестве: *Biro J.I.* Hume's Difficulties with the Self // *Hume Studies*. 1979. Vol. 5. № 1. P. 45–54; *Bricke J.* Hume's Philosophy of Mind. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 74–99; *Baxter D.* Hume's Labyrinth Concerning the Idea of Personal Identity // *Hume Studies*. 1998. Vol. 24, №. 2. P. 203–234; *Penelhum T.* Op. cit. P. 23–39.

РАССЕЛ VS МАЙНОНГ: СМЫСЛ ДИАЛОГА

В.В. СЕЛИВЁРСТОВ, О.Ю. ПОПИК

Алексиус Майнонг, пожалуй, до сих пор остается в философии своего рода мифологической фигурой – в том смысле, что о его теории существует целый ряд мифов. Главным из них многие годы был миф о том, что с точки зрения Майнонга, все предметы в той или иной форме существуют. При этом иногда говорят: может, он и не утверждал, что золотая гора или круглый квадрат существуют наряду с реальными горами, но все же наделял их неким существованием, пусть и более низкого порядка. В связи с этим долгое время изучение его теории казалось достаточно бесполезным занятием. Стоит еще раз напомнить знаменитое высказывание Гилберта Райла о том, что «теория предметов мертва, давно похоронена и вряд ли когда-либо возродится»¹.

Тем не менее позднее, начиная с середины XX в., в большой степени благодаря Джону Финдли и другим комментаторам Майнонга теория предметов вернулась в поле философской дискуссии. За возрождением ее базовых положений в текстах сторонников и комментаторов последовали упреки в адрес того автора, который, по их мнению, был ответствен за то, что теория предметов была в свое время забыта, – Бертрана Рассела. Например, тот же Финдли пишет о том, что отдельные пассажи из рецензий Рассела на работы Майнонга стали своеобразной визитной карточкой австрийского философа в аналитической философии, и, таким образом, представление о нем сложилось на основании подчас некорректной трактовки Расселом теории предметов. «К сожалению, Рассел стремился как можно скорее перейти от изучения теории Майнонга к выведению собственных понятий и заключений, поэтому понимал и излагал Майнонга несколько прямолинейно, в связи с чем его работы о Майнонге стали источником ошибочных представлений о теории предметов. Так, появилось представ-

¹ Ryle G. Intentionality Theory and the Nature of Thinking // Revue internationale de philosophie. 1973. № 27. P. 255.

ление о том, что содержание, по Майнонгу, якобы состоит из чувственных данных и образов, а также о том, что несуществующие предметы имеются в наличии (subsist). Эти представления являют собой пародии на теорию Майнонга, упрощающие его сложные идеи². Другой исследователь, Леонард Лински, пишет: «Определенно Рассел далеко не прав, называя Майнонга тем человеком, который говорит, будто химеры и золотые горы, призраки и круглые квадраты существуют в некоем другом мире, мире теней»³. Однако, как справедливо замечает Николас Гриффин⁴, в работах Рассела не так часто можно найти прямые свидетельства искажения теории Майнонга. Они имеют место лишь в книгах «Введение в математическую философию» (1919) и «Мое философское развитие» (1959), причем первая была написана в тюрьме, а вторая – спустя 50 лет после его изучения философии Майнонга. С точки зрения Гриффина, подлинной причиной возникшей путаницы с изложением теории предметов является тот факт, что за аутентичную майнонговскую теорию ошибочно принимали разработки раннего Рассела, согласно которым каждый мыслимый предмет, всякая составляющая пропозиции обладает бытием. Поскольку впоследствии расселовская теория терминов и майнонговская теория предметов стали часто отождествляться, всю ответственность за эту путаницу возложили на Рассела. Между тем Рассел отчетливо видел отличие своих взглядов от позиции, занимаемой Майнонгом.

Рассела упрекают в непоследовательном изложении идей австрийского мыслителя, в неверной расстановке акцентов. Однако дело не в том, что Рассел имел ошибочное или неполное представление об описываемой им теории, а в том, что в своих рецензиях он по сути излагал не теорию Майнонга, а свою собственную.

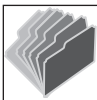
Говоря о дискуссии Рассела и Майнонга, часто отмечают, что причина, по которой имело место некоторое непонимание Расселом рецензируемых им работ австрийского философа, заключается в недостаточном хорошем знакомстве с ними. Это тоже неправда. В архиве Рассела хранится довольно много текстов Майнонга, которые буквально испещрены комментариями Рассела⁵. Итак, дело не в том, что Рассел неправильно понял или передал теорию предметов Майнонга, а в том, что он не ставил себе задачу просто пересказать теорию. Его больше интересовали те выводы, которые можно из нее сделать. Рассел прежде всего был занят концептуальными разработками своей собственной системы, поэтому теория Майнонга служила для него источником идей для его теории.

² Findlay J.N. Meinong's Theory of Objects and Values. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1963. P. xi-xii.

³ Linsky L. Referring. L. : Routledge and Kegan Paul, 1967. P. 16.

⁴ Griffin N. Russell's «horrible travesty» of Meinong // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives, 1977. № 97. P. 39–51.

⁵ См.: Eames E.R. Russell's Study of Meinong // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives. 1971/2. № 4. P. 3–7.

Научная дискуссия между Расселом и Майнонгом началась в 1899 г., когда Рассел опубликовал в журнале «Mind» рецензию на работу Майнонга «О значении закона Вебера» (1896). В ней Майнонг пытался показать, что все трудности, с которыми сталкиваются его современники в своих работах о психическом измерении, являются следствиями того, что сам аппарат измерения недостаточно разработан. В связи с этим он провел анализ базовых понятий, связанных с практиками измерения.

Отзыв Рассела на работу был положительным, однако имелись и некоторые критические замечания. Прежде всего он отметил, что некоторые тезисы Майнонга изложены в духе философии Брэдли (в частности, здесь имеется в виду описание Майнонгом психических состояний как протяженных). Кроме того, Рассел посоветовал Майнонгу обратиться к идеям неевклидовой геометрии.

В том же году Майнонг написал профессору Дж.С. Маккензи об этой рецензии, высоко оценив расселовские замечания, а также добавив, что попытался учесть их в своей новой работе «О предметах высшего порядка» (1899). В следующем году выходит его труд «Обобщения и сравнения» (1900), а затем наиболее известная книга «О предположениях» (1902). На эти работы Рассел как раз пишет свою трехчастную рецензию «Теория Майнонга о комплексах и предположениях», опубликованную в журнале «Mind» в 1904 г. В ней Рассел не просто излагает идеи Майнонга, но и пытается проанализировать теорию Майнонга и сравнить ее с идеализмом Дж.Э. Мура и Г. Фреге и своим реализмом.

В самом начале рецензии Рассел приводит довольно важное различие, которое предопределяет ход его дальнейших рассуждений, – между логикой, теорией познания и психологией:

«Теорию познания часто отождествляют с логикой. Так происходит, когда люди путают психические состояния с их предметами. Если речь идет о том, что некоторая пропозиция не тождественна знанию о ней, становится очевидно: вопрос о природе пропозиций отличается от всех вопросов о познании. Отказ признавать это разделение, видимо, имеет помимо метафизических последствий еще два дурных эффекта: он вводит в логику нерелевантные психологические соображения и в то же время исключает релевантные соображения такого рода из области теории познания. Первое происходит потому, что познание может быть основано только на психике и ни на чем другом. Второе случается вследствие того, что различие между логикой и психологией часто полностью упускают из виду и путают с различием между психологией и теорией познания. На самом деле теория познания отличается от психологии. Это более сложная вещь, так как она включает в себя не только то, что сама психология говорит о суждении, но также и различие на истинность и ложность, поскольку знание – это вера (belief) в то, что является истинным»⁶.

⁶ *Russell B. Meinong's Theory of Complexes and Assumptions // B. Russell. Essays in Analysis ; ed. by D. Lackley. L. : Allen and Unwin, 1973. P. 21–22.*

Как уже было сказано выше, Рассел здесь пишет скорее не о теории Майнонга, а о своей теории комплексных предметов и объектов. В своих рассуждениях он выдвигает четыре тезиса излагаемой им теории, последний из которых гласит, что «мыслимый предмет, даже если он не существует, обладает бытием, которое никоим образом не зависит от его бытия предметом мысли»⁷. Таким образом, создается впечатление, что этот тезис принадлежит Майнонгу, хотя на самом деле это не так. Сам Рассел пишет в примечании о том, что это изложение его точки зрения, а Майнонг только мыслил в этом направлении.

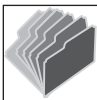
Гораздо проблематичнее выглядит другое высказывание Рассела – о том, что «бытие или, как пишет Майнонг, наличие (subsistence) несуществующего предмета часто может быть непременно дано в познании... Сначала мы думаем о золотой горе, затем воспринимаем то, что мы о ней думаем. Далее заключаем, что имеется представление о ней, и, наконец, делаем вывод о том, что золотая гора наличествует или имеет бытие»⁸. Стоит ли напоминать, что, согласно Майнонгу, условием возможности рассмотрения золотой горы является специально введенный в теории предметов режим внебытия, который не предполагает обязательного соотнесения такого предмета, как золотая гора, с конкретной областью бытия – сферой существования или сферой наличия. Потому переход, осуществляемый Расселом между различными онтологическими областями, заданными теорией Майнонга, непоследователен и, значит, свидетельствует о том, что Рассел на тот момент либо не до конца понял майнонговское различие трех видов предметов, либо не видел разницы между своей теорией, изложенной в «Принципах математики», и теорией предметов.

Эти рецензии вынудили Майнонга написать Расселу напрямую. Несмотря на видимое расхождение в их взглядах, он выражает восхищение работой Рассела, заявляя, что последний понимает его теорию лучше, чем немецкие читатели.

Рассел ценит дружественный настрой Майнонга и выражает ему поддержку в своем ответном письме. Кроме того, он пишет, что, следуя упомянутому различению, склонен отождествлять теорию предметов с логикой. Далее он утверждает, что если ранее он считал, что каждый предмет обладает бытием, то теперь наличие несуществующих предметов вызывает у него сомнение. При этом он опирается на фрегевское различие смысла и значения, понимаемое Расселом так, что смысл является предметом и обладает бытием, а значение предметом не является и, следовательно, не существует. Эта ссылка может свидетельствовать также о том, что в то время Рассел с помощью этого различения пытался решить проблему необозначающих определенных дескрипций.

⁷ Russell B. Op. cit. P. 21.

⁸ Ibid. P. 36.

В 1905 г. Рассел радикально поменял свою точку зрения, и его отношение к идее Майнонга о несуществующих предметах стало резко отрицательным. Это изменение впервые прослеживается в рецензии на книгу «Исследования по теории предметов и психологии», содержащей как эссе учеников Майнонга, так и текст самого мэтра⁹. Рассел предпринимает попытку задать общую концептуальную рамку, которая объединяет статьи сборника. Напомним, согласно взглядам Майнонга, которые он подробно и доступно излагает именно в этом тексте, суждения, допущения, равно как и представления, всегда имеют некоторый предмет, на который они направлены, причем подобного рода предметы признаются независимыми от состояний нашего сознания. Эта «независимость» фиксируется в одном из специальных принципов теории предметов, однако данное положение часто оборачивается некорректной интерпретацией – предрассудком в пользу действительного (*des Wirklichen*), что заставляет многих предполагать, что при мышлении о несуществующем предмете нет предмета, который бы не зависел от мысли о нем. Однако помимо существующих есть еще огромное множество иных предметов нашего познания, что может быть проиллюстрировано примерами из области математики, где мы часто имеем дело не с существующим, но с наличествующим – как в случае с числами. В связи с принципом независимости нет необходимости анализировать способ данности предмета субъекту познания, так как мы можем изучать сами предметы. Теория предметов и выступает той областью знания, которая позволяет нам исследовать наиболее существенные, существенные черты предметов различного типа.

Там же Рассел с позиций стороннего наблюдателя раскрывает, в чем состоит уникальность теории предмета и чем она должна быть интересна философу или логике. В первую очередь отмечается то положение, что теория предмета не может быть сведена к метафизике, поскольку вторая рассматривает исключительно реальные, существующие предметы, в то время как первая не имеет подобного рода ограничений. Более того, теория предмета имеет дело с тем, что нам может быть известно о предмете априори, что отличает ее от нашего знания о реальных предметах, которое мы приобретаем в опыте. Фиксируется Расселом и отличие теории предмета от гносеологии. В теории познания сам предмет изучения имеет, подобно медали, две стороны – психологический акт постижения и собственно независимый объект, на который познавательный акт направлен. Теория предмета также не может совпадать с чистой логикой, ведь эта область знания, по Майнонгу, имеет сугубо практическую направленность, ее цель – корректные рассуждения. В итоге теория предмета оценивается как самостоятельная и наиболее общая область знания из всех философских дисциплин.

⁹ См.: Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 198–230.

Таким образом, расселовская рецензия на «Исследования» имеет скорее описательный характер. Основное острие критики направлено на модификации теории предметов в разработках учеников и последователей Майнонга – Малли, Амеседера, Бенусси.

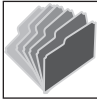
В изложении Рассела теория Майнонга предполагает разделение всех предметов на три класса: существующие, наличествующие и те, которых не существует и нет в наличии. Теперь Рассел корректно интерпретирует проводимое различие, что становится ясно исходя из тех примеров, которые он предлагает. Так, он говорит, что числовое многообразие или истинные пропозиции не существуют, а только имеются в наличии. В то же время не вызывает сомнений, что целый ряд предметов не попадает ни в группу существующих, ни в группу наличествующих. Таковыми, к примеру, могут являться те же ложные пропозиции или противоречивые предметы вроде круглого квадрата.

После пересказа Расселом теории предметов Эрнста Малли он все же замечает, что пока не существует удовлетворительной теории о круглом квадрате. Сам же он высказывает сомнения в том, что подобные неналичествующие предметы в принципе могут быть.

Наконец, Рассел выдвигает свои предложения по преобразованию теории Майнонга. Прежде всего необходимо исключить из рассмотрения предметы, не имеющиеся в наличии (вроде круглого квадрата), а также признать неверным то, что такие «аномальные» предметы не имеются в наличии (например, ложные пропозиции). Однако, как пишет Рассел, по мнению Майнонга, предметы, не имеющиеся в наличии, все же могут быть субъектами истинных (а значит, наличествующих) пропозиций. Согласно этому аргументу австрийца, предметы, не имеющиеся в наличии, все же будут наличествовать, если принять тот факт, что пропозиции представляют собой комплексы, а субъекты пропозиций – конститuentы комплекса.

Для Майнонга такое комплексное видение является скорее метафорой, в то время как для Рассела оно имеет фундаментальный характер. Рассел не согласен с тем, что невозможные предметы являются конститuentами, и усматривает в этом нарушение закона противоречия. С его точки зрения, при допущении невозможных предметов мы не можем отличить их друг от друга. Более того, невозможные предметы иногда становятся наличествующими и даже существующими (например, «существующий круглый квадрат»). В связи с подобными дурными следствиями Рассел настаивает на элиминации из рассмотрения всех невозможных предметов. При этом утверждает, что существенную помощь в этом направлении исследователю предоставляет теория дескрипций, предложенная самим Расселом в его знаменитой работе «Об обозначении» (1905).

В 1906 г. Майнонг пишет работу «О положении теории предметов в системе наук». Как раз ее он и высылает Расселу вместе со своим последним письмом, в котором поясняет, что в ней содержатся отве-

ты на высказанные Расселом критические замечания. В ответном письме Рассел вновь пишет, что он не согласен с майнонговским пониманием несуществующих предметов. С его точки зрения, нет никакой разницы между невозможными и несуществующими предметами и все они должны относиться к одному классу. В целом он высказывает те же соображения, что и своем первом письме, только на новом аргументативном уровне, используя аппарат теории дескрипций. Эта альтернативная теория элиминирует из области логического анализа все неполные символы.

После получения второй части работы Рассел вновь пишет Майнонгу (в свою очередь тоже последнее письмо). В нем он высказывает некоторые замечания, касающиеся майнонговского понимания необходимости. В различении между априорным и эмпирическим он склонен приписать знание о существовании второму, а знание о несуществовании первому. Он также высказывает свои соображения относительно того, как Майнонг понимает геометрию, утверждая, что геометрическое пространство, будь то евклидово или неевклидово, является гипотетическим. С его точки зрения, любое решение о том, какая геометрическая система описывает реальный мир, должно приниматься на основании опыта.

Некоторые свои идеи на эту тему Рассел также высказывает в своей рецензии на работу «О положении теории предметов в системе наук». В тексте австрийца основное внимание сконцентрировано на так называемых бездомных предметах, т.е. тех несуществующих предметах представления, которые есть или могли бы существовать. Примером здесь могут служить цвета, которые не являются чисто ментальными или психологическими, поскольку отделены от представлений цветов, но также и не могут быть отнесены к собственно физическим феноменам, поскольку не существуют в подлинном смысле этого слова в материальном мире. Итак, представление цветов существует, в то время как сами цвета нет. При этом есть множество истинных предложений о такого рода несуществующих предметах и, по всей видимости, эти пропозиции должны находиться в ведении теории предметов. Знание, которым располагает данная теория, является априорным и не зависит от существования и опыта. К примеру, мы опытно знаем о различии черного и белого, несмотря на то что сами цвета даны нам в опыте.

В рецензии Рассел подробно останавливается на вопросе разграничения эмпирического и априорного. Как утверждается, для Майнонга такое различие задается посредством утверждения существования или отсутствия такого утверждения. Например, пропозиция «привидения не существуют» будет маркироваться как экзистенциальная, поскольку все, что утверждает существование или несуществование, должно быть отнесено к экзистенциальному. Однако, замечает Рассел, всякая негативная пропозиция так или иначе выводится

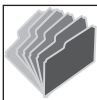

из нашего восприятия, т.е. опыта, в то время как имплицитивное суждение имеет своим основанием априорную имплицитивную пропозицию, согласно которой если предмет существует, то он воспринимается. Без такого рода предпосылки были бы невозможны негативные суждения. И потому, считает Рассел, в качестве основания для разделения эмпирического и априорного следует выделять наличие или отсутствия отдельного предмета, данного в восприятии. Возвращаясь к заявленной в примере пропозиции, Рассел оценивает ее как эмпирическую, поскольку она произведена посредством индуктивного вывода при рассмотрении тех ситуаций, когда привидения отсутствуют, хотя их можно было бы ожидать. Но, поскольку пропозиция получена с опорой на индукцию, она носит вероятностный характер. Вследствие этого пропозиции о существовании, которые не имеют отдельного предмета, должны признаваться либо априорными, либо эмпирическими, но более или менее неопределенными.

Другая проблема, которая занимает Майнонга, а вслед за ним и Рассела, – доказательство того, что геометрия является априорной дисциплиной, независимой от существования. Критическому разбору подвергается тезис австрийского философа о том, что аксиома о параллельных прямых является верной априори. Его аргумент основан на допущении того, что в неевклидовых геометриях параллельные прямые пересекаются. Пересечение параллелей невозможно – с этим соглашается и Рассел, но для Майнонга в отличие от его критика подобное утверждение не тавтологично. Для Рассела¹⁰, как и для его оппонента, чистая геометрия априорная дисциплина, однако ее аксиомы являются не истинными, а скорее гипотетическими. Вопрос о том, евклидово или неевклидово реальное пространство, не входит в область ведения чистой геометрии, а является исключительно эмпирическим, так как направлен на прояснение того, что же действительно существует.

Еще одной значимой темой для дискуссии стала проблема невозможных предметов вроде круглого квадрата. Согласно Майнонгу, невозможные предметы не подчиняются закону противоречия. Здесь следует несколько подробнее остановиться на том, что собой представляет сам закон. Мы можем рассматривать его на двух уровнях – предикативном и пропозициональном. К невозможным предметам, по Майнонгу, этот закон не применим именно на предикативном уровне – например, квадрат может одновременно быть квадратным и круглым (т.е. неквадратным). При этом закон соблюдается на пропозициональном уровне: не могут быть одновременно истинными пропозиции «Квадрат кругл» и «Неверно, что квадрат кругл». Как раз эти два уровня отрицания и соответственно двойное отношение к закону противоречия и вызывают у Рассела сомнения.

¹⁰ Точка зрения Рассела по этому вопросу подробнее изложена в: *Russell B. Non-Euclidean Geometry // The Athenaeum. 1904. № 4018.*

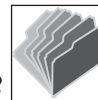

Другой тип отчасти «аномальных» объектов – это те, что не являются невозможными, но просто несуществующими, вроде «золотой горы» или «нынешнего короля Франции». Для Майнонга такие объекты могут становиться предметами нашего рассмотрения и наших истинных суждений, Рассел же предлагает в качестве некоторого логического «заграждения» против подобных предметов свою теорию дескрипций, в которой значимо то, с каким именно – первым или вторым – вхождением дескрипции мы имеем дело.

По Расселу, если мы согласимся с Майнонгом, то получим, что такой предмет, как «существующий круглый квадрат», существует, и это приведет нас к абсурду. Сопrotивляясь этому аргументу, австрийский мыслитель предлагает различать существование как детерминанту бытия и бытие существующим как детерминанту природы предмета. Таким образом, считает Майнонг, ему удастся достигнуть необходимого спекулятивного различия для разноуровневого рассмотрения этих понятий. Рассел считает этот аргумент неубедительным, а сам ход бесполезным, так как указанное различие видится ему непрозрачным и скорее попросту безосновательным.

Несмотря на то что в своих письмах оба автора выразили желание продолжить общение, на этом оно завершилось: не было написано больше ни одного письма, ни одной рецензии. И все же, хотя с тех пор Рассел стал рассматривать Майнонга скорее в качестве исторической фигуры, в ходе изучения трудов которого он сам разработал свою теорию дескрипций, Майнонг все же оказал на него определенное влияние. Так, впоследствии Рассел часто ссылался на Майнонга, когда писал об идеалистской концепции истины или о различении содержания и предмета. В неопубликованной работе о теории познания, датированной приблизительно 1913 г., он также опирается на теорию Майнонга о восприятии, суждении и истине. Наконец, в 1921 г. в книге «Анализ сознания» ученый уделяет большую часть своей первой лекции рассказу об отличии его нейтрального монизма от различения акта, содержания и предмета.

Предлагаем вниманию читателя перевод переписки Рассела и Майнонга, состоявшейся в кульминационный период развития их взаимоотношений – 1904–1907 гг. Эти письма позволяют не только проследить, как оформлялась расселовская теория дескрипций, но и составить представление о смысле и содержании диалога между этими авторами.

ПЕРЕПИСКА АЛЕКСИУСА МАЙНОНГА И БЕРТРАНА РАССЕЛА¹

*Майнонг – Расселу 7.XII.1904
Грац, 7 декабря 1904 г.*

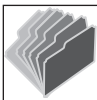
Глубокоуважаемый господин!

Я давно предчувствовал, что Вы понимаете смысл моих работ значительно лучше большинства моих немецких читателей. Я начал это понимать уже после высказанных Вами дружеских замечаний к моей работе о законе Вебера. Однако только после прочтения трех Ваших статей обо мне в журнале «Mind» я пришел к ясному пониманию того, насколько совпадают наши научные интенции. Надеюсь, что Вы не сочтете за труд и прочитаете три первые статьи из недавно изданных мною «Исследований по теории предметов и психологии». Первый трактат из них моего собственного сочинения я посвящаю Вам вместе с этими строками. Этой же проблематике посвящены две работы других авторов, прилагаемые к письму.

К сожалению, работы Фреге, равно как и Ваши «Принципы», были нам ранее неизвестны. Однако несмотря на эти и многие другие трудности, я все же надеюсь, что смысл понятия «теория предметов» достаточно ясно изложен в данной программе. Мне было бы очень интересно, если бы Вы в частном порядке или публично высказали свое мнение об этой работе.

С глубоким уважением,
А. Майнонг

¹ Перевод выполнен по изданиям: *Russell B. Philosophenbriefe: Aus der wissenschaftlichen Korrespondenz von Alexius Meinong*; Hrsg. von R. Kindinger. Graz: Akademisch Druck- u. Verlagsanstalt, 1965. S. 150–153; A. Meinong to B. Russell. 7 December 1904. Box 5.31, file 052866. Bertrand Russell fonds, William Ready Division of Archives and Research Collections, McMaster University Library; A. Meinong to B. Russell. 24 October 1906. Box 5.31, file 052867. Bertrand Russell fonds, William Ready Division of Archives and Research Collections, McMaster University Library.

*Рассел – Майнонгу 15.XII.1904
Иви-Лодж, Тилфорд, Фарнхэм, 15 декабря 1904 г.*

Глубокоуважаемый господин!

Весьма признателен Вам за дружеское письмо и сочинение «О теории предметов». Я прочитал Вашу научную работу с большим интересом, равно как и части 2–7 работы д-ра Амеседера, и совершенно согласен с базовыми положениями, лежащими в основании этих текстов, а рассматриваемые там проблемы нахожу важными. Хотя я и привык использовать термин «логика» по отношению к тому, что Вы называете «теорией предметов», а доводы (на с. 20 Вашей работы) против такого использования нахожу едва ли убедительными, все же признаю, что новая концепция должна получить новое имя, а наши разногласия по этому вопросу не так важны.

До настоящего момента я был совершенно уверен, что всякий предмет должен в некотором смысле обладать бытием, поэтому мне сложно признать несуществующие предметы. Когда мы имеем дело с золотой горой или круглым квадратом, необходимо (в терминах Фреге) проводить различие между смыслом и значением: смысл является предметом и обладает бытием, в то время как значение предметом не является. Различие между смыслом и значением может быть лучше всего проиллюстрировано на примере из области математики: выражение «квадратный корень из 4» имеет комплексный (составной) смысл, а его значение – число 2.

Я абсолютно согласен с точкой зрения, что математика суть теория предметов. Более того, это один из принципиальных тезисов, который я отстаиваю в своих «Принципах». Если у Вас нет этой книги, буду рад выслать ее на Ваш адрес. Вся первая часть этой работы имеет недвусмысленное отношение к вопросам, связанным с теорией предметов. Разумеется, есть множество дискуссий, цели которых чисто формальны, т.е. они лишь связаны с некоторыми математическими проблемами технического свойства. Наиболее же важными являются другие, общие вопросы, которым как раз и уделено основное внимание в моей работе.

Что касается Вашего рассуждения о метафизике (на с. 40), то хотя в целом я и склоняюсь к Вашей позиции, но все же испытываю некоторое затруднение. Дело в том, что, как мне кажется, в вопросе обо *всем* существующем мы не можем обращаться к эмпиризму. Следовательно, если и есть какая-то метафизика, то она должна быть априорной.

Надеюсь, что Ваши философские воззрения быстро получат известность. Я сам лично сделаю для этого все, что будет в моих силах.

С уважением,
Бертран Рассел

*Майнонг – Расселу 24.X.1906
Грац, 24 октября 1906 г.*

Глубокоуважаемый господин!

В первую очередь вместе с просьбой о некотором снисхождении я хотел бы высказать Вам свою благодарность за Ваши дружеские послания и, в особенности, за понимание и заботу, которые Вы проявили в своих замечаниях к двум моим публикациям. Причина моего промедления с ответом заключалась прежде всего в том, что мною был утрачен Ваш адрес. Он стал вновь мне известен уже после того, как я получил Ваше сочинение о трансфинитных числах. Тогда я надеялся, что смогу в скором времени приложить к моей благодарности также новую публикацию о теории предметов. Вопреки ожиданиям, это заставило себя так долго ждать, что Вы тем временем вновь обескуражили меня своей критикой, содержащейся в присланной Вами статье из «Revue de Métaphysique». Сейчас я могу наконец вместе с этими строками выслать Вам свою первую статью «О положении теории предметов в системе наук». Кроме этого, должен сообщить, что в двух следующих номерах «Zeitschrift für die Philosophie und philosophische Kritik» выйдут мои сочинения в продолжение этой темы. В них я воспользовался случаем и позволил себе вкратце ответить на некоторые высказанные Вами замечания. На мой взгляд, для нас сейчас не столь важным является улаживание этих наших несущественных разногласий. Гораздо важнее те некоторые общие базовые интенции, которые у нас остаются. В связи с этим меня бы особенно обрадовало, если бы моя новая работа внесла свой вклад в сохранение общности этих интенций.

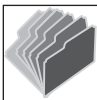
Я также с удовольствием воспользуюсь случаем для того, чтобы от всей души поздравить Вас с тем признанием, как почетным, так и заслуженным, которое получили Ваши «Принципы математики» в книге Л. Кутюра (в особенности в его введении к обзорной статье).

С глубоким уважением,
А. Майнонг

*Рассел – Майнонгу, 5.XI.1906
Бэгли-Вуд, Оксфорд, 5 ноября 1906 г.*

Глубокоуважаемый господин профессор!

Весьма благодарен Вам за дружеское письмо и интересную статью «О положении теории предметов в системе наук». Я абсолютно уверен, что разногласия, имеющиеся между нами, не так существенны. По большому счету я придерживаюсь тех же теоретических позиций, что и Вы. Мне особенно по душе Ваше утверждение о том,

что математика представляет собой знание, свободное от существования (*daseinfreies Wissen*), и, как закономерно следует из этого тезиса, принадлежит к теории предметов.

Что касается невозможных объектов, то, с моей точки зрения, золотая гора должна относиться к тому же классу предметов, что и круглый квадрат. В связи с этим я в своей работе «Об обозначении» использовал в качестве примера выражение «нынешний король Франции». Насколько Вам известно, для меня понятие необходимости не является фундаментальным. Отсюда ясно, что я не усматриваю различия между невозможными и несуществующими предметами. Более того, мне непонятно, как именно различаются «существовать» и «быть существующим». Конечно, я не отрицаю, что в истинных, равно как и в ложных предложениях невозможные объекты допустимы в качестве грамматических субъектов. Однако я уверен, что подобного рода предложения следует интерпретировать именно тем способом, который был предложен мной в статье «Об обозначении».

Мне весьма импонирует то, что Вы говорите о Фреге на с. 51. К сожалению, в связи с тем, что его тексты необычайно сложны, они не пользуются особой популярностью. По моему же мнению, он заслуживает величайшего признания.

С глубоким уважением,
Бертран Рассел

*Рассел – Майнонгу, 5.И.1907
Бэгли-Вуд, Оксфорд, 5 февраля 1907 г.*

Глубокоуважаемый коллега!

Премного благодарен за высланную Вами вторую часть статьи «О положении теории предметов в системе наук». Я нашел ее весьма интересной. Внимательно изучив то, что Вы пишете о концепте необходимости, я пришел к выводу, что наше расхождение во мнениях по этому вопросу не так велико, как показалось вначале. Я полностью признаю *эпистемическое* различие между априорным и эмпирическим знанием, что проявляется и в различении соответствующих объектов. Так, априорное знание в отличие от эмпирического не связано с существованием предмета (*daseinsfrei*). Замечу также, что термин «необходимо» в обыденном употреблении имеет множество значений и пролить свет на все смыслы этого слова возможно только в результате довольно длительной дискуссии.

К сожалению, я не могу согласиться с тем, что Вы пишете о неевклидовой геометрии. Свое собственное мнение мне часто доводилось отстаивать в «*Revue de Métaphysique et de Morale*», где я полемизировал с Пуанкаре. Я также уделил внимание этому вопросу в «Принци-

пах математики» (ч. VI) и вскользь затронул его в «Mind» (июль 1905, с. 414–415). Итак, по моему глубокому убеждению, неевклидова геометрия не утверждает, что две параллельные прямые могут пересекаться, но ставит вопрос о том, будут ли такие прямые являться параллельными. С моей точки зрения, геометрия также является онтологически нейтральным знанием, поскольку она является чистой математикой. Рассматриваемые в качестве систем чистой математики, неевклидовы геометрии в равной степени гипотетичны. В каждой из них утверждается ровно то, что следует из определенного набора некоторых базовых допущений (Prämisse). По этой причине можно говорить о том, что все неевклидовы геометрии в равной степени истинны. При этом есть только *одно* существующее пространство или по крайней мере пространство, так относящееся к существованию, что именно оно может быть названо пространством действительного физического мира. Является ли это пространство примером евклидовой или неевклидовой геометрии, можно выяснить только эмпирически. То, что две параллельные прямые не пересекаются, очевидно. Однако следует задаться вопросом, допускает ли параллельные прямые реальный мир.

Констатация возможности эмпирического знания о пространственных отношениях требует признания того, что реальные отношения могут быть даны эмпирически. Тогда следует задаться вопросом: евклидовыми или неевклидовыми являются ли данные в восприятии пространственные отношения? Математика показывает, что всякий класс, который через отношения создает евклидово пространство, в то же время через другие наличествующие (*bestehende*) отношения порождает все неевклидовы пространства. Тем не менее из всего множества этих систем отношений в актуальном мире есть только одна такая, в которой составляющие ее отношения *существуют*. В предложенном Вами рассуждении, насколько я вижу, нет ничего, что опровергало бы эту позицию.

Однако в главном я согласен с взглядами, представленными в Ваших работах. Поэтому считаю полезным обсуждение различных деталей и нюансов.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш, *Бертран Рассел*

Перевод с немецкого В.В. Селивёрстова и О.Ю. Попик

ИСТИНА И ЦЕННОСТИ КАК ОРИЕНТИРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Р.Э. БАРАШ

30 ноября 2012 г. на философском факультете МГУ им М.В. Ломоносова состоялась конференция-круглый стол «Истина и ценности как ориентиры социального познания», организованная кафедрой социальной философии философского факультета с участием приглашенных докладчиков из Института философии РАН.

В ходе дискуссии был рассмотрен ряд актуальных проблем и концепций: современные прочтения принципа «свободы от оценки» в социальном познании; своеобразии функционирования истины в социально-гуманитарном познании; возможности обоснования, подтверждения, доказательства применительно к гуманитарной науке; специфика каузальных объяснений и роли законов в области наук об обществе; вопрос о пределах применимости универсальных критериев научности к социальному познанию. Отдельное рассмотрение получил вопрос о прогрессе в социально-гуманитарных дисциплинах.

Дискуссию открыл декан философского факультета *В.В. Мионов*. Говоря о проблематике ценностей, он обратил внимание на то, что различие естественного и социального познания хотя и ставит вопрос о природных и социальных детерминантах познавательного процесса, но одновременно проясняет возможность понимания каузальности и закономерности, в том числе в социальном мире. В свою очередь, по мнению докладчика, для четкого определения специфики ценностей, а также границ знания об обществе необходимо четко различать социальную философию и теоретическую социологию. Дисциплинарная дифференциация, различия в методах позволят отличить знание о социальном от области знания о должном. И именно в контексте этого различия находит свое предметное поле социальная эпистемология, которую в этом смысле приходится квалифици-

ровать как общую теорию познания, а не ограничивать ее «узким» смыслом только как теорию познания социального.

В.С. Стёпин обратился к определению категорий «ценности», «истина», «социальное познание». Определяя «социальное познание», В.С. Стёпин указал на сложность и многослойность этого процесса, затрудняющие фиксацию его границ, поскольку в рамки процесса «укладываются» самые разные формы знания: и повседневное, и транслируемое через искусство и литературу, и религиозный опыт, причем каждая из этих форм выполняет собственные когнитивные функции. Корректное различение естественно-научного и социального знания предполагает учет своеобразия их форм организации и генезиса, но именно в социальное знание должно быть включено и так называемое вненаучное познание. При этом требуется не просто осуществлять демаркационные процедуры, а анализировать взаимодействие и взаимопроникновение различных типов познания. Кроме того, и в философии науки требуется учитывать принцип историзма, поскольку представление о рациональности меняется с развитием самой науки. Так, если к науке XIX в. применимо различение наук о природе и наук о духе, то в современной науке такое различение все больше размывается. Определяя ценности, В.С. Стёпин ключевой характеристикой называет деятельностное отношение к миру, поскольку в конечном счете именно ценности во многом «санкционируют» некий идеальный образ действительности, идет ли речь о действительности физики или действительности общества.

И.Т. Касавин в своем выступлении обосновывал необходимость определения места социальной эпистемологии в структуре гуманитарного знания, поскольку именно социальная эпистемология специализируется на выявлении социальной природы и социокультурной обусловленности познавательных процессов. Этот социокультурный поворот явился результатом эпистемологической эволюции. На смену классической эпистемологии, где центральной фигурой и объектом интереса выступает независимый от субъекта и общества объект познания, приходит неклассическое понимание субъект-объектной «расколотости», когда объекту как содержанию знания противопоставлен субъект как необходимое условие познания¹. Лишь в результате кантовского переворота субъект превращается в подлинно творческий источник знания. И только в рамках неклассической эпистемологии возникает попытка отказаться от традиционной субъект-объектной схемы.

Для понимания такого поворота, по мнению И.Т. Касавина, показательна дискуссия Д. Блура и Б. Латура. Если Блур вместе с Б. Барнсом выступил провозвестником социально ориентированной теории

¹ Более подробно об эволюции эпистемологии см.: *Касавин И.Т.* Вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XX, № 2. С. 5–12.

познания, то Латур, напротив, ориентировался на акторно-сетевую теорию. И хотя, по словам докладчика, в неклассической эпистемологии возникает различие когнитивного и социального, внутреннего и внешнего, онтологии и эпистемологии, приходится признавать, что любые абсолютные различия – лишь философская абстракция, имеющая социокультурное содержание. И культуру в этом смысле творит человек, легко впадающий в зависимость от чужого мнения и всегда готовый «поклониться тени».

Требуется не просто анализировать социальный контекст познания как такового, но изучать *когнитивно-культурные ансамбли*, в которых переплетаются самые разные формы социальности. Исследуя знания, нужно помнить, что, с одной стороны, знание всегда производится в обществе, хотя и не всегда служит его интересам. С другой стороны, общество не может воспроизводиться без знания, хотя и общество не всегда служит интересам познания. Таким образом, «трудная проблема» и особая дисциплинарная задача социальной эпистемологии состоит в необходимости видеть в знании социальность, а в социальности знание².

К.Х. Момджян, рассуждая о соотношении истин и ценностей в социальном познании в своем докладе «Современные интерпретации принципа “свободы от оценки”», трактует ценности не как объекты, способные удовлетворять человеческие потребности, и не как отношение значимости объекта для субъекта, а как имманентные субъекту мотивационные предпочтения, связанные с выбором приоритетных целей существования. Автор критикует распространенное убеждение в том, что истины и ценности не могут быть отделены друг от друга, поскольку находятся в отношениях композиционного пересечения. Автор убежден в том, что истина сама по себе не должна рассматриваться как ценность. Ценностью следует считать не истину как такую, а мотивационное влечение человека, которое М. Фуко именовал «воля к истине». В то же время ценностные предпочтения человека лежат вне сферы гносеологической верификации, фальсификации и других способов отличия истины от заблуждения (с той оговоркой, что гносеологической проверке не поддаются именно суждения ценности, а не оценки вообще, как полагают некритически мыслящие последователи М. Вебера). Ценностная ангажированность человека, по убеждению К.Х. Момджяна, затрудняет путь человека к объективной истине, но не делает его невозможным. Необходимость защищать прескриптивные, валуативные и проектные формы человеческого сознания от «когнитивного империализма» не должна вести к попыткам изгнать феноменологически данную и все же объективную исти-

² О взаимопроникновении форм социальности, культуры, языка и познания см.: *Касавин И.Т.* Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 14–29.

ну из тех сравнительно узких форм духовной практики, которые информационно обеспечивают адаптацию человека к условиям природной и социальной среды³.

А.Л. Никифоров ставит вопрос о своеобразии функционирования истины в научном и социальном познании и деятельности. Определяя истину лишь как эпистемическую оценку предложения, как соответствие описательных предложений реальности, докладчик указывает на очевидные различия применения таких оценок в естественных и гуманитарных дисциплинах. Если объекты естествознания «ведут» себя в соответствии с законами природы, то поведение или деятельность людей описывается «интенционально», выводится из «внутренних» и, как следствие, скрытых, психически определенных мотиваций. Если всякое естественно-научное описание интерсубъективно, то в гуманитарных науках реальность описывается через всегда произвольное «атрибутирование интенций». При этом описание социальных событий традиционно дополняется столь же произвольными интерпретациями и оценками. Влияние субъективного фактора на «гуманитарную истину», по мнению А.Л. Никифорова, не означает необходимости отказаться от понятия истины. Напротив, понятие объективной истины необходимо как для естественных, так и для гуманитарных наук, но с учетом специфики гуманитарной и естественно-научной истины⁴.

А.В. Назарчук в своем выступлении сосредоточился на проблеме анонимности истины в сетевом обществе. Проследив эволюцию смысловой интерпретации истины, А.В. Назарчук резюмировал, что история европейской философской мысли зиждется на аподиктической эпистемологии – на необходимой и общеобязательной концепции истины. Античные философы от Парменида до Платона исходили из убеждения, что истина всеобща, универсальна, безлична и одновременно уникальна, что было несовместимо с пониманием истины как результата личного исследования и идеей личности как таковой.

Современный этап развития социума, в интерпретации А.В. Назарчука, отличается складыванием постконвенциональных форм коммуникации, когда дискурс в социальных сетях обнуляет контекст: даже если индивид выступает под своим именем, это имя воспринимается как ник-нейм. Аргумент в сети отделен от автора, истина может быть анонимна, но не в дюргеймианском смысле, когда стирается граница между миром и образом мира. Это анонимность особого рода, предполагающая погружение индивида в огромные массивы информации. Анонимность истины становится определяющей, в то вре-

³ Более полно об отношениях ценностей и истины см.: *Момджян К.Х.* О проблемном поле социальной философии. Ч. 1 // *Личность. Культура. Общество.* 2006. Т. VIII. № 4. С. 161–179.

⁴ См.: *Никифоров А.Л.* Специфика описания в истории и социальных науках // *Вестник Московского университета.* Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 107–120.

мя как авторство и личный характер истины приобретает ценность в ситуации ее безликой тотальности. В этом смысле современная философия, словно двигаясь по спирали, возвращается к античным представлениям о безличности и анонимности истины.

А.Ю. Антоновский в своем выступлении артикулировал тезис о том, что с обособлением медиакоммуникации истина перестала быть ценностью, а ценности стали недоступны для рационального обоснования. По словам А.Ю. Антоновского, и ценности, и истина возникли как ответы на главную проблему коммуникации⁵: замкнутость психики, недоступность переживаний Другого для переживаний Эго. Ценности и истина решали проблему социального порядка, предоставляли «общий базис», «бесспорные начала» общения, которые были бы «выше» *действий* (воли, интересов, индивидуальных целей), т.е. оставались исключительно в сознаниях участников коммуникации.

Когда-то все медиакоммуникации являлись ценностями, универсально разделяемыми установками дружбы и любви, материальных ценностей, прекрасного, истинного, веры. Но в процессе эволюции коммуникаций из ценностей обособились специальные медиа, вокруг которых стабилизировались обширные практики коммуникаций (наука, политика, религия, искусство, экономика)⁶. Статус *подлинных ценностей* сохранило лишь то, что не допускает точной вербальной оценки и рефлексии, то, что уничтожается в процессе обсуждения, то, что существует только вне дискурса и вне критики⁷.

В.С. Кржевов не разделяет восходящих к философии Канта взглядов, согласно которым истины и ценности лежат в разных плоскостях, поскольку принадлежат якобы совершенно независимым друг от друга сферам сущего и должного. Их совмещение возможно при понимании тех и других как специфических составляющих информационных программ, ориентирующих и направляющих действия людей как общественных индивидов. В действительной жизни (а не мыслей или представлений о ней) человек пребывает в сфере необходимости, которую независимо от его взглядов и предпочтений невозможно ни отменить, ни изменить. Наряду с этим свободу человека «отменяет» (хотя выражение это не вполне удачно) отнюдь не всякая, но лишь «слепая» необходимость. Таким образом, всегда оставаясь субъектом разумно направляемой деятельности, человек вместе с тем непременно следует необходимости, а вот свободной его деятель-

⁵ О коммуникативной роли истины см.: *Антоновский А.Ю.* О различии истины и знания (или о том, где в знании коренится социальность) // Социоэпистемология: о пространственно-временных и личностных измерениях общества. М., 2010.

⁶ См.: *Антоновский А.Ю.* Язык: средство общения и разобщения // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. X, № 4. С. 59–68.

⁷ О роли дифференциации коммуникативных медиа в социальной интеграции см.: *Антоновский А.Ю., Касавин И.Т.* Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XX, № 2. С. 142–156.

ность может стать лишь тогда, когда направляется объективно-истинным знанием. Соответственно только в этих пределах бытие человека предстает как бытие свободного существа, откуда ясно, что, вдохновляясь сугубо личным ценностным предпочтением – стремлением к истине, люди науки в конечном счете призваны удовлетворить объективно-необходимую потребность людей в достоверной информации. Отвечая этой потребности, в культуре сообщества утверждается и сохраняется общезначимое представление об истине как о ценности. Личный же выбор целей деятельности индивидов, как и во всех прочих случаях, несомненно фундируется присущими культуре общезначимыми представлениями.

Подводя итог этому разноплановому обсуждению, нелегко привести его к некоторому общему знаменателю и сопоставить с мировыми трендами и подходами в решении проблемы демаркации научного и вненаучного познания, естественно-научного и гуманитарного знания. В целом если ряд зарубежных ученых (например, Б. Латур) не только отмечает радикальное отличие социального знания от естественно-научного, но и приписывает первому тенденцию к развенчанию собственного объекта, а другие (например, Ф. Хайек) выдвигают тезис о принципиальной непредсказуемости результатов социально-гуманитарных изысканий (в отличие от естественно-научного знания), то участники дискуссии склонялись к тому, чтобы вопрос о границах социального знания оставить открытым, указав лишь на сложность отграничения социального знания от прочих типов научного дискурса.

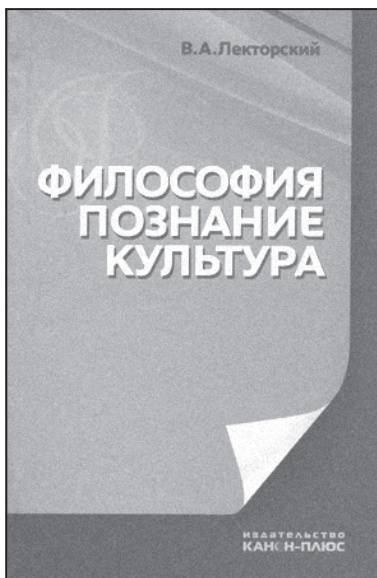
ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ПОЗНАНИЯ¹

(Рецензия на книгу: *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М. : Канон+, Реабилитация, 2012)

В.А. БАЖАНОВ

В настоящее время феномен идеологизированной науки представляет лишь исторический интерес. Между тем сравнительно недавно – каких-то 30 лет назад – этот феномен в некоторых формах еще существовал и некоторые из наших старших коллег предпринимали серьезные усилия, чтобы, по меткому выражению В.Н. Садовского, вытащить себя из пучины марксистского догматизма и втащить – за счет самообразования – в те или иные области философского знания. Автор книги – действительный член РАН Владимир Александрович Лекторский – принадлежит именно к этому поколению, преодолевавшему ортодоксальный марксистский подход, хотя вовсе не нигилистски относившемуся к его эвристически сильным компонентам. Это был

сложный и полный драматизма процесс, который требовал от борцов-философов с марксистским

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00005) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг. (мероприятие 1.3.2)».

догматизмом не только человеческой честности и чувства собственного достоинства как независимых мыслящих личностей, но и изрядной доли смелости. Так, в ставшей ныне едва ли не классической книге В.А. Лекторского «Субъект, объект, познание» (М., 1980) имеется всего лишь несколько (из многих сотен) ссылок на труды известных «классиков марксизма-ленинизма», а в библиографии литературы, которая использована при написании книги, эти труды отсутствуют вовсе. Между тем в годы издания этой книги теория познания однозначно отождествлялась с ленинской теорией отражения, и любой (явный или неявный) отход от этой позиции мог повлечь суровые санкции против отступников.

Лекторский возглавлял журнал «Вопросы философии» в период «бури и натиска», связанный с мощным процессом переоткрытия многих ценностей отечественной и зарубежной культуры 1980–1990 гг., когда его тираж достигал почти 90 тыс. экземпляров и каждый номер ожидался многочисленными (по)читателями с поистине революционным нетерпением.

В годы, которые последовали за перестройкой, Лекторский продолжал интенсивно работать. В рецензируемую книгу включены тексты публикаций и выступлений Владислава Александровича за последние 10 лет.

Если попытаться выразить некоторые общие – с высоты «птичьего полета» – впечатления о книге, то отчетливо видно, что это десятилетие автор энергично размышлял, причем не только о сугубо теоретико-познавательных, эпистемологических проблемах, но и о вопросах общекультурного порядка: о хри-

стианских ценностях, смысле жизни и смерти, либерализме, правах человека, социальных технологиях, особенностях развития отечественной гуманитарной и философской мысли, тех людях и коллегах, которые как-то повлияли на мировоззрение философа-мыслителя, его методологию и ценностные установки. Масштаб размышлений очень широк и показывает беспокойство автора по поводу смысла существования человека в современном мире и перспектив сохранения рационального отношения к этому миру.

И все-таки представляется, что центральными и наиболее оригинальными в книге являются те ее фрагменты, которые относятся к непосредственным профессиональным интересам автора – к эпистемологической проблематике. Так, вовсе не случайно книга фактически начинается с обсуждения вопроса о рациональности (рациональностях) как ценности культуры и предпринимается попытка осмыслить современные вызовы рациональности, коренящиеся в культуре (С. 24), ответ на которые невозможен без традиционных для европейской культуры обязательств в виде сострадания, самоотверженности и любви (С. 36).

Эволюция понимания рациональности ставит множество важных внутриэпистемологических проблем, которые являются открытыми и по сей день. Им философ Лекторский уделяет повышенное внимание.

Эти проблемы рассматриваются в контексте новейших достижений когнитивных наук, заставляющих не только переосмыслить понимание знания и процесса познания, характерные для клас-

сической философии, но и предложить их интерпретации, позволяющие утверждать факт перехода к неклассической версии эпистемологии, где, например, снимается традиционная дихотомия знания о сущем (фактах, природных зависимостях) и должном, выраженных в нормативных суждениях (С. 58, 114).

Неклассическое понимание знания во многом обязано постпозитивистской философии науки, заметившей факт тесного переплетения знания и веры и заявившей о невозможности непогрешимого знания. Задача современной эпистемологии оказывается двуединой: сформулировать стандарты, позволяющие различить знание и незнание, научное и ненаучное знание (прескриптивная задача) и описать, объяснить механизмы познавательного процесса (дескриптивная задача). Это предполагает скрупулезный анализ психологизма и антипсихологизма, реализма и антиреализма, конструктивизма и натурализма и иных эпистемологических доктрин и подходов. Такого рода анализ и проводится Лекторским, который замечает, что ряд положений современной эпистемологии так или иначе восходит к классике и, например, мощное противодействие психологизму можно наблюдать уже у И. Канта², а апогей критики психологизма достигнут у Э. Гуссерля. Действительно, трансценденталистскую интерпретацию сознания, восходящую к Канту, и его натуралистическую интерпретацию, предполагающую психологизмом, трудно

(если вообще возможно) совместить в последовательной теоретико-познавательной доктрине, покоящейся на твердых классических представлениях. Автор книги здесь категоричен: эти «установки сознания исключают друг друга» (С. 93), хотя думается, что богатство кантовской философии и последующее развитие ее идей позволяет выбрать более компромиссную точку зрения. Тем более что к этому подталкивает стойкая тенденция натурализации эпистемологии в результате достижений когнитивных наук, которые посредством идеи ментальных репрезентаций «обеспечивают контакт познающего существа... с миром и определяют его действия» (С. 103).

Речь здесь идет о последней, новейшей стадии развития когнитивных наук, которая породила качественно новое понимание познания в виде телесно воплощенного и деятельностного, известного ныне как *энактивизм*. Лекторский глубоко и подробно анализирует новое понимание познания и показывает, что его предпосылки можно найти в поисках отечественных мыслителей, которые в свое время старались разработать деятельностный подход. Этот подход настаивал на неразрывности познания и деятельности в мире и на более гибкой версии познавательного реализма. Здесь, подчеркивается в книге, очень велики заслуги отечественных мыслителей. Деятельностный подход успешно развивался и самим Лекторским. К генезису в советской философии деятельностной концепции и ее развитию он

² Хотя, как нам кажется, И. Кант своей идеей априоризма, ставшей краеугольным камнем концепции активности субъекта познания и сознания, внес заметный вклад и в развитие собственно психологизма.

обращается многократно; ей посвящен и отдельный параграф (С. 264–280). Мотивы этих возвращений очевидны: именно эта неклассическая концепция, как стремится обосновать автор, определяет статус и перспективы развития современной эпистемологии. Мысль о том, что онтологический статус деятельности более фундаментален, нежели существование отдельных объектов-вещей, содержит столь богатый теоретико-познавательный потенциал и может продуцировать оригинальный эпистемологический дискурс, что далеко не все ее следствия получены и нами вполне осознаны.

Дилемма реализма и антиреализма в современной эпистемологии обсуждается в книге в контексте противостояния реализма и различных разновидностей конструктивизма, которые воплощают в себе «дух» антиреализма, причем и постмодернизм и постструктурализм также фактически соответствуют установкам конструктивизма. Здесь вновь нельзя не вспомнить о Канте – «первом эпистемологическом конструктивисте», поскольку по существу имеется в виду положение о том, что человек учится видеть себя частью наблюдаемого им мира, который он сам сконструировал (С. 125, 129). Неклассическая теория познания предполагает классическую в качестве своей предпосылки и фундамента для понимания. Вероятно, здесь возможна аналогия с принципом дополнительности (в квантовой механике), который состоит в неклассическом использовании понятий классической физики.

Владислав Александрович находит веские аргументы в пользу защиты реализма, причем концеп-

ция конструктивного реализма ему представляется «наиболее перспективной и современной», а современные теории психологического восприятия, соответствующие этой концепции, расцениваются как «революционные». И понятно, по какой причине возможна такая оценка. Если в классической теории познания принято выделять два уровня – чувственный и рациональный, которые характеризуются качественно различными формами – ощущением, восприятием, представлением и понятием, суждением и умозаключением, то здесь мы вступаем на территорию неклассической доктрины: восприятие уже предполагает деятельность мозга на основе ментальных репрезентаций, что заставляет считать его разновидностью мышления, т.е. стирается грань между рациональным и чувственным уровнями познания (С. 142–143). С точки зрения энактивизма в восприятие включены не только сознание и мозг, но и все тело и окружение воспринимающего субъекта. Последний «вырезает» из окружающей его реальности только то, на что направлена его деятельность.

Рассуждая о человеке, автор замечает, что традиционный европейский гуманизм являлся историческим продуктом секуляризации христианских ценностей. Модный ныне постмодернизм в этом смысле существенно отходит от этих традиций. Нельзя не обратить внимания, что автор оценивает постмодернизм как открытый разрыв с упомянутыми ценностями; это продукт «нехристианской культуры» (С. 212). Секуляризация христианских ценностей выразилась и в рационализме, который в конечном счете оказался в фундаменте

триумфа культуры и науки, значительно улучшивших обыденную жизнь большей части человечества. Низвергать эту ценность европейской культуры недопустимо.

Особый интерес представляет раздел книги, посвященный «актуальному прошлому» и включающий в себя размышления об отечественной гуманитарной мысли и воспоминания о коллегах философов и людях, которые встречались в жизни старейшего сотрудника Института философии Российской Академии наук (в смысле пребывания в стенах этого института): В.А. Лекторский является сотрудником Института философии с 1957 г., а поступил он на философский факультет Московского университета в 1950 г. в разгар сталинизма, фактически в момент первого проблеска, рождения в нашей стране идей, которые должны были покончить не только с тоталитаризмом как таковым, но и с соответствующей ортодоксально-неповоротливой идеологией, причем автор книги был не сторонним наблюдателем, а активным участником ключевых событий, которые сопровождали ожесточенную борьбу с марксистским догматизмом и обретение отечественной философией своего неидеологизированного, в полном смысле слова *научного* облика.

Освобождение от марксистско-ленинской ортодоксии в полном соответствии с диалектической традицией началось в ее недрах: Э.В. Ильенков открыл новое исследовательское поле, которое состояло в поиске «логики» построения научной теории посредством «восхождения от абстрактного к конкретному» (а

не от «живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике»), а В.И. Коровиков отказывал философии в функции натурфилософии, которая позволяла бы философии подменять собой специальные науки. Свежие идеи вызвали вал идеологически фундированной критики со стороны закаленных борцов идеологического фронта. «Еретики» и их молодые сторонники были обвинены в ревизионизме (который считался, между прочим, более опасным, чем «буржуазная» философия, см.: С. 349). Они были вынуждены покинуть стены Московского университета. Центр свободомыслия переместился в Институт философии АН СССР. Ожесточенные схватки еще долго сотрясали стены Института – они не стихали вплоть до начала 1980-х гг.

Чрезвычайно яркой личностью и интеллектуально влиятельным мыслителем в 1960–1970-х гг. был Г.П. Щедровицкий, об идеях которого увлеченно пишет Лекторский. Щедровицкий искал свою уникальную стезю в философии с помощью разработки приемов «содержательно-генетической» логики, методологии операционально-рефлексивной деятельности мышления. Обладая выдающимися данными как оратор (автор этих строк неоднократно лично в этом убеждался) и организатор, Георгий Петрович увлек за собой множество людей в самых разных уголках СССР, положив начало популярному Московскому методологическому кружку и соответствующему методологическому движению. Здесь разрабатывалась общая теория деятельно-

сти, которая в фокус своего внимания помещала уже не познание, а процедуры проектирования, снимающие, по мнению участников движения, противопоставление собственно познания и практики. Щедровицкий настаивал на позиции бессубъектности при изучении мышления и Лекторский разделял антипсихологический пафос этой установки (С. 313).

Владислав Александрович характеризует Щедровицкого как «ультрарационалиста» (С. 301), который посредством своей методологии стремился конструировать и онтологии, и эффективные технологии мыследеятельности. Акцент на практическом значении своей методологии привел Георгия Петровича к разработке организационно-деятельностных игр, в ходе которых, как он считал, могли решаться важные народно-хозяйственные проблемы.

Идеи Щедровицкого, излагаемые в его многочисленных выступлениях, завораживали коллег. Некоторым нашим известным философам предстояло «переболеть» Щедровицким. Они вышли из «болезни» интеллектуально заметно возмужавшими и способными к продуцированию самостоятельных нетривиальных идей и концепций. Сам Георгий Петрович наиболее близким себе по духу и подходу считал, наверное, лишь И. Лакатоса, также энергично развивавшего методологические исследования.

В конце книги помещено интервью с В.А. Лекторским. В нем Владислав Александрович рассказывает о своем становлении как философа, о коллегах и о духе того времени. Мы узнаем, что «центральной фигурой в преодолении прежнего догматизма» был

Т.И. Ойзерман (С. 325), что между представителями различных направлений развития отечественной философии существовали непростые отношения, которые выражались в острых дискуссиях, обогащавших эти направления, что при описании метаморфоз советской философской мысли надо учитывать своего рода «двоемыслие» официальных идеологов, «капитанов» марксистско-ленинской доктрины, которое выражалось в публичном обличении философов, высказывавших новые идеи, но и в заказе этим же философам разных важных справок «наверх». Из воспоминаний Владислава Александровича можно узнать много интересного и, увы, печального о нашей сравнительно недавней философской истории.

Хотелось бы отметить еще один дар Лекторского: писать просто о сложном, прозрачно излагать высокую философскую мысль – дар, который соответствует славным традициям отечественного рационализма.

Зарубежные коллеги хорошо знают и высоко ценят Владислава Александровича как мыслителя. Он является действительным членом Международного института философии (в Париже), Международной академии философии науки (в Брюсселе), иностранным членом ряда других академий. Это признак зрелости современной философской мысли России, ее «вписанности» в мировой контекст, но одновременно и самобытности.

Новая книга академика РАН В.А. Лекторского безусловно крупное событие в отечественной гуманитарной мысли, значительный вклад в развитие эпистемологических исследований.

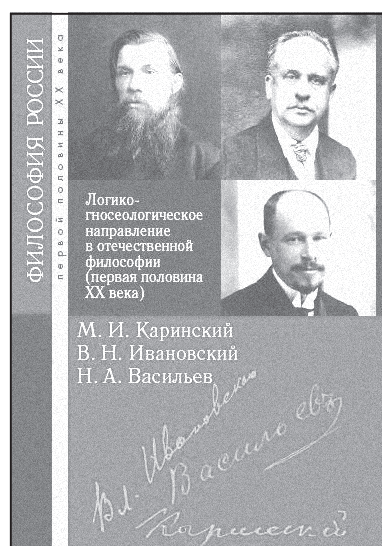
ИЗ ИСТОРИИ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

(Рецензия на книгу: *Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века)*: М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев ; под ред. В.А. Бажанова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 423 с. (Философия России первой половины XX в.))

Л.Г. ТОНОЯН

Книга представляет собой обширное исследование по русской философии конца XIX – начала XX в. В качестве основных личностей выбраны отечественные мыслители, уделившие особое внимание логике, о которой следует сказать особо. История логики в России все еще остается малоизученной областью исследования. Несмотря на плодотворные труды В.А. Бажанова, В.И. Кобзаря, Б.В. Бирюкова и др., мы еще далеки от создания полной и при этом детальной картины развития логики в России. Одной из причин этого является, по-видимому, исторический разрыв в преподавании и исследовании логики с начала 1920-х по 1940-е гг. Вследствие религиозного характера русской философии, исторически сложившейся связи логики с богословием и, в

частности, из-за того, что логика традиционно преподавалась и развивалась в духовных школах (и даже в университетах ее читали по

большей части духовные лица), исследования в этой области в советское время не приветствовались. Сейчас ситуация изменилась, и появилось немало исследований, посвященных отдельным фигурам отечественной философии и логики. Не исключено открытие новых имен ярких и оригинальных мыслителей.

В представленной книге собраны исследования последних лет, которые посвящены таким крупным фигурам, как М.И. Каринский, (1840–1917), В.Н. Ивановский (1867–1939) и Н.А. Васильев (1880–1940).

Книга открывается введением редактора сборника В.А. Бажанова, известного специалиста по истории логики в России, исследователя и пропагандиста идей выдающегося казанского логика Н.А. Васильева. Привлечение им в круг авторов сборника специалистов из других областей позволило представить русских мыслителей во всей широте и многогранности их творчества.

М.И. Каринскому посвящено весьма обстоятельное исследование Ю.А. Квасовой. Оно представлено тремя статьями, в первой из которых подробно рассматриваются жизнь и творчество Каринского, во второй – его концепция «потребности благосостояния» и в третьей – размышления философа о когнитивных основах нравственных чувств личности. Вторая статья представляет нам то, что можно назвать «философией человека» Каринского. Потребность благосостояния заключена не только в стремлении обогатиться материально, но и в желании получить духовное удовлетворение от способности развиваться нравственно,

возможности самостоятельно определять свои жизненные перспективы, правильно реагировать на воздействия со стороны общества, природы и проч. (С. 93). В третьей статье представлены этические воззрения ученого. Каринский анализирует и критикует этику Канта. В основе нравственного и эстетического чувств должно лежать, по убеждению русского мыслителя, стремление к идеалу. «Как все сущее сводится к Божеству как началу абсолютному и безусловному, так и нравственный порядок должен покоиться в своем основании на бесконечном как последней причине всякого бытия. В нашем сознании нравственный порядок ставится даже в наиболее близкое отношение к этому бесконечному» (С. 107). Каринский предстает перед нами как мыслитель, разработавший все основные разделы философии – не только логику, но и психологию, этику, историю и методологию наук. Раздел завершается статьей В.А. Бажанова «М.И. Каринский и Дж.Ст. Милль». Каринский хорошо видел недостатки растущего в философии психологического направления, к которому принадлежал и Милль. Недостаток ассоцианистского эмпиризма Милля, по мнению Каринского, заключался в том, что он игнорировал саму возможность умоизмерительной очевидности (С. 117). Гораздо менее известно читателю имя В.Н. Ивановского, хотя его заслуги в пропаганде философии и научного знания весьма велики, с чем можно согласиться, ознакомившись с информативной статьей А.Н. Ждан «В.Н. Ивановский как мыслитель».

И.Ю. Алексеева в статье «Научная философия как культурная система» доказывает, что концеп-

ция научной философии, органично связанная с общей концепцией науки и культуры, изложенной Ивановским в книге «Методологическое введение в науку и философию», заслуживает того, чтобы быть не «музейным экспонатом», а полноправным участником современных дискуссий о будущем науки и философии (С. 184).

Н.Г. Баранец, А.Б. Веревкин в статье «Методологические идеи В.Н. Ивановского в области математических наук» указывают на разработки ученого в области методологии науки, которые, если и не отличались принципиальной оригинальностью положений, во многом позаимствованных у неокантианцев и позитивистов, были тем не менее интересны и эвристичны для определения нового поля исследований (С. 220). В статье *В.А. Бажанова* «В.Н. Ивановский и А. Бэн» анализируется ассоцианизм как мощное философское направление XIX в., сторонником которого был Ивановский. Ученый осмыслил ассоцианизм в контексте критического исследования британской эмпирической философии и психологии. Если его учитель М.М. Троицкий рассматривал ассоцианизм только как психологическое направление, то Ивановский предпринял глубокий анализ английского эмпиризма и сделал вывод о весьма важном различии двух подходов ассоцианизма – гносеологического и психологического. Различение этих двух подходов является центральной мыслью в исследованиях Ивановского и составляет оригинальную часть его исследований ассоцианизма. Ученый считал, что теория психологического ассоцианизма поможет практическому решению педагогических проблем.

А.А. Шестаков в статье «В.Н. Ивановский в Самаре» обратил внимание на активную просветительскую деятельность ученого во все периоды его деятельности и, в частности, в Самаре. Ивановского можно отнести к когорте крупных организаторов философского образования в России и СССР.

В статье *Т.Г. Щедриной* «Владимир Ивановский и Густав Шпет: методологический проект “истории понятий”» рассмотрены методологические стратегии Ивановского и Шпета как один из вариантов «истории понятий». К сожалению, в отличие от одноименной истории Козеллека «история понятий» Шпета и Ивановского не была завершена созданием словаря философских и научных понятий. Несмотря на общность принципов анализа истории понятий, философы вступили в спор относительно многих понятий. В процессе анализа статьи-рецензии Ивановского становится очевидным, что основанием концептуального спора Ивановского и Шпета является их различная интерпретация понятий науки, истории, логики исторической науки, а также их гносеологические установки. Шпет (вслед за Э. Гуссерлем) рассматривает науку как целостное единство, он выходит за рамки неокантианской дихотомии и не разделяет науки о природе и науки о культуре. Ивановский остается в рамках этой дихотомии.

Интересно сопоставление Т.Г. Щедриной написанных Ивановским статей «Апперцепция», «Идея», «Идеализм» с соответствующими статьями «Новой философской энциклопедии». Автор статьи считает настоящей потребностью в обращении к опыту

этой работы – зарубежному и отечественному. Если мы хотим осуществлять исследования в области истории понятий, то должны учитывать не только исторический опыт европейских коллег, но и опыт русской философской традиции, каковым является методологический проект «Энциклопедии философской терминологии» Г. Шпета и В. Ивановского. Русские философы уже тогда осознавали, что философские понятия существуют не в воздухе и даже не только в метафизических системах, они пронизывают систему словоупотреблений конкретных социальных языков.

Третьим мыслителем, представленным в данной книге, является Н.А. Васильев. Это имя стало известно философской публике благодаря неустанным исследованиям В.А. Бажанова, нашедшим отражение в статьях и книгах об этом интересном русском мыслителе. В разделе «Н.А. Васильев как человек и мыслитель. Открытие и судьба воображаемой логики» пе-

ред нами предстает яркая завершенная картина личности и идей мыслителя в области логики, психологии, философии. Известно, что логические работы Васильева 1910–1914 гг. предвосхитили рождение и становление неклассических разделов современной математической логики (и шире математики), на полвека опередив мировую логическую (и математическую) мысль. Благодаря этому Васильев относится к тому (не столь уж многочисленному) ряду отечественных ученых, приоритет которых в открытии новых направлений в науке признан в мировом масштабе.

Как рецензент, прочитавший эту книгу, я полностью согласна с заключением В.А. Бажанова, что знакомство с этой книгой вызовет интерес читателя и к другим представителям логико-гносеологического направления в русской философии, судьба которого в советской России оказалась трагичной, но которое, тем не менее, возродилось во второй половине XX в.

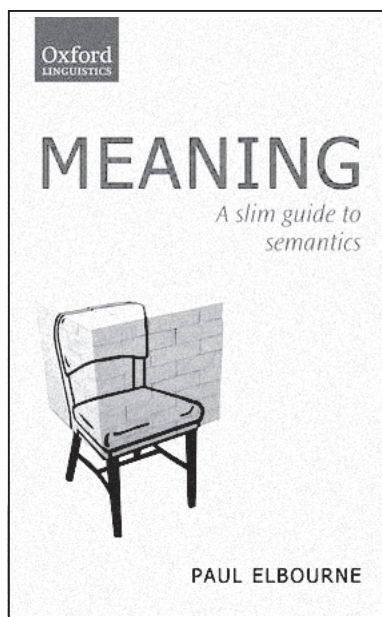
ПРОБЛЕМА СМЫСЛА В СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(Рецензия на книгу: *Elbourne P. Meaning. A Slim Guide to Semantics. Oxford, 2011* (Элбурн П. Значение. Краткий путеводитель по семантике))

П.С. КУСЛИЙ

Книга британского лингвиста и философа Пола Элбурна представляет собой краткое введение в проблематику современной философии языка как междисциплинарное исследовательское пространство между философией, лингвистикой, логикой, психологией и когнитивной наукой. Книга может быть интересна не только студентам и аспирантам, но и исследователям и преподавателям, ибо она в соответствии с названием действительно является путеводителем по современной семантике: каждому из обсуждаемых вопросов сопутствует указание как на классические, так и на самые современные исследования. Материал подается в простой и доступной для понимания форме, не требующей предварительного знакомства с техническим аппаратом теоретической лингвистики. Повествование сопровождается примерами из литературы, кинематографа, политики, юридической

практики, что демонстрирует релевантность семантической проблематики для жизни современного общества.

Особый интерес этой книги, ставший причиной написания настоящей рецензии, заключается в том, что Элбурн излагает стандартную философско-языковую проблематику с точки зрения скорее философствующего лингвиста, чем философа языка. Стандартным логико-семантическим подходам исследования языка, используемым в аналитической философии и наиболее хорошо знакомым отечественному читателю, он противопоставляет аналитические методы современной теоретической лингвистики: генеративной грамматики, когнитивной науки, экспериментальной психологии. Он обсуждает теоретические расхождения между традицией логической семантики и взглядами на язык и значение Н. Хомского и его последователей, указывая на сильные и слабые стороны каждой из традиций. Именно этим своим компаративистским аспектом книга выгодно отличается от всех остальных стандартных введений в семантику, и именно в этом ракурсе ниже будет представлено содержание ее основных глав.

Первая глава посвящена проблемам значения слов. Несмотря на то что формальная семантика и генеративная грамматика практически не исследуют данную область, ориентируясь скорее на структурные аспекты значения более сложных выражений, автор приводит интересный и релевантный материал для обсуждения. В частности, большое внимание уделяется сложности определения содержания слов. Так, исходя из, казалось бы, всем известного слова «стул» и соответствующих определений Оксфордского толкового словаря, Элбурн показывает, что

ни одно из них не оказывается достаточным и необходимым. Единственной сферой, представляющей исключение, является, по его мнению, математика.

Что же до философии, то она, по его замечанию, исследовала значение таких терминов, как «знание», «истина» и др., на протяжении тысячелетий, однако консенсус по этому вопросу так и не достигнут. И даже современное философско-языковое разделение содержания выражений на интенционал и экстенционал при всей его привлекательности оказывается по ряду параметров неудовлетворительным. Так, одной проблемой является фиксация экстенционала выражения (исследовавшаяся Х. Патнэмом в рамках его так называемой социолингвистической гипотезы, согласно которой экстенционалы выражений фиксируются экспертным научным сообществом). Другая проблема логико-философского подхода к значению отдельных слов представляет собой уже целый набор сложностей, которые обсуждаются автором в рамках оппозиции семантического референциализма и интернализма уже во второй главе книги.

Коротко говоря, референциализм (референциальная теория значения) – это классическая логико-философская теория, разрабатывавшаяся классиками аналитической философии и исходящая из того, что языковые выражения могут обозначать объекты мира. Обсуждая ее, Элбурн упоминает и теорию множеств, и споры об универсалиях, и метафизические проблемы пустых имен и вымышленных объектов. Данные экскурсы вряд ли можно признать удачными в силу их сжатости (5 страниц), не-

избежной для короткого путеводителя, коим является данная книга. Вряд ли человек, ранее не знакомый с этим направлением философской проблематики, сможет здесь что-то самостоятельно разобрать – в лучшем случае получит общее представление для дальнейшего изучения. Гораздо больший интерес представляет авторская экспозиция семантического интернализма (или ментализма), который он связывает с генеративной грамматикой Хомского и его критикой классической философской теории значения.

Интернализм в отличие от референциализма исходит из того, что значения слов суть идеи в сознании индивида, т.е. психические сущности, а не объективные сущности внеязыковой реальности (физические или абстрактные объекты). Элбурн указывает на связь интернализма с идеями Аристотеля и Дж. Локка и представляет его современную хомскианскую версию следующим образом: «Язык, согласно Хомскому, является в своей основе психологическим феноменом. Человеческие существа обладают определенным психическим аппаратом, коим является *ментальный лексикон*, содержащий все известные нам слова и синтаксический модуль, сообщающий, как грамматически правильно их сочетать. Весь этот индивидуальный ментальный аппарат в целом именуется *языковой способностью*. Слова – суть ментальные сущности, состоящие из трех частей: фонологическая информация (о том, как их произносить), синтаксическая информация (как часть речи и в случае глаголов переходность или непереходность), наконец, семантическая информа-

ция или значение. (К этому списку может быть добавлена и орфографическая информация для людей, знающих грамоту.) Семантическая информация ... практически совершенно недоступна сознанию, а форма ее существования загадочна» (С. 23).

Из данной теории следует, что каждый человек обладает своим собственным понятием стула, стола и т.п., а их единого понятия (слова) не существует. В ментальном лексиконе каждого человека имеется слово «стул», с которым связывается отдельный набор фонологических, синтаксических и семантических характеристик. Различия между этими наборами могут быть количественными и качественными. Единого английского, французского и какого-либо другого языка нет. Есть лишь группы индивидов со схожими языковыми способностями, достаточными для осуществления коммуникации.

На данном этапе, разумеется, возникает стандартное антипсихологистское философское возражение против интернализма: мы ведь говорим об объектах, а не о своих идеях тех или иных объектов. Данный вопрос Элбурн обсуждает на материале соответствующей дискуссии между Хомским и Патнэмом, в которой Хомский утверждает, что, согласно его теории, слова, обозначающие идеи в сознании индивидов, лишь используются ими для ссылки на объекты мира в процессе коммуникации. При этом данная отсылка может быть размытой, неточной и т.д. Примеры Хомского, в частности с книгой (скажем, «Война и мир»), о которой говорят, что она весит полтора килограмма и одновременно является мировым бестселлером, которые

приводит автор, призваны показать сложности референциальной теории значения и преимущества интерналистской концепции. Отдельные доводы в пользу последней приводятся со ссылкой на работы экспериментальных психологов, а конкретно на теорию прототипов, которая обсуждается в контексте ее критики Дж. Фодором и другими исследователями.

Третья глава посвящена обсуждению трех важных аспектов значения слов: синонимии, неоднозначности (ambiguity) и размытости (vagueness). Обсуждаются сходство и различие проблем, связанных с анализом этих понятий. Так, неоднозначность обсуждается параллельно с размытостью и анализируется далее в терминах полисемии и омонимии. Это весьма интересное обсуждение имеет не менее интересный итог, представленный попыткой автора указать на предпочтительность (по крайней мере, для него лично) интернализма по сравнению с референциализмом. Он приводит опубликованные в 2006 г. данные из экспериментальной психологии, подтверждающие наличие ментальных репрезентаций значений слов в сознании индивидов. С его точки зрения, это является основанием для принятия ментальной составляющей значения слов, о которой говорит интернализм. Объективная философская реальность как источник значения слов при таком подходе оказывается дополнительной надстройкой к ментальной, которой самой по себе уже достаточно, чтобы реализовать необходимые для семантики задачи. По мнению Элбурна, это ставит ее (объективную реальность референциализма) перед угрозой брит-

вы Оккама, по крайней мере в области семантики.

Четвертая глава посвящается анализу значения предложений, но и здесь автор осуществляет свое повествование в терминах противостояния референциализма и интернализма, отстаивая идею о том, что композициональная семантика предложений может быть вполне последовательно реализована, если исходить из интерналистского понимания содержания составных частей предложения (слов и их сочетаний). Здесь также исследуется вопрос семантики возможных миров, которая, по мнению автора, должна быть признана допустимой и для интерналистского подхода, поскольку возможные миры рассматриваются как математические объекты. Последние хоть и не являются психическими сущностями, тем не менее могут использоваться в рамках теории значения точно так же, как математические объекты используются в других эмпирических науках для моделирования их предметной области и установления требуемых соотношений между ее элементами. Обсуждая востребованность возможных миров в семантике, автор знакомит читателя с их интерпретацией Д. Льюисом, а также рядом его последователей, затрагивает проблемы недостаточности такого анализа и необходимости его дополнения экспликацией значения в терминах ситуаций (на примере ситуационной семантики Дж. Барвайса и Дж. Перри). Наконец, здесь же читатели знакомятся и с основами анализа именных групп в терминах отрицательной полярности (теория У. Ладусо).

Точно так же, как и значения слов, значения предложений ис-

следуются в трех аспектах: следование, пресуппозиция, неоднозначность. Данным трем стандартным для всякого учебника семантическим свойствам предложений посвящена пятая глава книги. Следование представляется скорее как необходимое условие для анализа пресуппозиций. Классический пример пресуппозиционального высказывания «Современный король Франции лыс» изначально обсуждается также стандартно через призму спора между Б. Расселом и П. Стросоном об истинностном значении этого предложения. Однако далее автор снабжает это обсуждение более новым материалом, например современными подходами к данному спору, представленными известными лингвистами П. Лейзерсоном и К. фон Финтелем, которые сформулировали аргумент о том, что нельзя однозначно признать Стросона или Рассела правым, ибо люди склонны приписывать то или иное истинностное значение (в данном случае «ложь» или «неопределенность») пресуппозициональным утверждениям исходя из того, насколько важным в их обыденном опыте является то, о чем идет речь в предложении.

Структурная неоднозначность предложений и связанные с ней проблемы композиционального анализа их значений обсуждаются Элбурном вместе с объяснением основ грамматики непосредственных составляющих и принципов построения синтаксических деревьев. Здесь вводятся такие понятия, как подъем кванторной группы, след, сфера действия квантора и др.

Только шестая глава книги представляет читателю обсуждение вопроса о соотношении значе-

ния и грамматики, т.е. проблему, с которой обычно начинается большинство учебников или иных вводных текстов по семантике. Здесь просто и ясно описывается идея математической функции и восходящий к работам Г. Фреге метод функционального анализа значения сложных выражений как способа объяснения его композиционального характера. Объясняется также запись математической теории множеств и λ -запись А. Чёрча. Автор не забывает и о том, что данная стандартная экспликация в целом не соответствует базовым идеям интернализма, ибо рассмотрение функции как значения языкового выражения делает значением выражения абстрактный объект, т.е. нечто помимо ментальных объектов. Данную неувязку Элбурн не считает критической: она, как и теория возможных миров, является примером использования в семантике математических объектов, что он считает безобидным.

Соотношению значения и контекста посвящена седьмая глава, в которой изначально обсуждается семантика индексных выражений. Помимо стандартного обсуждения классических теорий Д. Каплана и Дж. Перри автор исследует ряд других вопросов семантики местоимений (как парадигмальных индексных выражений), которые показывают недостаточность классического анализа. В приводимых примерах значение местоимения может быть не только индивид, но и квантор, и функция, обозначаемая определенной дескрипцией. Здесь же обсуждаются основные идеи ключевых для современной семантики проблем donkey-анафоры и интенцио-

нального тождества, связываемых с именем П. Гича. Обсуждается также теория ограничения сферы действия естественно-языковых кванторов на примере концепции одного из ее основных разработчиков – Дж. Стэнли. Рассматривается и критика этой теории в рамках теорий релевантности и имплицитного содержания, восходящим к работам Д. Спербера и Д. Уилсон.

В этой же главе немалое внимание уделяется введению в лингвистическую прагматику на материале концепции П. Грайса. Актуальность теории имплицитного содержания высказывания, обсуждаются Элбурном на примерах из реальной юридической и политической практики использования языкового анализа в суде, позволившего увеличить срок заключения осужденному с 5 до 30 лет, а также умелого применения имплицитур политиком Х. Клинтон для манипуляций фактами в дебатах с оппонентами.

Последняя, восьмая глава, посвященная вопросам соотношения языка и мысли, по-видимому, окажется особенно интересной для сторонников лингвистического релятивизма – позиции, согласно которой язык детерминирует мышле-

ние и языковые ограничения оказываются когнитивными ограничениями. Обсуждая гипотезу Сепира–Уорфа и привлекая результаты современных антропологических и лингвистических исследований, Элбурн показывает, что данная гипотеза подтверждается лишь на ряде случаев детерминации сознания на ежедневном житейском уровне, не представляющих теоретического интереса, и поэтому не должна рассматриваться всерьез теоретиками значения языковых выражений. Характерно, что в качестве аргумента автор использует один из наиболее ярких примеров, якобы подтверждающих сильные варианты гипотезы Сепира–Уорфа: язык и мышление индейцев Пирахан, в языке которых нет понятия числа и числительных.

Несмотря на то что, обсуждая основные направления в современной семантике, Элбурн не скрывает своих собственных теоретических предпочтений, его изложение нельзя назвать тенденциозным. Автор всегда оставляет читателю возможность выработать собственное предварительное отношение к решениям, которые предлагаются для тех или иных проблем. Этот аспект книги также нельзя не упомянуть как ее безусловное достоинство.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. ВОСТРИКОВА

Сол Крипке. Референция и существование. Лекции имени Джона Локка. (*Kripke S. Reference and Existence. The John Locke Lectures. Oxford University Press, 2013.*)

Лекции имени Дж. Локка – ежегодное мероприятие, организуемое университетом Оксфорда, для прочтения которых приглашаются самые влиятельные и значимые философы. Книга представляет собой сборник ранее не опубликованных лекций одного из наиболее известных современных философов Сола Крипке, прочитанных им в октябре–ноябре 1973 г. Книга состоит из шести лекций, в которых Крипке развивает идеи, сформулированные в его основной работе «Именование и необходимость». Здесь исследуются такие темы, как соотношение именованности и существования, в частности проблема пустых имен, т.е. указывающих на вымышленные или несуществующие объекты. Подробно обсуждается различие между референцией говорящего (объектом, на который говорящий хотел

указать с помощью референциального выражения) и семантической референцией (референцией выражения безотносительно интенций говорящего).

Пол Элбурн. Определенные дескрипции. (*Elbourne P. Definite Descriptions. Oxford University Press, 2013.*)

Пол Элбурн – автор книг «Ситуации и индивиды» (2005) и «Значение: краткий путеводитель по семантике» (2011) и множества статей в лингвистических и философских журналах. В своей новой книге Элбурн отстаивает фрегевскую теорию определенных дескрипций, согласно которой определенные дескрипции (такие выражения, как «король Франции», «стол справа») указывают на конкретные объекты или индивидов. Этой концепции противостоит расселовская теория, согласно которой определенные дескрипции являются квантифицированными выражениями. Элбурн строит семантику фрагмента английского языка, используя свою версию ситуацион-

ной семантики. Он показывает, как его система способна объяснять пресуппозиционные свойства определенных дескрипций, их поведение в модальных контекстах и решать проблему неполноты и контекстуальной зависимости дескрипций. Он также обсуждает историю исследования данной проблематики в философии (работы Г. Фреге, Дж. Пеано, Б. Рассела) и релевантные современные концепции в лингвистике, философии языка и психолингвистике.

Марк Ричард. Контекст и пропозициональные отношения. Значение в контексте. Том 1. (Richard M. Context and the Attitudes. Meaning in Context. Vol. 1. Oxford University Press, 2013.)

Работа представляет собой междисциплинарное исследование на стыке областей философии языка, лингвистики и когнитивных наук. Сборник содержит 13 статей Марка Ричарда по семантике пропозициональных установок. Здесь обсуждается целый ряд проблем философской семантики и философии сознания. Центральная тема книги – зависимость выражений языка от контекста. Обсуждаются такие темы, как референция и проблема существования (истинные отрицательные экзистенциальные выражения, пустые термины, фикции и рассказы, интенциональные транзитивные глаголы («он искал Санта-Клауса»)), кванторы в естественном языке, роль смысла (во фрегевском понимании) в семантике и прямая референция, загадка Крипке, верования *de re* и *de se*, случайные априорные высказывания, вопрос о том, являются ли содержания наших верований структурированными по образу и подо-

бию предложений, которые их выражают, или они являются неструктурированными. Автор рассматривает перспективу построения семантики пропозициональных установок, не обращая к свойствам или возможным мирам.

Дженнаро Кьеркиа. Логика в грамматике. Полярность, свободный выбор и интервенция. (Chierchia G. Logic in Grammar. Polarity, Free Choice, and Intervention. Oxford University Press, 2013.)

Дженаро Кьеркиа исследует соотношение между логикой и языком. Книга посвящена в основном полярным выражениям, т.е. таким, которые могут появляться только в предложениях с определенной – позитивной или негативной – полярностью. Кьеркиа исследует, как синтаксические процессы взаимодействуют с языковыми феноменами, чувствительными к полярности. В книге утверждается, что многие структуры, обычно воспринимаемые как синтаксически некорректные, в действительности получают такой статус из-за своих логических свойств, например потому, что они являются противоречивыми в некотором особенном смысле.

Генеричность ; под ред. А. Мари, К. Бейсад, Ф. ДельПрет. (Genericity ; ed. by A. Mari, C. Beyssade, F. Del Prete. Oxford University Press, 2013.)

Книга представляет собой современное введение в исследование универсальности и может рассматриваться как продолжение известного проекта «Генерической книги» («Generic Book»), изданный Г. Карлсоном и Дж. Пеллетье-

ром в 1995 г. В исследовании человеческого мышления универсальность является ключевым понятием, поскольку оно позволяет пролить свет на способность организовывать воспринимаемую нами реальность и описывать закономерности. В книге собраны новые работы как уже состоявшихся, так и молодых исследователей. В статьях обсуждаются понятия класса и индивида, универсальности, выраженные глаголом (понятия диспозиции, способности, привычки), множественность и др.

Фредерике Мольтман. Абстрактные объекты и семантика естественного языка. (Moltmann F. *Abstract Objects and the Semantics of Natural Language*. Oxford University Press, 2013.)

Ф. Мольтман исследует одну из наиболее древних философских проблем – проблему абстрактных объектов. Вопрос о природе абстрактных объектов рассматривается в данной книге с точки зрения семантики естественного языка. В частности, автор исследует, допускает ли естественный язык референцию к абстрактным объектам и если да, то каким образом. Опираясь на аппарат современной лингвистической семантики, она отстаивает тезис о том, что традиционные философские онтологические представления о природе абстрактных объектов во многом являются неправильными. Она показывает, что референция к таким абстрактным объектам, как свойства, числа, пропозиции и степени, является гораздо более маргинальной, чем считается. К примеру, естественный язык часто допускает референцию к тропам (свойствам, воплощенным в конкретном объекте).

Для обсуждения абстрактных объектов используются кванторы, например «некоторый», или реифицирующие выражения, например дескрипции («число 7»). Обсуждаются такие темы, как онтология троп, семантика кванторов в предикативной позиции, природа пропозиций, интенциональные транзитивные глаголы и их объекты («Он ищет Санта-Клауса»).

Время: язык, мышление и реальность ; под ред. М. Ячолт и Л. де Соссюр. (Time: Language, Cognition & Reality ; ed. by K.M. Jaszczolt and L. de Saussure. Oxford University Press, 2013.)

Книга представляет собой сборник статей, в котором рассматриваются лингвистические и ментальные репрезентации времени. В сборнике приняли участие философы и лингвисты. В статьях рассматриваются такие проблемы, как референция к моментам или отрезкам времени, аспект и модальность, темпоральные наречия («всегда», «иногда»), временные отношения между событиями и их репрезентации в языке.

Граница между семантикой и прагматикой в философии ; под ред. М. Эскурдии и Р. Стейтона. (The Semantics-Pragmatics Boundary in Philosophy ; ed. by M. Ezcurdia, R. Stainton. Oxford University Press, 2013.)

Сборник содержит ранее опубликованные работы, посвященные проблеме проведения границы между семантикой и прагматикой – одной из центральных тем современной философии языка. Классические философские статьи и недавние интересные исследования составляют три раздела: «Ка-

нонические основания» (здесь можно найти классические работы П. Стросона, Дж. Остина, П. Грайса, С. Крипке, Д. Каплана, Д. Льюиса, Р. Столнакера, Дж. Пери и др.), «Прагматическое определение того, что сказано» (где обсуждается влияние контекста на условия истинности предложения, статьи Дж. Стенли, К. Баха, Дж. Серла, Х. Капеллена, Э. Лепора, Ф. Реканати и др.) и Case studies, где обсуждаются проблемы метафоры (Д. Дэвидсон, Дж. Серл, К. Виринг) и знания и сознания (Д. Льюис, Дж. Сол, М. Кебл).

Стратегии квантификации ; под ред. К.Х. Джил, С. Харлоу, Дж. Цулас. (Strategies of Quantification ; ed. by K.H. Gil, S. Harlow, G. Tsoulas. Oxford University Press, 2013.)

Книга посвящена семантике и синтаксису кванторов в естественных языках. Среди авторов А. Гианакиду, Т. Стоувел, Л. Меттьюсон и др.

Александра Айхенвалд. Императивы и команды. (Aikhenvald A.Y. Imperatives and Commands. Oxford University Press, 2012.)

Рассматриваются императивы в широком ряде языков, в том числе редких. Особый акцент делается на соотношении прагматики и культурных практик.

Следующие две книги не посвящены напрямую философии

языка, но представляют определенный интерес для данной области.

Дэвид Чалмерс. Конструируя мир. (Chalmers D.J. Constructing the World. Oxford University Press, 2013.)

В своей новой книге известный австралийский философ развивает карнаповский проект логического построения мира. Идея состоит в том, что мир может быть описан на основе очень ограниченного словаря, и все истины о мире могут быть выведены из этого описания. В центре исследования – понятие выводимости (scrutability): автор отстаивает тезис о том, что из ограниченного класса основных истин могут быть выведены все истины о мире.

Пол Хорвич. Метафилософия Витгенштейна. (Horwich P. Wittgenstein's Metaphilosophy. Oxford University Press, 2013.)

В книге известного американского философа, сторонника дефляционной концепции истины, излагается новая интерпретация поздних работ Л. Витгенштейна. Он утверждает, что в основании его взглядов на язык, сознание, математику, знание, искусство и религию лежит радикальная анти-теоретическая метафилософия (которую Хорвич характеризует как дефляционистский взгляд на природу философии), а не отождествление значения выражения с его употреблением, как это традиционно считается.

ВЛАДИМИРУ НАТАНОВИЧУ ПОРУСУ 70 ЛЕТ

Владимиру Натановичу Порусу, известному российскому философу, доктору философских наук, ординарному профессору и заведующему кафедрой онтологии, логики и теории познания Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», члену редколлегии нашего журнала исполнилось 70 лет.

Большая часть исследовательской деятельности В.Н. Поруса связана с Институтом философии РАН, где он прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, доктора философских наук, в том числе и с сектором социальной эпистемологии. Научное творчество Владимира Натановича, поражающее широтой проблематики – от многозначной логики и «научного реализма» до экзистенциальных глубин софиологии и персонализма, пронизано напряженным вниманием к путям и судьбам рациональности в культуре, заботой о человеке, стоящем «на краю культуры», со всеми его рациональными, нерациональными и иррациональными вопрошаниями и упованиями. Самой актуализацией проблемы рациональности в многомерности и парадоксальности ее культурного бытия отечественное научное сообщество обязано именно новаторским работам Владимира Натановича, редкому сочетанию его энциклопедической эрудиции и профессиональной изощренности с темпераментным небезразличием к «повседневности».

Серия книг Владимира Натановича, вышедших в последние годы – «Рациональность. Наука. Культура» (2002), «У края культуры (философские очерки)» (2008), «Перекрестки методов (опыты междисциплинарности в философии культуры)» (2012), открывает новые перспективы философского и культурологического исследования личности, духовности, коммуникации.

Ведущая тема всего его творчества – ответственность научной рациональности перед культурой и ответственность самой культуры. Ее в полной мере принимает на себя блестящий преподаватель, любимец студентов и полемический лидер научных конференций – Владимир Натанович Порус. Его лекции и доклады – это всегда событие, имеющее как научную, так и экзистенциальную значимость, событие рождения мысли.

Мы рады поздравить нашего коллегу и друга с замечательным юбилеем и пожелать ему неиссякаемой бодрости и творческих инсайтов. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Редколлегия

Contents

Ilya Kasavin. The Principle of Charity: Is the Cognitive Agent Worth Trusting? The principle of charity (a principle of rational accommodation, a principle of humanity) is broadly discussed in the analytical philosophy of language as a prerequisite of understanding and communication (W. Quine, D. Davidson). It represents a kind of epistemic trust in the common abilities of the knowing agent and common cognitive situation. In contrast to this, the skeptical tradition rooted in Descartes puts an accent on the critical doubt as a main epistemological tool. The clash between the epistemological optimism (realism) and skepticism (relativism) generates a significant problem situation for those who endorse "fact-objectivism" and reject the social-epistemological vision of the cognitive agent.

Key words: charity, epistemic trust, realism, fact-objectivism, rule following, relativism, social epistemology, Quine, Davidson.

Jennifer Lackey. A Deflationary Account of Group Testimony. How should we understand group testimony as a source of knowledge? According to a reductionist account, a group's testimony that *p* is epistemologically reducible to the testimony of some individual(s). In contrast, a non-reductionist account of these phenomena maintains that in some very important sense, the group itself is the bearer of the state. In this paper, I raise problems for both views and then develop my own deflationary account, according to which the epistemic status of a group's testimony is reducible to that of one or more individuals, though not necessarily ones who are members of the group in question.

Key words: testimony, knowledge, reductionism, non-reductionism, deflationism.

Ivan Mikirtumov. Compositionality and Its Pragmatics. The article discusses the bases of an explication of statements in general intensional logic and in logical pragmatics. The problem of the status of the statement as a pragmatological action and its analysis get special importance for intensional logic, and so does the search for an answer to the question of how the sense of paradoxical expression functions in language. For a subject of knowledge who has linguistic competence and certain logical-semantic intuitions a paradoxical statement is clearly understandable and this fact should receive an explication by means of a logical theory of sense. The pragmatics of non-compositional expressions is analyzed by the author.

Key words: compositionality, theory of sense, semantics, pragmatics.

Sergey Merzlyakov. Can Zombies Dream? One of the most debated issues in contemporary philosophy of mind is the problem of the status of private states of consciousness. The author analyzes the concept of epiphenomenalism and refers to the mechanism of the «reward system» to indicate that qualia can be the cause of behavior. The article deals with the thought experiment «philosophical zombie» which allows to show that qualia are an integral part of the modeling system. The author concludes that the private state of mind can cause an emotional response to a simulated situation.

Key words: subjectivity, imagination, qualia, consciousness, the hard problem of consciousness.

Konstantin Frolov. A Contribution to the Critique of Representationalism. The article deals with the basic ideas and approaches to the problem of perception and consciousness, which are known as representationalism. The author describes the specifics of higher-order theories of perception of W. Lycan and higher-order thought theory of D. Rosenthal. Also he discusses some features of a non-reductive version of representationalism in connection with arguments of D. Chalmers, who prefers Frege's interpretation of content of experience to Russell's version. Finally, the author addresses several critical arguments which concern the difficulties met by representationalism in cases when it becomes necessary to take into consideration cultural, historical and semantic context of various events and phenomena in the framework of human perception.

Key words: representation, intentionality, qualia, explanandum, contextual dependence.

Antonina Pozdnyakova. Psychologism as a Paradigm *non grata*: from D. Hume's Philosophy of Consciousness to the Critique by M. Heidegger. The article discusses

M. Heidegger's attempts to overcome such problems of philosophy of knowledge as the relativization of knowledge, the loss ontological character of cognizable things, the transformation of truth as a mode of absolute Dasein authenticity to the situation assessment in the truth or false conditional judgments. It is stated that M. Heidegger's psychologism is founded on the ontological proposition about the identity of being and thinking. The M. Heidegger's philosophy is discussed as an alternative to psychologism.

Key words: philosophy of knowledge, psychologism, skeptical relativism, ontological proposition, M. Heidegger.

Alexander Khramov. Are Naturalized Epistemology and Evolutionism Compatible? The naturalistic approach to the justification of knowledge and its compatibility with evolutionism are discussed in the present study. Naturalists want to establish reliability of our cognitive faculties by reference to natural selection. But according to the evolutionary argument against naturalism, which was suggested by Alvin Plantinga, if our cognitive apparatus has been produced by the blind evolutionary process, its reliability would be low. Author elaborates this argument and argues that we should admit failure of naturalized epistemology or return to the teleological world-view.

Key words: naturalism, knowledge, evolutionism, cognition.

Gerasimova I., Milkov V. Paley Explanatory about a Universe and Knowledge. Paley Explanatory – the encyclopedic monument of Ancient Russia, supposedly created in the pre-Mongol period. The ontological and epistemological perspective of Paley is of interest. The authors discuss some of its features: a combination of originality of ancient science and everyday experience, the reasoning and mentality of ancient scribe.

Key words: old book-learning, Paley, Hexaameron, picture of the world, anthropology, knowledge, antique science, everyday experience, argumentation.

Evgeny Blinov The Anatomy of Labyrinth: Hume On Personal Identity. The topic of this article is one the most discussed subjects in contemporary Humean studies – the problem of personal identity. Hume placed the section "Of personal identity" at the very end of the first book of his *Treatise of Human Nature* in order to demonstrate the efficiency of a new "experimental" method in the domain of "moral subjects". However, many scholars claim that the way he treats this problem reveals a fundamental methodological conflict of the *Treatise* between the "Newtonian" physicalism and "naturalism", i.e. between the theory of the bundle of perceptions and Humean moral psychology, created under the influence of Hutcheson. The author discusses the historical aspect of the problem and suggests that it consists in the polemics against both Cartesian rationalism and Locke, as well as the genesis of Hume's own theory of ideas.

Key words: David Hume, personal identity, theory of ideas, bundle of perceptions, John Locke, synchrony and diachrony.

Наши авторы

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН. E-mail: varshinov@mail.ru.

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета. E-mail: vbazhanov@yandex.ru.

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. E-mail: raisabarash@gmail.com.

Блинов Евгений Николаевич – кандидат философских наук, выпускник аспирантуры Института философии РАН, ассистент лаборатории ERRAPHIS (Университет Тулуза II, Франция). E-mail: moderator1979@hotmail.com.

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: katerina-vos@mail.ru.

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора логики Института философии РАН. E-mail: home_gera@mail.ru.

Горохов Виталий Георгиевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН. E-mail: vitaly.gorokhov@mail.ru.

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: iliakassavine@yahoo.com.

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: kusliy@yandex.ru.

Лэки Дженнифер – профессор философского факультета Северо-Западного университета (США). E-mail: j-lackey@northwestern.edu.

Мамчур Елена Аркадьевна – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философских проблем естествознания Института философии РАН. E-mail: elena.mamchur@rambler.ru.

Мерзляков Сергей Сергеевич – аспирант кафедры философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: merzlyakovsss@mail.ru

Микиртумов Иван Борисович – доктор философских наук, заведующий кафедрой логики философского факультета СПбГУ. E-mail: mikirtum@mail.ru.

Мильков Владимир Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: dr_milkov@mail.ru.

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: nikiforov-first@mail.ru.

Позднякова Антонина Сергеевна – аспирантка кафедры истории философии факультета философии НИУ ВШЭ. E-mail: antonina-palto@mail.ru.

Попик Ольга Юрьевна – аспирантка философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ассистент кафедры философии РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: helga.popik@gmail.com.

Селивёрстов Владимир Валерьевич – магистр философии, аспирант философского факультета НИУ ВШЭ. E-mail: vlseliverstov@mail.ru.

Стёпин Вячеслав Семенович – академик РАН, почетный директор Института философии РАН.

Тоноян Лариса Грачиговна – канд. филос. наук, доцент, каф. логики СПбГУ. E-mail: tonoyan2003@list.ru

Фролов Константин Геннадьевич – аспирант кафедры философии науки и техники философского факультета СПбГУ. E-mail: konstantin-frolov@yandex.ru.

Храмов Александр Валерьевич – аспирант Палеонтологического института РАН им. А.А. Борисяка, младший научный сотрудник. E-mail: a-hramov@yandex.ru.

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. E-mail: vshuper@yandex.ru.

Памятка для авторов

1. ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

При написании статей рекомендуется учитывать профиль издания и строить содержание и форму статьи применительно к одной из рубрик журнала. Предлагаемые материалы должны являться не опубликованными ранее научно-философскими текстами, обладающими актуальностью и новизной. Объем любого материала – до 1 а.л.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- материалы принимаются по электронной почте или (в исключительных случаях) в распечатке (2 экз.) вместе с электронной версией (на носителе);
- файл с текстом статьи должен также содержать краткую аннотацию на русском языке (приблизительно 1000 знаков) со списком ключевых слов, название и аннотацию на английском языке (600 знаков) со списком ключевых слов, информацию об авторе (ученая степень, ученое звание, место работы, адрес электронной почты);
- редактор – Word, шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 12; интервал – 1,0; лист А4;
- ссылки в низу страницы, сквозная нумерация;
- кавычки только угловые – « ».

В ССЫЛКАХ ОСТАВЛЯТЬ ТОЛЬКО СЛЕДУЮЩИЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- нем., англ., амер., греч., лат. – и др. языки;
- пер. – перевод;
- соч. – сочинение, сочинения;
- кн. – книга;
- Т. – том;
- Ч. – часть.

СОКРАЩАЮТСЯ НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ (В ССЫЛКАХ):

М., Л., СПб. – Москва, Ленинград, Санкт-Петербург.
В., L., P., N.Y., F.a.M., W. – Берлин, Лондон, Париж, Нью-Йорк, Франкфурт-на-Майне, Вена.
Сначала идут русские названия (если есть), затем – названия на иностранном языке. Автор, название, место и год издания – L., 1965; M., 1995. Работы отделяются друг от друга точкой с запятой (;). Если в библиографию включается статья, то книга, в которой она напечатана, приводится через знак //. Названия журналов – без кавычек, без курсива и без сокращений.
Иванов В.С. Либерализм Ф. Хайека. М., 1997; *Popper K.* Open Society. V. 1. Oxford, 1956.

3. ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ

Материалы рассматриваются в течение трех месяцев двумя независимыми рецензентами и далее редколлекцией, которая принимает окончательное решение о публикации.

4. МАТЕРИАЛЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПО АДРЕСУ:

Институт философии РАН, Волхонка, 14/1, стр. 5, Москва, 119991, члену-корреспонденту РАН, главному редактору журнала «Эпистемология и философия науки» Касавину Илье Теодоровичу; а также по электронной почте: journal@iph.ras.ru

5. Редакция журнала выражает надежду, что потенциальные авторы осознают необходимость сделать свои труды доступными для коллег и учащихся их университета. Этому служит распространение журнала через подписку. Если автор или учреждение, где он работает, оформили подписку на наш журнал, просим предоставить копию оплаченного платежного поручения (факсом или электронной почтой). Данная информация необходима для совершенствования подписной политики в регионах. Редакция журнала приветствует деятельность потенциальных авторов и контрагентов журнала, направленную на пропаганду эпистемологии и философии науки в образовательных и научных учреждениях страны, в том числе и в форме расширения подписной базы журнала.

6. С автором текста, одобренного редколлекцией, заключается договор о передаче ИД «Альфа-М» исключительных прав на его публикацию сроком на 1 год.

За публикацию материалов плата не взимается и гонорар не выплачивается.

Подписка

Уважаемые коллеги. Наш журнал распространяется как в розницу, так и по подписке. Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Кроме того, в настоящее время альтернативную подписку журнала осуществляют: «Интерпочта» (Москва), «Информнаука» (Москва), «Красносельское агентство “Союзпечать”» (Москва), «Пресс Инфо» (Казань).

Читатели могут также получить любое количество номеров журнала (от 1 до 4 в год), лично обратившись в редакцию.

Индекс в каталоге Респечати: **46318**

Адрес редакции:

119019, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5
Институт философии РАН
Телефон: (495) 697-9576
Факс: (495) 697-9576
Электронная почта:
journal@iph.ras.ru

Адрес издательства:

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В,
стр. 1
Издательский Дом «Альфа-М»
Тел./факс (495) 363-4260 (доб. 573)
Электронная почта: alfa-m@inbox.ru

Более подробную информацию см. на сайте журнала www.journal.iph.ras.ru

Эпистемология & философия науки. 2013. Т. XXXVI. № 2

Главный редактор чл.-корр. РАН *И.Т. Касавин*
Заместитель главного редактора д-р филос. наук *И.А. Герасимова*
Ответственный секретарь канд. филос. наук *П.С. Куслий*
Литературный редактор канд. филос. наук *Е.В. Вострикова*
Компьютерная верстка *О.С. Тониной*

Подписано в печать 29.05.2013
Формат 60 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 16,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательский Дом «Альфа-М»
Адрес: 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел./факс: (495) 363-4260 (доб. 573)
E-mail: alfa-m@inbox.ru

Адрес редакции: 119991, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5
Институт философии РАН. Тел.: (495) 697-9576
Факс: (495) 697-9576. *E-mail:* journal@iph.ras.ru